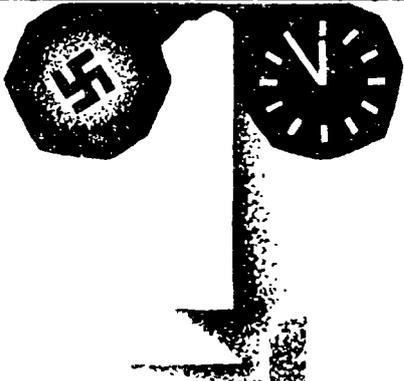

ВИКТОР ЕГОРОВ

**ЗАГОВОР
ПРОТИВ**

ЭВРИКИ.

ИЗДАТЕЛЬСТВО “СОВЕТСКАЯ РОССИЯ” МОСКВА — 1968

P2
E30

В 1943 году германской разведке стало известно о том, что в Тегеране состоится конференция руководителей трех держав антигитлеровской коалиции. По личному указанию Гитлера готовился террористический акт против участников конференции. Эта повесть рассказывает о том, как органам государственной безопасности с помощью чекиста, сумевшего еще задолго до войны проникнуть на службу в германскую военную разведку — абвер, удалось сорвать заговор фашистов. Повесть написана на основе действительных событий и исторических фактов, но фамилии героев и некоторые данные о них по определенным причинам изменены.

Художник Н.Н.ЛУТОХИН

1-12-2
88-68

I

На перроне Мюнхенского вокзала стоял высокий сутулый старик. Он зябко ежился, спрятав голову в поднятый воротник пальто. Февраль 1930 года выдался в Мюнхене особенно холодным и ветреным. Гансу Шульцу при его подагре, с разболевшимися суставами, трудно было стоять на ветру. Но старик стойко переносил непогоду. Он ждал племянника, единственного близкого родственника, который остался у него.

Неуверенно ступая больными ногами, Ганс Шульц сделал несколько шагов к краю платформы, чтобы взглянуть вдоль пути, на который ожидался берлинский поезд.

Старик был уверен, что сразу узнает Фридриха. Дома он долго разглядывал фотографию плечистого молодого человека, стараясь найти в нем сходство со своим братом Отто. В последний раз старик видел Отто, когда тот был юношей. Образ его давно стерся в памяти, тем не менее он находил, что у племянника такая же густая светлая шевелюра, такой же высокий крутой лоб и что в его взгляде, как и у Отто, чувствуется решительность и воля. “Наверное, такой же упрямый, каким был брат”, — по-своему истолковал старик взгляд племянника.

Ганс Шульц расстался с младшим братом задолго до первой мировой войны. Маленькая скобяная лавчонка едва кормила семью, поэтому отец решил переехать в Россию и заняться там виноградарством. Соблазняли вести о процветании немецких колоний в Закавказье. Родители взяли Отто с собой, а Ганса оставили в Мюнхене: страшно было вот так сразу порывать с родиной. Ганс был уже достаточно взрослым и свободно мог продолжать торговлю в лавке.

Вскоре Ганс обзавелся семьей, продал скобяную лавку и провел несколько спекуляций на бирже. Ему неожиданно повезло, он утроил свой капитал. Но Ганс не стал дальше испытывать счастье, оставил сделки на бирже и купил небольшую колбасную фабрику. Однако дела его на этом поприще не особенно двигались — мешала конкуренция крупных промышленников.

В 1920 году, в доме мюнхенского адвоката Гаусмана, Ганс Шульц познакомился с Адольфом Гитлером. Это было вскоре после собрания немногочисленных приверженцев Гитлера в мюнхенской пивной “Гофбройхауз”, на котором он провозгласил программу фашистской партии.

Гости Гаусмана с интересом слушали разглагольствование Гитлера по поводу этой программы. Не было ни одной социальной группы, которой не обещались бы в ней всевозможные блага и процветание. Особенно запали в душу Ганса Шульца слова Гитлера:

— Мы покончим с засильем крупного капитала, мелкие промышленники получают свободу предпринимательства.

Этот невзрачный, болезненного вида человек с солдатской выправкой, вставший на защиту мелких дельцов, произвел на Ганса сильное впечатление. Ему понравился даже пронзительный голос Гитлера, а чрезмерную жестикуляцию он принял за признак огромной энергии.

Вскоре после встречи с Гитлером Ганс Шульц вступил в фашистскую партию и стал отдавать на ее нужды часть прибыли со своей фабрики. В то время помощь эта была для нацистов большим подспорьем. На него обратил внимание сам Гитлер, и Ганс попал в его окружение. Гитлер любил поговорить с этим “представителем толпы”.

Через три года Шульц участвовал в мюнхенском фашистском путче. Переворот тогда не удался, но это не повлияло на убеждения Шульца, его связи с нацистами крепили. Ближайшие сподвижники фюрера, такие, как Отто Штрассер, Рудольф Гесс, Альфред Розенберг, хорошо знали Ганса Шульца и высоко ценили его преданность. Они достали ему разрешение на оптовые закупки продовольственных товаров за границей. Пользуясь нехваткой продуктов в стране, Ганс Шульц сбыв приобретенную пшеницу с огромной выгодой. Из прибыли он внес солидную сумму в фашистскую кассу и купил себе два дома, один в Берлине, другой в Мюнхене.

Однако благополучие Ганса Шульца было неожиданно нарушено. Умерла его жена, а через год после ее смерти погибла в железнодорожной катастрофе единственная дочь — студентка. Ганс Шульц сразу постарел, потерял интерес к делам и начал постепенно отходить от партийной работы. Его фабрика пришла в упадок. Правда, старик все-таки сумел избежать разорения, удачно ликвидировал свои дела и собирался уйти на покой. Но он очень страдал от одиночества и боялся, что с уходом от дел тоска совсем отравит ему жизнь. Поэтому он решил выписать из России племянника и усыновить его.

Встречая Фридриха, Ганс Шульц волновался. Его и раньше беспокоило многое — каков человек Фридрих, будет ли питать родственные чувства к старому дяде, ведь они совершенно не знают друг друга, хорошо ли он воспитан. Но страх перед одиночеством заглушал эти сомнения. Сейчас, перед встречей, они возникли с новой силой и растревожили старика.

Ганс Шульц посмотрел на часы — десять часов утра. Вот-вот должен прибыть поезд. Из-за станционных построек оказался паровоз, который, натужно пыхтя, медленно, словно одолевая подъем, приближался к платформе.

Шульц увидел Фридриха издали и хотел было броситься навстречу, но больные ноги отказали, суставы точно окаменели. Фридрих узнал старика, которого видел на семейных фотографиях, и поспешил к нему. Ганс Шульц заключил его в объятия и от радости прослезился.

Из суетящейся толпы за этой встречей внимательно следил худощавый мужчина лет пятидесяти, в очках с толстыми стеклами. Он никого не ожидал, и, видимо, встреча дяди с племянником была единственным, что его интересовало на вокзале. Он заметил, что молодой человек был взволнован и вначале держался неуверенно, но, ободренный теплой встречей, почувствовал себя свободнее, взял растроганного старика под руку.

Когда Шульцы в сопровождении носильщика с чемоданами направились к выходу из вокзала, человек в очках с толстыми стеклами вышел на привокзальную площадь через другую дверь и сел в старенький “ситроен”.

— Как ваше здоровье, дядя Ганс? — спросил Фридрих, усаживаясь в машину вслед за стариком.

— Ох, не спрашивай, Фридрих. Das Alter ist Spital, das alle Krankheiten aufnimmt¹. Но больше всего одолевает одиночество. Дома как в склепе. Теперь не будет тоскливо, — и он снова обнял племянника, потом полез в карман и, вынув коробку, извлек из нее таблетку и отправил под язык. Радость была слишком обременительна для потрепанного сердца старого нациста.

Машина Шульца тронулась с места, “ситроен” двинулся за ней.

— Поезжай по набережной, — сказал Шульц шоферу. — Я хочу показать племяннику Мюнхен. Здесь родился твой отец, — поглядывая на Фридриха, добавил он. — Мюнхен город искусств и музыки. Я бы сказал, один из культурных центров Европы, А сколько здесь выдающихся политических деятелей, некоторых из них скоро признает весь мир.

Они поехали по набережной реки Изара, разделяющей Мюнхен на две части — старую и новую.

Машина пересекла Карлсплац, на которой высилась статуя Гете, и поехала по набережной вдоль особняков и заснеженных парков.

Старик то и дело брал за руку Фридриха и говорил:

— Посмотри, какой красивый дом. Ему не меньше трехсот лет, а вот это здание принадлежит миллионеру Шахту. А там, видишь, наша пинакотека. В ней собрана богатейшая художественная коллекция.

Наконец машина выехала на Румфордштрассе и остановилась у старинного двухэтажного особняка, стоявшего в тени высокого нового здания банка. От этого соседства особняк казался приземистым и обветшалым. Поблекшая окраска и трещины, бороздившие его оштукатуренные стены, сразу бросались в глаза.

Когда Шульцы вошли в дом, человек, наблюдавший за ними, свернул с Румфордштрассе на одну из боковых улиц.

Хозяина и гостя встретили две служанки — экономка Амалия и кухарка Эмма. Худая и высокая как жердь Амалия и низенькая и полная Эмма, каждой из которых было около семидесяти лет, несмотря на совершенно различную внешность, чем-то неуловимым, в жестах, в движениях очень походили друг на друга.

По их оживленному виду и счастливым улыбкам было видно, что они рады гостю.

Ганс Шульц церемонно представил их Фридриху. Дядя и племянник поднялись на второй этаж. Фридрих шел, приглядываясь ко всему. Дом, как и его обитателей, не пощадило время. Ковровая дорожка на лестнице была довольно потертой, лак на мебели потрескался, обивка на креслах, диванах и шелковые шторы давно потеряли свой цвет. На ломберных столиках, то и дело попадавшихся в комнатах, лежала пыль. Сиротливо стоял запыленный рояль. И даже хрустальная люстра казалась темной от пыли.

Но завтрак был приготовлен отменный. Стол заставлен всевозможными закусками: окорока, сосиски в различных видах, салаты, кухоны² и, наконец, традиционный ренкопф³ — огромная шоколадная бомба с кремом. Это был поистине царский стол. А служанки вносили все новые и новые блюда. Старушки суетились, мешая друг другу, сталкивались в дверях. Они обе не сводили с гостя восторженных глаз.

— Амалия, Эмма, хватит, идите на кухню, — уже несколько раз повторил Ганс, но служанки продолжали суетиться в столовой.

¹ На старого и немощи валяются (нем.).

² Пирог с различной начинкой (нем.).

³ Голова негра (нем.).

Он не узнавал старух. “Они словно пробудились от долгой спячки”, — подумал Ганс.

После завтрака старик увел племянника в кабинет.

— Ты заметила, Эмма, как он воспитан, как держится. А говорит, как настоящий берлинец, никогда не скажешь, что рос и воспитывался в России, в этой дикой стране.

— А какое у него мужественное лицо, какая фигура. Не верится, что ему нет и двадцати лет.

— Он вскружит голову многим девушкам, — вздохнула Эмма. — Теперь мы будем ссориться с тобой из-за удовольствия услужить ему, как мы ссорились, желая перевалить друг на друга поручения хозяина.

В это время гость с интересом рассматривал огромный, облицованный белым мрамором камин, неудобные громоздкие кресла с высокими резными спинками. Почти полкомнаты занимал письменный стол с искусно вырезанными украшениями. Книжный шкаф был забит дорогими изданиями, но, видно, к ним тоже давно не прикасались.

Расположились у затопленного камина. Ганс Шульц долго рассматривал фотографии, которые привез Фридрих, расспрашивал о жизни в колонии. Фотографии были давние, и Шульц спросил:

— А разве ты больше не снимался?

— Вот на этой карточке мне десять лет, — сказал Фридрих, подавая снимок, где на ступеньках коттеджа Шульцов в колонии сидел худенький мальчик и прищурясь глядел в объектив. — После смерти отца я фотографировался только один раз.

— Расскажи, отчего умер отец?

— Он погиб в бою с бандитами.

— Какое дело земледельцу до бандитов?! Разве Отто стал полицейским? — встревожился Шульц.

— Он состоял в частях особого назначения.

— Значит, он все же был полицейским?

— Нет. Эти части формировались из коммунистов и комсомольцев для борьбы с бандитизмом.

— Отто был большевиком? — почти шепотом выдохнул Шульц. Лицо его побледнело, он хотел встать, но, схватившись за колени, со стоном опустился в кресло: подагра дала о себе знать.

— Да, отец состоял в партии, — ответил Фридрих.

— Проклятый мальчишка! — старик все еще считал Отто мальчишкой. — Что значит, родители умерли рано. При них он бы так не поступил. Хотя он всегда был кретином, им и остался, — неистовствовал Ганс Шульц, совсем позабыв, что говорит все это племяннику. — Ты только подумай, мой брат большевик! — все повторял он, хватаясь то за колени, то за локти, и вдруг подозрительно посмотрел на Фридриха.

— А ты, наверное, комсомолец?

— Нет, дядя, нет. При жизни отца я был слишком мал, а потом мама, боясь, что меня постигнет участь отца, не разрешила вступить в комсомол.

Этот ответ мало успокоил старика.

— О, mein Gott!¹ Вот тебе и избавление от одиночества! — плаксиво выкрикнул он и проковылял в соседнюю комнату.

До вечера старик молчал.

Старушки, опечаленные размолвкой между старым и молодым хозяином, как уже называли Фридриха, тихо бродили по дому, боясь произнести лишнее слово.

Наконец гнев старого хозяина улегся. Видимо, убедившись, что теперь ничего не изменишь, он позвал племянника к себе в кабинет.

— У меня много врагов, Фридрих, завидующих хорошему отношению фюрера ко мне. Если кто-нибудь из них узнает, что ты приехал из России, они могут докопаться и до того, что Отто был большевиком, — уныло сказал он.

— Что же делать, дядя?

— Надо скрыть твой приезд из России.

— Скрыть, — задумчиво повторил Фридрих. — Но как? О моем приезде известно в официальных учреждениях.

— Ерунда, там у меня есть друзья. Несколько тысяч марок, и в делах не останется никаких следов.

— По каким же документам я буду жить?

— Это сложнее. Но я, кажется, нашел выход. В Гамбурге живет мой родственник Якоб Шульц. У него был сын Вальтер. Он попал в плохую компанию, вел себя очень нескромно, играл в карты и закончил тем, что обокрал отца и бежал в Лейпциг, там он спустил украденное и покончил с собой. Чтобы избежать позора, Якоб скрывал поведение сына. Скрыл он и его смерть. Все считают, что Вальтер учится в Берлине. Он примерно одного возраста с тобой.

Фридрих сразу понял, что задумал старик.

— Я решил завтра выехать в Гамбург и обсудить с Якобом пришедший мне в голову план...

День закончился мирно. В постели Фридрих думал о том, что стало бы со старым нацистом, узнай он, что приехал к нему вовсе не его племянник, а чекист Илья Светлов.

Перед отъездом в Германию Светлова проинструктировали, чтобы он рассказал Шульцу о его брате всю правду. Расчет оправдался. Ганс Шульц вел себя так, как и предполагалось. Надежно скрыть, откуда он

---

¹ О, мой бог! (нем.)

приехал, было как нельзя кстати для Ильи Светлова, так как пребывание в Советском Союзе могло послужить помехой для его карьеры в Германии.

Под впечатлением дневных передраг Илья долго не мог заснуть. Он снова переживал все случившееся за день. Старик, как и думал Илья, оказался преотвратительным эгоистом, который вспомнил о племяннике, только боясь одиночества. Вот старушки ему понравились. Они отнеслись к гостю с искренней теплотой, как к родному, которого давно не видели. Ему невольно вспомнились далекие годы, отчий дом, немецкая колония Еленендорф, в которой он родился и вырос. Но эти воспоминания вытеснили картины событий, предшествовавших поездке в Германию, а особенно тот весенний день, когда он после долгого отсутствия приехал в колонию.

Поездом он доехал до города Ганджа, вблизи которого находилась колония, а из Ганджи уже должен был добираться случайным транспортом.

Дорога серой лентой вилась среди виноградников, простиравшихся изумрудным морем далеко вокруг. Был воскресный день, и попутные машины попадались редко. Наконец показался грузовик. Место возле шофера было свободно. Илья поднял руку, и полуторатонка остановилась.

— Буюр¹, — по-азербайджански пригласил шофер и распахнул дверцу.

— Сагол, кардаш², — ответил Илья.

И оба, русоголовый и темноволосый, громко расхохотались. Просто так, оба были молоды.

Водитель засыпал Илью вопросами, Светлов рассказал, что работает в Баку, а сюда приехал к другу детства провести несколько дней, оставшихся от отпуска. Любопытный шофер и дальше продолжал бы расспрашивать случайного пассажира, но, увлекшись разговором, чуть не налетел на остановившуюся впереди машину. Резко затормозив, он нахмурился и замолчал. Минут через десять навстречу показалась машина, в которой ехала шумная компания девушек.

Они были одеты по-праздничному, видимо направлялись погулять в город.

Настроение у шофера моментально изменилось, он помахал им рукой и затянул песенку.

Светлов и сейчас помнил эту песню о прекрасной, как роза, Зулейхе.

Показалась колония. Это был поселок немцев, предки которых переехали в Россию еще в прошлые века. Он отличался от соседних сел не только немецким названием, но и внешним видом: разноцветными домами с высокими островерхими, крытыми черепицей крышами и зелеными улицами. И жили немцы-колонисты обособленно. Родители Светлова попали сюда случайно, когда у местного винодельческого товарищества “Конкордия” возникла нужда в знающем агрономе. Афанасий Светлов, отец Ильи, приехал в Еленендорф с женой вскоре после свадьбы, и их первый и единственный ребенок родился в колонии. Афанасий Светлов, опытный специалист и трудолюбивый работник, сыскал уважение колонистов и прижился здесь.

Родители Ильи учились в одном институте, но мать из-за отсутствия средств принуждена была отказаться от высшего образования. Афанасий Кириллович и Валентина Михайловна Светловы были людьми передовых взглядов, очень любознательными, много читали и привили любовь к книге сыну. Илья рос подвижным и шаловливым ребенком, подрастая, он все более и более увлекался чтением. Фридрих, друг его детства, оказался в этом отношении хорошей парой. Они много читали и любили обсуждать прочитанное, но это не мешало им забраться в соседний сад, хотя свой был не хуже, придумать какую-нибудь охоту или рыбалку и своим долгим отсутствием приводить родителей в ужас...

Машина, на которой ехал Илья Светлов, остановилась на центральной улице, Илья вышел из кабины. Куда идти? Где искать Фридриха? Илья всматривался в ряды уютных коттеджей. Пойти на квартиру? Вряд ли его в это время застанешь дома.

Постояв в раздумье, пошел в парк. Оттуда доносилась музыка. Самодеятельный оркестр колонистов играл старинную польку, а рядом, на площадке, чинно танцевала молодежь.

Это были те Гретхен, Амальхен, Гансы, Фрицы, среди которых рос Илья, с которыми учился в одной школе, с которыми делил свои мальчишеские радости и горести.

Он сразу привлек внимание танцующих. Его приветствовали улыбками, кивками. Илья шел по аллее. Колонисты постарше в праздничных костюмах прохаживались или сидели на скамейках. Они церемонно раскланивались с ним, словно встретились с каким-нибудь должностным лицом, а не с пареньком, росшим на их глазах.

Илья увидел небольшую группу молодежи: девушки и парни, окружив Курта Гутмана, громко хохотали над его остротами. Курту было двадцать три года, работал он на винном складе местного кооператива в Гандже и постоянно жил там, изредка приезжая в колонию. Излюбленным персонажем его анекдотов был несообразительный русский мужичонка. В более узком кругу шутки Гутмана были злобнее. Он, не стесняясь, высмеивал все русское, советское.

Илья не любил его. Кроме того, Гутман был нечист на руку. Илья не хотел подходить, но заметил в толпе вихрастого, загорелого парня в белой рубашке с распахнутым воротом.

— Привет, Фридрих! — окликнул его Илья.

---

¹ Пожалуйста.

² Спасибо, братец.

Тот обернулся, обнял друга. Друзья отошли в сторону. Они были похожи: оба русоголовые, со вздернутыми носами и серыми глазами, только Илья выглядел более подтянутым и был не так смугл, как Фридрих, целыми днями работавший на солнце.

— Пойдем домой. Ты, наверно, устал с дороги, — пригласил Шульц, и они вышли из парка.

Жил Фридрих один. Когда-то половину этого дома занимала семья Светловых. Отцы Ильи и Фридриха были друзьями и первыми в колонии коммунистами. В двадцатых годах их мобилизовали в часть особого назначения, и оба они погибли в одной из схваток с бандитами. Вскоре умерла мать Фридриха, а потом и Ильи. Горе еще больше сблизило юношей. В последних классах средней школы они вступили в комсомол, а по окончании школы Илья уехал в Баку, где по путевке комсомола служил в органах ОГПУ. Фридрих остался работать в винодельческом товариществе.

— Как Ольга? — спросил Илья, усевшись в старинное кресло, которым, видимо, пользовался еще дед Фридриха. Ольга была невестой Фридриха.

— Собираюсь навестить ее. Она у родителей в Тифлисе.

— Как давно я здесь не был, — сказал Илья, осматривая комнату.

— Да, два года. Ты уехал в 1927 году.

— Что у тебя нового?

— Ничего особенного, если не считать письма от дяди Ганса из Германии. Он приглашает меня и маму к себе. Дядя не знает, что мама умерла. Ему известно только о смерти отца. Мать написала ему тогда, но не сообщила об обстоятельствах смерти. Дядя пишет, что остался совсем один, и обещает помочь мне получить высшее образование.

— Ну, и что ты ответил?

— Пока ничего. Ты же знаешь, ехать туда я не могу. Это значит потерять Ольгу. Да и делать мне там нечего. Высшее образование я получу и дома.

Илья задумался.

— Ты пока не отвечай дяде и никому об этом не говори. Хорошо? — неожиданно попросил он.

— Почему? — удивился Фридрих.

— У меня есть соображения. Я расскажу тебе потом.

— Интересно, скажи сейчас, в чем дело? — не успокаивался Фридрих.

— Имей терпение. Обязательно исполни мою просьбу: никто в колонии не должен знать о письме. — И Илья, чтобы переменить тему разговора, стал расспрашивать об общих знакомых.

Приехав в Баку, Светлов доложил своему руководству по службе о письме Ганса Шульца, дяди Фридриха. Ему ответили: подумаем.

Прошло около месяца. Неожиданно Илью вызвал Алиев, один из руководителей Азербайджанского ГПУ. Илья немного волновался. Он никак не мог понять, с чем связан этот вызов. О письме он успел забыть.

— Товарищ Светлов, решено использовать приглашение Ганса Шульца, — сказал Алиев, мужчина уже в летах, с густой шевелюрой. Азербайджанец по национальности, он говорил по-русски с легким акцентом.

У Ильи от удовольствия и гордости вспыхнули щеки.

Помедлив, Алиев продолжал:

— Вместо Фридриха в Германию поедете вы.

Илья растерялся: слишком неожиданно это было. Мысль о возможности такой поездки никогда не приходила ему в голову.

— Почему именно я? — вырвалось у него помимо воли.

— Вы росли среди немцев, учились в немецкой школе, владеете немецким языком не хуже родного, хорошо знаете семью Фридриха и даже похожи на него. Правда, Ганс Шульц не знает своего племянника в лицо, но все же сходство имеет существенное значение. А самое главное — вы отвечаете требованиям, которые предъявляются к человеку, нужному для такой миссии. Вы работаете у нас более двух лет, и мы успели присмотреться к вам. Вы, конечно, понимаете, что работа за границей трудная и опасная. Подумайте, прежде чем принять решение.

Какой-то безотчетный страх охватил Илью. Но не опасность пугала юношу. Ему казалось, что Алиев переоценил его силы. А если он не оправдает надежд, которые возлагают на него?

— Я согласен, товарищ Алиев, — поспешил он ответить, боясь, что промедление или неуверенность могут расценить как трусость.

Выйдя от Алиева, Илья, следуя полученным инструкциям, написал Фридриху, чтобы он приехал в Баку и захватил с собой письмо дяди.

Через несколько дней Илья и Фридрих беседовали с Алиевым.

— Вы, товарищ Шульц, должны понимать, — сказал Алиев, — что фашизм, настойчиво стремящийся к власти в Германии, — самый опасный наш враг. Вам, как пропагандисту, не раз, видимо, приходилось разъяснять это в комсомольских кружках.

Фридрих кивнул.

— А о деятельности врага надо быть хорошо информированным. Вот у нас и возникла идея воспользоваться приглашением вашего дяди и послать в Германию вместо вас разведчика. Дяде никаких неприятностей причинено не будет. Как вы на это смотрите?

Фридрих был подготовлен к этому вопросу. Уже после первого разговора с Ильей он понял, что у того возникла мысль использовать приглашение в Германию, коль скоро его друг не хочет туда ехать. Фридрих долго думал и решил, что Илья, пожалуй, прав. Поэтому теперь он ответил без всяких колебаний:

— Я не возражаю, тем более что не собираюсь ехать в Германию. Готов помочь, если будет нужно.

— Ваша помощь, конечно, потребуется. Кроме того, вам придется уехать из колонии. Там должны считать, что вы в Германии. Мы вас устроим на учебу в Новосибирск.

— Но у меня невеста.

— Поедете в Новосибирск вместе с ней.

Фридрих даже улыбнулся: это ему не пришло в голову.

— Мы наметили послать вместо вас в Германию Илью Светлова.

Фридрих был удивлен. Он почему-то думал, что пошлют другого человека. Первая мысль, которая мелькнула в его сознании: он теперь долго не увидит друга.

— Вам нужно будет сообщить товарищу Светлову как можно больше сведений о вашей семье и о родственниках.

— Он хорошо знает мою семью. Мы жили с ним в одном доме.

— Все-таки кое-что надо уточнить.

...Перебирая все это в памяти, Илья наконец заснул.

На следующий день Ганс Шульц уехал. Илья, не выходявший до этого в город, решил выйти на несколько минут и отправить в Берлин по адресу, названному ему в Москве, открытку с извещением о своем прибытии. До этого Илья проверил, нет ли наблюдения за домом, но никакой слежки не обнаружил.

Он зашел в кабинет Ганса Шульца и, взяв там открытку, написал адрес: Берлин, Бисмаркштрассе, 24, герр Довгеру.

Прежде чем приступить к тексту, Илья задумался. Всего несколько дней он выехал из Москвы, а как резко изменилась его жизнь. Он очутился среди совершенно чужих людей. И может быть, много лет вот так придется жить вдали от Родины и единственным общением с советскими людьми будут почтовые открытки с условным текстом или шифрованные сообщения с добытыми им сведениями. Если иметь возможность встречаться хотя бы с Довгером, было бы уже легче. Но, спохватившись, что впереди у него очень много важных дел, ради которых можно пойти на любые лишения, Илья написал на открытке:

“Уважаемый герр Довгер! Скоро собираюсь навестить Вас, о чем, конечно, заранее извещу. Я приобрел ту вазу, о которой говорил, и по более сходной цене, чем думал. Обязательно привезу ее показать. Меня очень интересует Ваше мнение.

Ф.М.”

Это означало, что он, принят лучше, чем предполагалось, и пока все обстоит хорошо.

Убедившись, что за ним никто не следит, Илья прошел на соседнюю улицу и опустил открытку.

В Москве ему сказали, что регулярная связь с ним не будет поддерживаться до того времени, пока он не получит возможность добывать нужные сведения, а пока он должен периодически давать о себе знать.

Ганс Шульц вернулся из Гамбурга через несколько дней. Все было улажено. Но в Мюнхене оставаться им было нельзя; здесь были две семьи, которым он говорил, что хочет выписать племянника из России. Чтобы окончательно замести следы, старик решил перебраться в Берлин.

Потратив много денег на взятки, Ганс Шульц добился уничтожения следов въезда Ильи в Германию и получил для него документы на имя Вальтера Шульца.

II

В берлинском доме Шульца по Курфюрстенштрассе к приезду хозяина с племянником освободили от жильцов квартиру из пяти комнат на третьем этаже. Вся необходимая мебель была заранее перевезена из мюнхенского особняка. Кое-какие вещи должны были привезти с собой Амалия и Эмма, которые выехали в Берлин вслед за хозяином.

Как только устроились в квартире, Илья занялся подготовкой к поступлению в университет. Ему хотелось попасть на восточный факультет. Илья знал немного персидский язык: в колонии ему приходилось общаться с рабочими из Ирана, которые в те годы большими партиями приезжали в Советский Азербайджан в поисках заработка в нефтяной промышленности и на сельскохозяйственных работах. Илья представил в университет свидетельство покойного Вальтера Шульца об окончании средней школы и был допущен к экзаменам.

Экзамены он сдал хорошо. Наступил долгожданный день: Илью приняли в университет. В приподнятом настроении возвращался он домой. Ганс Шульц обнял его.

— Поздравляю, сынок. — Так стал называть его Шульц. — Поздравляю, мой мальчик.

Илья тоже обнял старика.

— Надеюсь, твоя карьера после окончания университета будет более удачна, чем моя. Мне всю жизнь не везло. Я никак не смог подняться выше среднего уровня, а когда дела стали поправляться, на наши головы обрушилось это чудовище — кризис. Хорошо, что меня не постигла участь моих друзей по Мюнхену:

Гольдштейнов и Гардтов. Кризис сделал их нищими. И всему виною эти акулы — монополисты, которые хотят захватить в свои руки промышленность, а нас, средних предпринимателей, проглотить, как салаку. Скорей бы Гитлер пришел к власти! Он сразу покончит с кризисом и все поставит на ноги. Мелкие промышленники, крестьянство, предприниматели будут процветать. Не знаю, доживу ли до этого...

Хорошее настроение Ильи моментально испортилось. Старик сел на своего конька. Подобные разговоры Илье приходилось вести с ним чуть ли не каждый день,

Илью так и подмывало сказать, что лозунги Гитлера — чистая демагогия, они придуманы нацистами для того, чтобы привлечь на свою сторону неустойчивые слои рабочих, мелких предпринимателей, крестьянство, что нацисты в действительности — партия крупного капитала, партия реванша и войны.

— Изучай, Вальтер, “Майн кампф”. В этой книге собрана вся мудрость жизни, записаны гениальные мысли нашего Адольфа.

С книгой Гитлера старый нацист буквально не давал Илье покоя. Но Илья и сам понимал, что библию нацизма ему необходимо знать. Он зубрил ее — иначе запомнить мысли, изложенные в книге, не мог и удивлялся, что находятся люди, которые разделяют весь этот бред.

С трудом запоминались трескучие фразы: “...человечество стало великим в вечной борьбе. Человечество погибает при существовании вечного мира”; “Идеи гуманизма и пацифизма действительно, может, будут вполне уместны тогда, когда вышестоящая раса предварительно завоюет весь мир”; “Чем чудовищнее солжешь, тем скорее тебе поверят. Рядовые люди скорее верят большой лжи, нежели маленькой...”

После обеда, во время которого Шульц продолжал рассуждать о великой миссии Адольфа Гитлера, призванного спасти и возвеличить немецкую нацию, Илья вышел в город.

На Унтер-ден-Линден было многолюдно. Илье нравилось бывать на этой центральной улице Берлина. Здесь расположились комфортабельные отели, стоял особняк советского посольства, который казался Илье хоть и недоступным, но уголком Родины, тут же был университет, в который он поступил. Посреди улицы по бульвару, окаймленному молодыми липами, обычно прогуливались берлинцы. На Унтер-ден-Линден первоклассные рестораны, дорогие магазины, театры, музеи. Но отели пустовали, омрачая улицу черными квадратами своих окон, из ресторанов не доносилось музыки, официанты уныло бродили между пустыми столами, кассиры театров, музеев, прикрыв свои окошечки, вязали кофты, читали книги, сквозь зеркальные витрины магазинов было видно, как приказчики в ожидании покупателей бесцельно перекладывают товары с места на место.

На улицах Илья с каждым днем замечал все больше и больше бедно одетых, худых людей. То и дело попадались калеки, старики с табличками, прикрепленными на груди, на них крупными буквами была написана мольба о помощи. Они прижимались к стенам домов, чтобы не попасть на глаза полицейским.

У большого гастрономического магазина Илья невольно остановился. Сердце сдавило от жалости. Мальчуган лет шести–семи, прижав нос к стеклу витрины, голодными глазенками рассматривал разложенные там аппетитные окорока, колбасы, сосиски. Полицейский долго не мог отогнать мальчика от соблазнительной витрины.

На противоположной стороне улицы, громко разговаривая, проходила группа молодчиков с наглыми лицами, в черных и коричневых рубашках со свастикой на рукавах. Это были те самые парни из охранных отрядов “СС” и штурмовых отрядов “СА”, в задачу которых входило помочь нацистам “овладеть улицей”.

— Вот идут господа, которым предстоит властвовать над нами, — раздался позади глухой голос.

Илья обернулся, за ним шел мужчина лет сорока, в потрепанном костюме, в запавших глазах его застыло выражение полной безнадежности.

Он не обратил на Илью внимания. Видимо, сказанное им не предназначалось для постороннего.

Илья направился к дому, размышляя над словами прохожего. Действительно, Гитлер неоднократно заявлял, что из эсэсовцев и штурмовиков он создаст “слой новых господ”, который будет властвовать над массой. Начались занятия в университете. Все для Ильи здесь было ново, необычно. Еще дома он мечтал получить высшее образование. Как только он пришел на работу в органы ОГПУ, сразу поступил на заочное отделение юридического института, но ему никогда не приходило в голову, что завершать свое образование придется за границей в таких необычных условиях. Тем не менее он был доволен.

С первых же дней он вошел на равных правах в коллектив первокурсников, все они были на одинаковом положении — новички, которые с интересом присматривались к установленным порядкам, традициям в этом старейшем учебном заведении. Дружеские отношения установились у него с Иоганном Риделем и Ревеккой Гольдшмидт.

Иоганн Ридель был сыном популярного берлинского врача, принимавшего большое участие в общественной жизни города и стоявшего на позициях социалистической партии. Влияние отца, видимо,

сказалось и на Иоганне. Он живо интересовался политической жизнью и всегда возмущался теми, кто верил фашистам. Илья с сочувственным видом выслушивал его, но никогда своей точки зрения не высказывал, делал вид, что он далек от политики.

Ревекка выросла в семье крупного лейпцигского промышленника, владельца нескольких машиностроительных заводов. Она сразу примкнула к компании старшекурсников, завсегдаев различных студенческих пирушек. Миловидная, жизнерадостная, она быстро приобрела многочисленных поклонников. Илья ей нравился. Она старалась затащить его в свою компанию, но ему было не до этого. В программе университета оказались предметы, которых он или не проходил в средней школе, или изучал их совершенно в другом аспекте. Ему много и напряженно приходилось готовиться к занятиям.

Все-таки Ревекке удалось как-то раз затащить Илью на вечеринку. Там он познакомился со студентом последнего курса юридического факультета Францем Гальдером. Несмотря на свою заносчивость, он почему-то снизошел до первокурсника и перешел с Ильей на дружескую ногу. Наверное, много хорошего об Илье рассказывала ему Ревекка, с которой он дружил и, видимо, имел на нее серьезные виды. Она была довольно выгодной невестой. Франц поделился с Ильей, что намерен заняться адвокатурой и политической деятельностью, вступив в социалистическую партию. По его словам, он всеми фибрами души ненавидел фашизм и хочет посвятить себя борьбе с этим начинающимся падением человечества, как он образно оценивал фашизм. Такой человек, если он преуспевает на политическом поприще, мог пригодиться, и Илья принял его дружбу.

Довольно часто Илья встречался со своим однокурсником Махмуд-беком. Он приехал в Берлин из Ирана, где был главой небольшого шахсеванского племени, кочевавшего на границе Ирана с Турцией. Махмуд-бека подкупало то, что Илья знал персидский язык, приятно было иногда перебраться несколькими фразами на родном языке. Илью это тоже устраивало.

В напряженной учебе незаметно прошел год. Илья окончил первый курс университета. Ганс Шульц настойчиво убеждал его вступить в нацистскую партию. Достал даже ему рекомендацию от одного из основателей нацистской партии — Рудольфа Гесса¹.

Илья видел, что нацисты, используя тяжелое материальное положение германского народа, недовольство Версальским договором, бременем репараций, привлекали на свою сторону демагогией и обещаниями все новые и новые группы населения и уверенно шли к власти. Чувствовалось, что скоро они будут хозяйничать в стране. Илья наконец решил подать заявление о вступлении в нацистскую партию. То, что он сделал это до прихода фашистов к власти, безусловно, должно впоследствии помочь его карьере. Рекомендация Гесса и хлопоты Ганса Шульца сделали свое дело: вскоре Илья, к великой радости Ганса Шульца, стал обладателем билета национал-социалистической партии.

Слух об этом моментально облетел однокашников Ильи.

Иоганн Ридель, имевший привычку при встрече с Ильей остановиться и рассказать новости, перебраться шуткой, в этот день, проходя мимо, лишь сухо кивнул головой, а Ревекка Гольдшмидт сделала вид, что не замечает его.

А когда Франц Гальдер, особенно подружившийся с ним в последнее время, попытался незаметно прошмыгнуть мимо, Илья схватил его за руку.

— Франц, в чем дело, почему ты избегаешь меня?

— Ты связал себя с авантюристами. Это можно объяснить, прости меня, или недомыслием, или непорядочностью. Подумай хорошенько, что делаешь. Я потерял всякое уважение к тебе, — сказал Гальдер и не стал слушать возражений Ильи, который в духе речей Ганса Шульца хотел доказать обратное.

На большой перемене Илья расхаживал по коридору. Вдруг он услышал персидскую речь. Занятый своими мыслями, он не понял сразу, что обращаются к нему.

Его нагнал студент со смуглым лицом, крючковатым с горбинкой носом, что-то хищное, ястребиное было в его физиономии.

— Агап² Шульц, чашм шума роушан³, я вас искренне поздравляю и, прямо скажу, завидую. Отныне вы в числе сподвижников великого человека нашего времени.

Илья обернулся.

— Ах, это вы, Махмуд-бек, моташакерем⁴, — Илья, улыбаясь, положил ему на плечо руку.

Этот высокий широкоплечий парень не отличался особым умом, его сразу пленила фашистская мишура. И он действительно был горд, что один из его товарищей стал членом нацистской партии.

Раздался звонок, и Махмуд-бек не сумел закончить свою по-восточному цветистую речь. Оба заспешили на лекцию.

Разговор с Махмуд-беком, конечно, не мог сгладить неприятного осадка, который оставило резкое изменение отношений Иоганна Риделя, Ревекки и Франца Гальдера, но Илья понимал, что они правы, и успокаивал себя тем, что в интересах дела с этим надо примириться.

¹ Один из гитлеровских главарей, военный преступник, приговоренный Международным трибуналом в Нюрнберге к пожизненному заключению.

² Господин (*перс.*).

³ Свет глазам твоим (*перс.*).

⁴ Благодарю (*перс.*).

В один из ближайших дней после этих неприятных разговоров Илья написал Довгеру открытку, в которой между строк самого невинного характера тайнописью сообщил о своем вступлении в фашистскую партию. За несколько месяцев до этого он таким же путем известил Довгера, что Ганс Шульц решил скрыть его приезд из СССР и он живет по документам Вальтера. Сообщил он и о поступлении в университет. Каждая такая открытка была в жизни Ильи приятным событием. Становилось легко и приятно на душе, будто поделился с близким и родным человеком тем, что пережил и испытал за это время. Он был уверен, что Довгер уже нашел возможность повидать его лично, хотя бы издали, чтобы знать своего корреспондента в лицо.

Однажды, выходя из дому, Илья столкнулся с медленно проходившим по тротуару мужчиной лет сорока, в котелке и с толстой замысловатой палкой. Прохожий пристально посмотрел на Илью и затем несколько раз обернулся.

“Это Довгер”, — мелкнуло у Ильи в голове. Сердце забилось тревожно, хотелось броситься за прохожим и заговорить с ним.

“Темные волосы, опущенные вниз кончики усов — это скорее украинец, чем немец, рассуждал Илья. Но тут же засомневался. Разведчик, находящийся на нелегальном положении, будет всячески стараться походить на немца, усы, как у Тараса Бульбы, он сбрил бы в первую очередь”.

30 января 1933 года сторонники наци торжествовали — Гитлер стал рейхсканцлером. Фашисты пришли к власти. Многие встретили это известие с тревогой. Люди понимали, что война теперь становится, как никогда, реальной и близкой.

Ганс Шульц ликовал. В этот вечер он особенно долго говорил с Ильей, строя предположения о том, что предпримет фюрер для улучшения жизни народа.

Илья был тоже взволнован. Он понимал, что пришло время активно взяться за выполнение задания, полученного в Москве. Теперь уже нельзя ждать окончания университета. Нужно что-то предпринимать. Там, в Москве, должны регулярно получать информацию о планах фашистов, ставших хозяевами Германии.

— Не думаете ли, дядя, что пришло время позаботиться о моей карьере? Я уже достаточно взрослый человек. Мне нужны связи в обществе.

— Да, да, сынок. Пора. Я немедленно займусь этим и введу тебя в дома, где ты встретишь полезных людей.

На следующее утро во время завтрака Амалия передала Илье записку. Его вызывали в штаб штурмового отряда.

— О, это доброе начало! — воскликнул старик, когда Илья прочитал ему записку. — Я уверен, ты получишь ответственное задание.

Вот оно пришло, самое неприятное: расплата за билет члена нацистской партии. И сразу же все мысли Ильи переключились на то, как избежать непосредственного участия в арестах демократически настроенных людей, в еврейских погромах и других фашистских зверствах.

С тяжелым сердцем вышел он из дому.

Улицы были забиты штурмовиками, спешившими в разных направлениях. Илья с трудом добрался до Бисмаркштрассе, где помещался штаб штурмового отряда.

— Вы, кажется, студент? — спросил начальник отряда Штрайт, к которому направили Илью.

В форме штурмовика Штрайт выглядел смешно. Этому добропорядочному бюргеру не шла форма, она сидела на нем мешковато, как на новобранце, одетом в обмундирование не своего размера.

— Так точно, учусь на третьем курсе университета, — ответил Илья, оправляя коричневую рубашку.

— Мы включили вас в группу по связи с отрядами. Будете дежурить в штабе. Возьмите на себя обобщение сведений, поступающих с мест. Это интересная и ответственная работа.

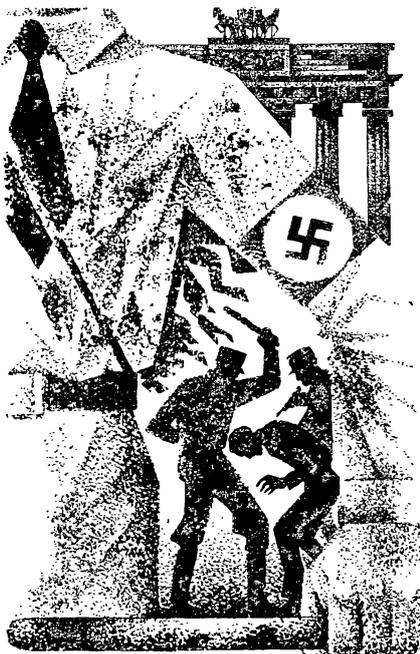
— Есть! Приложу все усилия, чтобы выполнить ее как можно лучше, — обрадованно ответил Илья, такая работа его устраивала.

— Идите в комнату 421 и принимайтесь за дело. Я позвоню туда.

Около двух месяцев Илья проработал в штабе. В докладных записках он обобщал сообщения штурмовых отрядов об арестах коммунистов, передовых интеллигентов, именами которых когда-то гордился Берлин, о еврейских погромах, опустошавших целые кварталы, и о прочих бесчинствах. Было трудно с деланным спокойствием выполнять эту работу.

27 февраля 1933 года, в день поджога рейхстага, Илью вызвал Штрайт и сказал, что руководство рейха решило организовать завтра демонстрацию и потребовать сурово наказать виновников поджога и что Илье поручается присоединиться к демонстрации и информировать по телефону штаб о том, как она будет проходить.

По первым же сообщениям о поджоге рейхстага Илья почувствовал, что это провокация, что поджог организован самими фашистами. Когда Штрайт сказал о демонстрации, Илье стало ясно, что демонстрация — это подготовка общественного мнения к расправе с коммунистами и передовыми людьми.

По дороге домой Илье то и дело приходилось приветствовать штурмовиков, таскавших огромные транспаранты, призывающие к расправе над евреями. В одном из переулков около своего дома он натолкнулся на погром магазина дамского белья. Его владельца, еврея весьма преклонного возраста, избивали штурмовики. Чернорубашечники хохоча старались натянуть на валявшегося на тротуаре старика дамскую кружевную сорочку. Илье еле заставил себя пройти мимо.

Ганс Шульц в окно наблюдал за бесчинством нацистов.

— Если бы не моя немощь, я бы с удовольствием помог этим молодцам, — были первые слова, которые услышал от него Илье.

Илье не мог слушать выжившего из ума фашиста и, сославшись на усталость, ушел к себе.

На другой день вечером он присоединился на Вильгельмштрассе к манифестантам. Они двигались ровными колоннами, потрясая горящими факелами. Багровый отблеск пламени плясал в окнах домов. Над головами реяли кроваво-красные полотнища с белыми кругами и черной свастикой, из колонн неслись истошные крики: “Смерть коммунистам! Хайль Гитлер!”

На тротуарах женщины и мужчины, вопя во весь голос, выбрасывали правые руки вперед, приветствуя штурмовиков.

Но Илье замечал и хмурые лица людей, сдержанно наблюдавших за этой вакханалией, похожей на ритуальное шествие дикарей.

Время от времени Илье выходил из колонны и по ближайшему телефону докладывал в штаб, как проходит манифестация.

Поздно вечером морально и физически измотанный Илье возвращался домой. Свернув с центральной магистрали, заполненной шумными толпами, он шел по малолюдной, плохо освещенной улице. У одного из подъездов, нетерпеливо переминаясь с ноги на ногу, стоял штурмовик.

— Хайль Гитлер! — обратился он к Илье. — Окажите содействие, коллега. Я с товарищем здесь в засаде на явочной квартире коммунистов. Уже трех человек перехватили и отправили в нашу команду. Сейчас появился четвертый. Они идут один за другим, и мне нельзя оставить пост. Доставьте задержанного до нашей команды, она размещена недалеко.

— Что ж, если это так необходимо, я готов помочь.

— Мы уже два часа сидим без сигарет. Нет ли закурить? — спросил обрадованный штурмовик и, беря пачку сигарет, протянутую Ильей, продолжал: — Я позвонил дежурным по команде, а эти ослы заявили, что нет ни одного свободного человека, и посоветовали подождать час-два. Они не понимают, что держать здесь арестованного опасно.

Закурив, штурмовик отправил пачку сигарет в карман, видимо в куреве они нуждались, зато было совершенно очевидно, что в шнапсе у них недостатка не было. Запах спиртного распространялся далеко вокруг.

— Не справитесь с одним красным? Вас же двое? — спросил Илье, ему не хотелось братья за такое поручение.

— Не в этом дело. Задержанный, услышав шаги, может спугнуть новую птичку. Спрятать его некуда, там всего одна комната.

— Хорошо, давайте вашего коммуниста.

— Сдашь его дежурным, скажи, задержан по делу коммуниста Грубера, — перешел штурмовик на “ты”, — задержанный отказался назвать себя. Подожди, сейчас приведу его. — И штурмовик бросился в подъезд.

Илье был расстроен. Отказать штурмовику опасно, а доставить коммуниста — это значит своими руками отправить товарища в концентрационный лагерь. Уйти? Штурмовик вот-вот выскочит, устроит скандал. Шутка сказать, не помог коллеге в трудный момент.

Не успел Илье решить, что делать, как штурмовик вывел задержанного. Низкий, невзрачный, с мелкими чертами лица, он напоминал подростка.

— Принимай. Это опасный преступник. Надо сдать его лично дежурному, — и штурмовик назвал адрес штаба своей команды.

— Хайль Гитлер! — попрощался Илье со штурмовиком и крикнул арестованному: — Ну, ты, красная свинья, шагай вперед, живо!

Задержанный, не обращая внимания на окрик, медленно пошел по улице.

Штурмовик исчез в подъезде.

“Что, если отпустить задержанного? Штурмовик даже не спросил фамилии. Конечно, отпустить, отпустить, сверлило в мозгу. При такой неразберихе, когда тысячами хватают ни в чем не повинных людей, это может пройти незаметно. Когда штурмовик протрезвится, он не сможет сказать, кому поручил доставить арестованного и кто этот арестованный. Ему будет неудобно возбуждать дело. Может быть, он видел Илью в штабе? Вряд ли, тогда штурмовик упомянул бы об этом в разговоре. А если придется столкнуться с ним где-нибудь? Но Илье казалось, что штурмовик не узнает его. На улице было темно. Если даже все выяснится, можно сказать, что преступник бежал. Никто не заподозрит Илью, да и Ганс Шульц уладит дело через свои связи. Но как это сделать? Освобожденный может оказаться не коммунистом и будет потом рассказывать, к какому хорошему штурмовику он попал. Значит, следует сделать так, чтобы задержанный не понял, что его отпускают. По дороге в специальную команду надо было пересечь оживленную улицу. Илье, заглядевшись на витрину, замешкался на перекрестке. Когда он обернулся, задержанного уже не было. Его серый пиджак мелькал далеко в толпе. Илье улыбнулся и облегченно вздохнул. Задержанный будет считать, что убежал от

рассеянного штурмовика. “Один коммунист на свободе — это большая антифашистская сила”, — подумал Илья и быстро зашагал к дому.

III

Ганс Шульц сдержал слово. По его протекции Илья стал вхож в дома многих нацистских бонз. Особенно часто посещал он салон Густава фон Микка, в прошлом видного дипломата, по болезни отошедшего от дел. Он перенес инсульт и почти не владел правой рукой. Занимая солидное положение в нацистской партии, Густав фон Микк имел обширные связи в руководящих нацистских кругах. У него в доме собирались осведомленные люди. Будучи на службе в Испании, он женился на местной дворянке. Их дочь Эльза, с черными как смоль волосами, карими глазами и смуглой кожей, была похожа на свою мать, испанку. Живая, экспансивная, свободная в своих суждениях, она сразу понравилась Илье.

Илья зачастил в этот дом, но последние несколько недель из-за сдачи зачетов в университете он не был у фон Микков. Сдав последний зачет, он в тот же вечер отправился к ним.

Был вторник. В этот день там собирались почти все завсегдатаи салона.

Огромный зал с большими венецианскими окнами ярко освещен. На блестящем паркете разбросано несколько приземистых столиков с низкими креслами вокруг них, в углу рояль, на стенах картины.

Гости фон Микков ответили на общий поклон Ильи приветливыми улыбками. Все знали Ганса Шульца как ближайшего сотрудника фюрера в прошлом и рады были его племяннику.

Илья подошел к матери Эльзы. С ней рядом сидели Эмилия Шнель и незнакомая дама вся в черном. Фрау фон Микк поддерживала отношения с многочисленными знакомыми на родине. Часто кто-нибудь из них навещался в Берлин.

— Познакомьтесь, моя кузина синьора Люсинда Баньярес.

Илья поклонился.

— Успешно ли сдали зачеты? — спросила Эмилия Шнель. Эта немолодая, высокая, костлявая и нескладная блондинка с большим носом и подслеповатыми глазами была богатой женщиной. Ее отец служил с Густавом фон Микком в Испании, и там их семьи сблизилась. Эмилия и Эльза дружили, несмотря на разницу в летах: Эльза была моложе лет на пять. Они любили вспоминать Испанию.

Отвечая Эмилии, Илья присматривался, кто присутствует в зале.

Напротив дам — два дипломата: один — лет пятидесяти, с седыми висками — Рихард Шеммель, второй — уже дряхлеющий старик с огромной лысиной — Пауль Вермерен.

Рихард Шеммель был чиновником Министерства иностранных дел. Он состоял в родстве с Рудольфом Гессом, Пауль Вермерен — человек “старой школы”. Он был дипломатом еще в первую империалистическую войну. В конце двадцатых годов вступил в нацистскую партию и сейчас работал референтом имперской канцелярии, занимался главным образом внешнеполитическими вопросами. Он любил пофилософствовать о воспитании молодежи и был не прочь похвастать своей дружбой с Артуром Аксманом, главарем союза “Титлеровская молодежь”.

Когда Илья подошел к ним, Шеммель и Вермерен горячо обсуждали отношения Германии с Австрией. Шеммель восхищался, как просто решил фюрер этот сложный вопрос. Но Илья знал, что не возможность лишней раз поговорить о делах привлекала Шеммеля к фон Миккам. Он надеялся получить руку великовозрастной девицы Эмилии Шнель, а заодно и ее капитал. Рядом с дипломатами, уставившись невидящим взглядом на превосходную копию “Мадонны” Микеланджело, сидел брат Эмилии, Вилли Шнель. Он был старше сестры почти в два раза, но еще бодрился, хотя и выглядел неважно. Старый разведчик и старый наци, полковник абвера, он когда-то занимал в разведке видное положение, а сейчас ведал учетом лиц, интересующих разведку.

Илья взглянул в противоположную сторону. Там, в углу у рояля, словно в ожидании концерта, стояли еще несколько человек. Самым видным был племянник Пауля Вермерена, Аким Шмунд, краснолицый, с рыжей шевелюрой, непомерно полный, но подвижный. Талантливый инженер, один из директоров крупновских предприятий. По убеждениям он был крайним националистом, одержимым идеей реванша. Он имел виды на Эльзу, но, не будучи уверен в успехе, не проявлял своих намерений.

Илья с удивлением остановил свой взгляд на молодом человеке с лихорадочно блестящими глазами. Это был его однокашник по университету Фридрих Гальдер, который так возмущался вступлением Ильи в нацистскую партию. И этот здесь? Такая метаморфоза!

Рядом с Гальдером стоял голубоглазый блондин с великолепной спортивной фигурой — майор Эрих Шлифен, офицер генерального штаба. Он ухаживал за Эльзой и, кажется, пользовался ее благосклонностью.

Разговор в этой группе шел о возрождении военной мощи Германии. Аким Шмунд рассказывал о перестройке предприятий на производство вооружения. Илья присоединился к ним.

— Мы полностью обновили оборудование на своих предприятиях, и равного ему нет теперь в Европе. Я достоверно знаю, что это сделано не только на нашем концерне, точно так же поступил и “Рейнметалл”.

Шмунд называл заводы, говорил, какие из них изготавливают танки, а какие пушки, хвалил боевые качества вооружения.

Майор Шлифен задал ему несколько вопросов, отвечая на некоторые, Шмунд привел ряд секретных подробностей. Илья запоминал каждое слово.

— В этом деле, как и везде, принимает непосредственное участие сам фюрер. Я удивлен его глубокими познаниями в деле производства вооружения, — несколько раз повторил Шмунд.

— Большую работу по военной подготовке проводят и имперский комиссариат, — заметил майор Шлифен,

— О, боже, конечно. Под этим названием герр Геринг замаскировал по существу военно-воздушное министерство, — сказал Шмунд.

— Когда я узнал, что в имперский комиссариат назначены полковники рейхсвера Вевер, Штумпф и подполковник Биммер, то сразу понял, чем это учреждение будет заниматься, — сказал Шлифен.

— Там уже разработаны модели военных самолетов “дорнье-11” и “хейнкель-51”, — опять проявил свою осведомленность Шмунд.

Гальдер слушал со скучающим видом. Он несколько раз посмотрел на Илью так, будто совершенно не знает его. Илья тоже не стал напоминать ему о знакомстве.

Подошли Пауль Вермерен и Рихард Шеммель. Вермерен заговорил, обращаясь к инженеру:

— Вы, герр Шмунд, надеюсь, слышали о Восточном пакте? Все старания по милитаризации промышленности могут оказаться несколько преждевременными, если нам не удастся сорвать переговоры между Францией и Россией о заключении европейскими государствами договора о взаимной гарантии границ в Восточной Европе.

— Но что можно сделать, когда французское правительство поддерживает эту идею? — спросил Шмунд.

— Здесь все средства хороши, — глубокомысленно заметил Вермерен.

— Ну, если так, — улыбнулся Шеммель.

Из соседней комнаты вышла Эльза.

— Добрый вечер, — она с улыбкой кивнула Илье. — У вас, господа, все разговоры о танках, о пактах, о войне. Я понимаю, вы, мужчины, любите такие разговоры. Но не забывайте и о нас, женщинах. У меня появилась хорошая идея: что, если, скажем, в пятницу нам всем отправиться в Kroll¹? Там сейчас дают “Кармен”, будут петь итальянцы.

— Прекрасная идея, — подхватил Фридрих Гальдер. — Я берусь достать ложу.

От посещения театра отказались только Шмунд и Вилли Шнель. Первый сослался на занятость по работе, второй — на недомогание.

Вскоре Илья ушел, хотя ему очень хотелось поболтать с Эльзой, но нужно было записать, что рассказал Шмунд.

Утром Илья написал открытку:

“Уважаемый герр Довгер! Послезавтра буду в Берлине, хочу побывать у Вас, я приготовил Вам отличный окорок”.

Он не пошел в университет, а отправился на вокзал, отъехал от Берлина несколько десятков километров, отправил открытку и ближайшим поездом вернулся домой.

На обратном пути Илья прочитал в газете, что 9 октября убит министр иностранных дел Франции Барту. Тот самый Барту, который был активным сторонником заключения Восточного пакта, мешавшего фашистам в их агрессивных планах. Илья сразу вспомнил, что говорил вчера Пауль Вермерен. Старый волк все знал.

Прошло два дня, а Довгер не подавал вестей. Но все же Илья был уверен — личная встреча со связником состоится. Четыре долгих года ждал этого момента Илья. Кто он, этот Довгер? Русский? Немец? Какой он? Удастся ли поговорить с ним по душам. Ведь так давно не слышал Илья человеческого слова. Наконец в одно из воскресений поздно вечером раздался телефонный звонок. Илья подошел. По чему-то неуловимому он сразу понял — говорит Макс Довгер.

— Я достал для вас редчайший экземпляр первого издания “Майн кампф”, о котором вы просили в открытке.

— Очень благодарен, — с трудно скрываемой радостью ответил Илья.

Вряд ли кто усомнился бы в искреннем удовольствии студента Вальтера Шульца по поводу того, что он станет обладателем столь редкостного экземпляра “Майн Кампф”.

— Когда я могу получить книгу?

— Если вы располагаете временем, для меня удобно передать ее сегодня, скажем, в десять часов вечера, на автобусной остановке у гостиницы “Империял”.

— Хорошо. Я буду там.

Моросил мелкий дождь, он, как туман, затянул улицы. На автобусной остановке стоял человек. По внешнему виду его можно было принять за среднего служащего или владельца небольшого магазина. Худощавый, с продолговатым лицом, бледный, он был, видимо, не совсем здоров. Близоруко щурясь, он тщательно протирал платком толстые стекла очков. Под мышкой он держал книгу. У Ильи сильно забило сердце. Это Макс Довгер. Но тот не делал никаких попыток заговорить, Илья тоже молчал. Когда подошел автобус, Довгер обернулся и, улыбнувшись Илье, пошел в машину. Илья последовал за ним. Довгер

¹ Так берлинцы называли новый оперный театр.

остановился на пустой площадке. Когда он убедился, что в автобус они сели только вдвоем и сзади за автобусом нет машин, он протянул Илье руку и прошептал по-русски:

— Привет от Николая Федоровича.

— Как он живет? Давно вы его видели? — оживился Илья, услышав имя человека, о теплом отношении которого он не мог забыть.

— К сожалению, я видел его значительно раньше вас. Привет передан по радио.

— Как вы узнали меня? — спросил Илья.

— Мне переслали ваше фото. Я встречал вас на вокзале в Мюнхене и успел повидать, когда вы перебрались в Берлин. Возьмите, — сказал Довгер, передавая ему книгу. — В нее вложена схема связи на все случаи. Заучите и уничтожьте. Встречаться нам пока нет необходимости, а если она возникнет, в схеме сказано, как это сделать.

Илья отдал Довгеру свое первое сообщение.

— Мне пора, — Довгер пожал Илье руку и выскочил из машины.

Проехав несколько остановок, Илья тоже вышел из автобуса и на такси возвратился домой.

Он ушел в свою комнату и долго рассматривал схему. В ней предусматривалась регулярная связь через тайники, давалось подробное описание их, устанавливались дни и часы, когда сообщения должны быть вложены в тайники, когда взяты из них задания, была предусмотрена очередность пользования тайниками. В схеме указывалось, что на следующий день после того как сообщение будет вложено в тайник, по улице мимо дома, в котором жил Илья, в условленный час должен пройти Довгер или его жена. Это значит, что все обошлось благополучно и сообщение передано в Москву.

Сначала Довгер должен был появиться с женой, чтобы Илья запомнил ее лицо. Если нужно было вложить или взять из тайника что-нибудь срочно, вне расписания, допускались условные телефонные звонки на квартиру Ильи и Довгера.

В схеме указывалось, какая условная фраза должна быть сказана, чтобы знать день, час и из какого тайника надо вынуть задание или вложить туда сообщение.

Прочитав схему, Илья отложил ее в сторону.

Было обидно встретить советского человека и не иметь возможности как следует поговорить с ним. Ведь так много накопело на душе. Он рассчитывал поговорить о Родине, немного посетовать на трудность.

Нацизм напоминал о себе каждую минуту — в университете, на улице, в гостях, дома, давил на сознание и смертельно надоедал. Единственной отрадой были часы, когда Илья оставался в одиночестве. Он избавлялся от философствующего “дяди”, уходил к себе в комнату и там по-настоящему отдыхал. Первым делом включал радио, слушал сообщения из Москвы или музыку, а когда ему удавалось раздобыть книгу советского писателя, прочитывал ее, не отрываясь. Но наступало утро, Илья выходил из комнаты, и начиналась жизнь, как на сцене, но каждый промах мог дорого обойтись ему.

Сегодня после встречи с Довгером Илье было особенно тяжело. Он подошел к приемнику и, приглушив его так, чтобы не было слышно в соседних комнатах, настроил на Москву. Передвигалась опера “Евгений Онегин”. Закрыв глаза, он слушал музыку. Илье было тяжело сознавать, что завтра снова надо будет слушать бесконечные гимны и марши, речи, призывающие к мести, реваншу, войне.

В то время как берлинская радиостанция захлебывалась лозунгами о “вооруженной нации”, Москва сообщала о мирных стройках второй пятилетки. Когда Берлин извещал о начале деятельности имперского управления содействия литературе, взявшего на себя почин публичного сожжения на кострах творений великих писателей, таких, как Г.Гейне, Г.Манн и другие, в Москве шел первый съезд советских писателей, где говорилось о колоссальных тиражах изданий произведений этих писателей.

Neues Opera Theater¹ был расположен на Кенигсплатц вблизи рейхстага. Илья пересек площадь и вошел в сад. Из-за мокрых, унылых деревьев показались колонны театра. Илья по длинным коридорам прошел в ложу, номер которой ему сообщила по телефону Эльза.

До начала спектакля оставалось четверть часа. Вся компания из салона фон Микк была в сборе. Эльза встретила Илью приветливой улыбкой, пригласила сесть.

Оркестр заиграл увертюру. Все повернулись к сцене. Время от времени Илья чувствовал на себе пристальный взгляд Эльзы. Она без всякого смущения улыбалась ему.

В антракте Эльза увлекла Илью подальше от знакомых. В фойе, недалеко от ложи, в глубокой нише, они обнаружили уютный диван.

— Давайте посидим. Мне так хочется отдохнуть от всех этих физиономий, — откровенно, словно старому знакомому, сказала Эльза.

Илья хотел возразить, что в ее салоне бывают довольно симпатичные лица, но она опередила его.

— Я знаю, вы станете защищать завсегдатае в нашего дома. О, какие они неинтересные люди! Можно подумать, что им больше не о чем говорить, как о гениальности фюрера, о его предвидениях, о его великой миссии. Поверьте, я очень уважаю фюрера, но к чему об этом так много говорить.

— Мы должны укреплять его авторитет, — попытался возразить Илья.

— Нет, нет. Вы неправы. Не так создается авторитет политического деятеля. Фюрер завоеует всеобщее признание сам, своими делами.

---

¹ Новый оперный театр.

Илья бывал в салоне фон Микк, успел уже присмотреться к Эльзе и убедился, что она девушка весьма независимых взглядов, но он никогда не думал, что Эльза будет когда-нибудь так откровенна с ним.

— А что представляют собой люди, восхваляющие фюрера? Если вы считаете их убежденными национал-социалистами, то глубоко ошибаетесь.

Илья удивленно посмотрел на нее.

— Не удивляйтесь. Это так и есть. Возьмите Акима Шмунда. Пройдоха, который думает только о том, как бы получить оклад повыше. Он и к партии примкнул только тогда, когда она пришла к власти. А если, не дай боже, фюрер уйдет с политической арены, он с той же горячностью, с какой восхваляет сейчас, будет его осуждать.

— Но Эрих Шлифен. Это довольно положительный человек. Он хороший офицер...

— Вот именно. Хороший офицер, не больше, — перебила Эльза, — он хвалит фюрера только потому, что в его красивой голове не укладывается, как это можно отзываться плохо о высоком начальстве. Он может хвалить любого генерала, совершенно не зная его.

Илья улыбнулся.

Давно уже прозвучал звонок, фойе опустело, но Эльза все сидела. Из двери ложи высунулась голова Франца Гальдера. Он махнул рукой: пора...

— Вот возьмите хотя бы этого человека, — задумчиво сказала Эльза, — давно ли он слыл отчаянным врагом наци. А сейчас ярый сторонник партии. Весь секрет в том, что, выйдя из университета, он стал преуспевать на юридическом поприще, вводя новых хозяев во владение предприятиями, принадлежавшими репрессированным.

— Да, я знал герра Гальдера в иные времена, — вздохнув, проговорил Илья.

— Вы молодец, Вальтер. Простите, что я так вас называю.

— Пожалуйста, пожалуйста, — поспешно сказал Илья.

— Я знаю, вы настоящий наци, и поэтому вы непохожи на них. Они говорят не то, что думают, и очень примитивны в старании казаться убежденными членами партии.

В дверях ложи появился старик Вермерен. Эльза поднялась.

— Пойдемте. Они бог знает как могут истолковать наше отсутствие.

Когда они шли домой, Эльза, взяла Илью под руку.

— Заходите к нам почаще, вы не так скучны, как они.

Илья молча поклонился.

IV

Наступил день, когда Илья окончил университет. Ганс Шульц вручил ему чековую книжку на крупную сумму.

— Теперь, сынок, ты вполне самостоятельный человек. Остается подумать о свадьбе. У вас с Эльзой, наверно, все решено. Я освобожу для вас соседнюю квартиру. Эберты съедут по первому требованию. Надо подумать об обстановке.

Илья промолчал. Эльза была ему по душе, но Илье казалось, что есть еще время подумать, как сложится жизнь дальше. Правда, по мере того как чувство Эльзы становилось серьезнее, беспокойство все чаще охватывало его. Он понимал, что быть женой Ильи Светлова Эльза не сможет. У них нет ничего общего. Он вынужден будет скрывать от нее свое второе “я”, и брак по существу превратится в сожительство. Настоящего близкого друга, которому можно довериться во всем, он не приобретет, и хорошо ли разбивать девушке жизнь? Ведь когда-то он вернется на Родину. Поедет ли Эльза с ним?

Единственный выход — разрыв с Эльзой. Но и этого Илья не мог себе позволить: интересы дела требовали, чтобы он посещал салон. В глубине души Илья надеялся, что обстоятельства придут ему на выручку. Но теперь брак откладывать было уже нельзя.

— Конечно, дядя, мы с Эльзой поговорим серьезно, — подумав, сказал Илья.

— Меня волнует и твоя карьера, — продолжал Шульц. — Я допустил оплошность, согласившись, чтобы ты поступил на восточный факультет. Ведь работа по твоей специальности связана с поездками за границу, а мне не хочется оставаться одному. Я не перенесу одиночества.

— Можно найти такую работу, где поездки за границу будут редки и непродолжительны.

— Вот об этом, сынок, я тебя и прошу.

— Я сегодня посоветуюсь с друзьями и постараюсь выбрать подходящую работу.

В салоне фон Микк поздравляли Илью. Эльза была счастлива: наконец-то они поженятся! О карьере Ильи побеспокоится его дядя. Что стоит ему намекнуть фюреру. А вот где они будут жить? Эльзе хотелось, чтобы муж переехал к ним и все в доме оставалось по-старому.

Она молча слушала, как Пауль Вермерен и Рихард Шеммель советовали Вальтеру пойти по дипломатической линии, уверяя, что благодаря отличному знанию персидского языка он сразу получит назначение в германское посольство в Тегеране.

Что ж, перспектива поехать в Иран в качестве жены дипломата довольно заманчива. Эльза готова была принять этот совет и не понимала, почему Вальтер молчит.

Франц Гальдер предложил заняться коммерцией. Одна солидная фирма, говорил он, ищет представителя в Иран без особой специальной подготовки, но с обязательным знанием персидского языка. На Гальдера не обратили внимания. Пауль Вермерен и Рихард Шеммель твердили свое.

— Спасибо, друзья. Но дядя плохо чувствует себя и просит не оставлять его одного. Я не могу сейчас выехать из Берлина, — проговорил Илья. Это устраивало и его самого. Он понимал, как важно для советской разведки иметь своего человека в Берлине.

Неожиданно с места поднялся Вилли Шнель. Он подошел к Илье, взял его под руку и отвел в сторону, к окну.

— Даю тебе совет — поступай в военную разведку. Сразу за границу не пошлют. Пока окончишь курсы, поработаешь, пройдет больше года. Я уверен, что этим выбором старый Ганс (так называли Ганса Шульца его давнишние приятели) будет доволен.

Илья обрадовался, но постарался сделать равнодушный вид:

— Дядю это действительно устроит больше, чем дипломатическая работа. Но я, откровенно говоря, никогда не думал быть военным, а тем более разведчиком.

— У нас каждый дипломат разведчик. И учти, что, прежде чем стать настоящим дипломатом, долго придется тянуть ляжку обычного переводчика. В разведке ты продвинешься быстрее, да и работа гораздо интереснее. Там по крайней мере чувствуешь себя самостоятельным.

— Я посоветуюсь с дядей.

— Стоит старому Гансу сказать словечко адмиралу Канарису, новому начальнику военной разведки, и вопрос о твоей работе будет решен. Твой дядя и Канарис знакомы еще с двадцатых годов по Мюнхену, куда Канарис приезжал по партийным делам к фюреру. Да и я могу замолвить за тебя словечко адмиралу.

Вечером Илья рассказал обо всем Шульцу. Тот, как и рассчитывал Илья, поддержал предложение Вилли Шнеля. Его устраивала служба племянника в военной разведке, поскольку отъезд из Берлина был в далекой перспективе. Ганс Шульц решил не откладывая поговорить с адмиралом Канарисом.

В один из воскресных дней он направился к адмиралу. Канарис с женой и двумя дочерьми жил в пригороде Берлина — Зюденде. Адмирал был дома один. Он обрадовался гостю.

— Ганс, какими судьбами? — удивленно произнес адмирал.

Дед Канариса, грек по национальности, эмигрировал в Германию, где женился на немке. Неарийская внешность и сомнительное происхождение всегда были источником неприятностей для Канариса. В расстегнутом кителе, который сваливался у него с плеч, адмирал казался совсем штатским человеком. Да он и не скрывал своего пренебрежения ко всяким военным условностям.

— Наверно, что-нибудь стряслось? — спросил он, усаживая тяжело дышавшего Шульца в кресло.

Ганс Шульц, садясь, опасливо поглядывал на диван, где лежали две таксы. Когда он опустился в кресло, что-то зашелестело справа от него, Шульц взглянул — рядом стояла клетка с попугаем, потревоженная птица беспокойно запрыгала по жердочке.

— Ну, рассказывай, Ганс, как ты живешь? — сказал Канарис.

— Здоровье стало сдавать. Едва дотащился сюда, — отдышавшись, заговорил Ганс Шульц.

— Наверно, что-нибудь важное привело тебя?

— Пришло время устраивать судьбу племянника. Он окончил университет, хорошо знает персидский язык.

— Мне о нем говорил Вилли Шнель. Помнишь этого нелюдима?

— Как же, помню. Он часто приезжал к нам в Мюнхен.

И старые приятели принялись вспоминать мюнхенские дела. Этим “старым бойцам”, как называли участников фашистского путча в Мюнхене, было о чем вспомнить.

Начало темнеть, когда они оторвались от воспоминаний.

— Надо ехать, а то Вальтер будет беспокоиться.

— Ты скажи ему, пусть зайдет ко мне. Нам нужны работники, говорящие по-персидски. Этот язык еще довольно редкий у нас.

— Только не посылай его сразу за границу... — попросил Ганс Шульц.

— Ладно, ладно, старый эгоист, — Канарис весело похлопал старика по плечу. — Мне Вилли уже рассказывал, почему ты выбрал для карьеры племянника военную разведку.

Все складывалось как нельзя лучше. На другой день Илья направился в абвер. В казенном, похожем на казармы, четырехэтажном здании по улице Тирпицштрассе, где помещалась военная разведка, его встретили любезно, попросили подождать и через десять минут проводили к адмиралу.

В маленьком кабинете Канариса на стенах висели портреты его предшественников — бывших начальников немецкой военной разведки — и большая карта мира. За окном сквозь густую листву каштанов поблескивал Ландверский канал.

Встретил адмирал Илью, как старого знакомого. Но это показное радушие насторожило Илью. Он знал, что Канарис — старый и опытный разведчик, начавший свою карьеру еще в период первой мировой войны в США, где под руководством фон Папена организовывал диверсионные акты. Ездил в Испанию, был арестован, но, задушив зашедшего к нему в камеру священника, бежал в его одежде из тюрьмы. Потом служил в германском военно-морском флоте. Вновь пришел в разведку в 1935 году.

— Как здоровье дяди? — первым делом осведомился Канарис. — Мне не понравился его вид.

— Сейчас дядя стал чувствовать себя лучше.

Канарис расспрашивал Илью об учебе в университете, осведомился, как он знает персидский язык. Предупредил, что придется сначала пройти специальные курсы, а уже потом он получит чин и назначение.

— Вы, кажется, часто бываете у фон Микка? Я немного знал его по Испании. Несчастный человек, этот инсульт выбил его из колеи. Кстати, когда ваша свадьба с Эльзой?

— Думаю, в самое ближайшее время, — ответил Илья, немного удивленный: оказывается, Канарис успел собрать о нем довольно обширные сведения.

— Продолжает ли бывать у фон Микка Рихард Шеммель? Удалось ему заполучить руку и капитал Эмилии Шнель?

— Похоже на то, что он на пути к успеху, — ответил Илья.

— Ну, а старик Пауль Вермерен все продолжает философствовать о воспитании молодежи?

— Он любит поговорить на эту тему.

Канарис поднял телефонную трубку, вызвал майора Венцеля.

Вошел низенький и полный офицер с папкой в руках.

— Майор Венцель, познакомьтесь — герр Вальтер Шульц, востоковед.

Илья поднялся с кресла, майор пожал ему руку.

— Герр Шульц владеет персидским языком, — продолжал Канарис, — мне кажется, он подойдет в группу Среднего Востока, разумеется, после окончания курсов. Поговорите с ним и оформите.

Венцель шагнул к столу, развязывая на ходу папку.

— Бумаги потом. Займитесь герром Шульцем, — сказал адмирал.

Венцель захлопнул папку и, приглашая взглядом Илью, направился к двери.

Илья встал, поклонился Канарису и вышел вслед за Венцелем.

В этот же день вечером в доме фон Микк состоялся семейный совет, на котором присутствовали фон Микк, фрау фон Микк, Эльза и Илья. Обсуждался вопрос о свадьбе. Узнав, что Илье предстоит еще учиться на курсах, фон Микк, не глядя на Эльзу, сказал:

— Приобретение новых знаний требует времени и прилежания. Пока не окончены курсы, о свадьбе не может быть и речи.

Старик кривил душой. Не в этом было дело. Сильно пошатнулось его финансовое положение, и фон Микк решил спастись, более выгодно пристроив дочь.

Эльза вскочила, хотела что-то сказать, но из глаз ее хлынули слезы, и она, махнув рукой, выбежала из комнаты. Мать вышла вслед за ней. Отец насупился. Илья сидел, не зная, что сказать. Ему было тяжело. Очень хотелось пойти успокоить Эльзу.

Возражать сейчас фон Микку, он знал, было бесполезным делом — старого дипломата не разубедишь. Да и стоит ли? Может, так будет лучше? Он поднял голову и сказал:

— Может быть, вы и правы. Разрешите мне все обдумать и поговорить с Эльзой.

— Я согласен. Обдумайте, взвесьте все хорошенько. Повлияйте на Эльзу.

Илья попрощался и вышел.

Позвонил он Эльзе по телефону через несколько дней и зашел. Его встретила заплаканная Эльза. Они были одни в огромном зале, где обычно принимали гостей.

Выслушав Илью, Эльза сказала:

— Мы ведь взрослые люди. Давай поженимся, и все.

— Милая, ты должна понять, что это зависит не только от нашего желания, — как можно мягче проговорил Илья.

— У меня предчувствие, что нашей свадьбы не будет никогда. Нас разлучат.

— У тебя слишком мрачные мысли. Быть свадьбе или не быть, зависит от нас. Сейчас речь идет о том, чтобы отложить ее.

— Ты уверен?

— Да, милая, — ответил Илья. Он сказал Эльзе неправду, но другого выхода не было.

Эльза встала и подошла к Илье,

— Я знаю, ты любишь меня, и все-таки чего-то боюсь.

— Отбрось тяжелые мысли. Давай лучше поговорим о будущем. — Илье искренно было жаль девушку.

Иногда ему казалось, что он смог бы перевоспитать Эльзу. Но стоило поразмыслить об этом в иной обстановке, и становилось совершенно очевидным, что приблизить ее взгляды к своим вряд ли удалось бы. Она не настолько его любит, чтобы пересмотреть свои убеждения, поступиться ими. У них никогда не было бы духовной близости, общих взглядов.

Послышались чьи-то шаги. Эльза отошла к окну.

— Вижу, у вас состоялось серьезное объяснение, — сказала фрау фон Микк, — напрасно ты, Эльза, делаешь из этой небольшой отсрочки трагедию.

— Мама, мы решили подождать.

— Ну, вот и хорошо, дети мои. Пошли обедать. Отец уже за столом.

Курсы отнимали у Ильи много времени. Он не бывал у Эльзы недели по две–три. Занятия проходили в отдаленном пригороде. Илья возвращался домой поздно вечером, уставший и запыленный. Было трудно скрывать свои знания. Когда изучали радиодело, Илье стоило большого труда заставить свои пальцы работать как можно неувереннее, а сев за руль автомашины, нелегко было не выдать своего умения водить ее. А дома старый Ганс заставлял выслушивать свои проповеди о великой миссии германской нации. Илья устал, измучился и стал понемногу привыкать к мысли, что Эльза не будет его женой.

V

Илья окончил курсы, получил чин лейтенанта. Впервые увидев Илью в офицерском мундире, Эльза фон Микк была восхищена — высокий, статный, в хорошо пригнанном мундире, он казался ей красавцем.

Его назначили в группу, занимающуюся Средним Востоком. Эта группа вела разведку военного потенциала стран Среднего Востока, всячески способствуя установлению там германского господства, в частности стремилась усилить германское влияние в армиях этих стран.

Обстановка в абвере была напряженная. Готовился фашистский мятеж в Испании. Адмирал Канарис отложил в сторону все другие дела и активно пытался заинтересовать Гитлера и Муссолини планами генерала Франко, которого хорошо знал. Адмирал старался убедить их, что Франко заслуживает доверия и поддержки как верный приверженец нацизма.

Канарис добился своего — ему поручили руководить мятежом. Почти весь аппарат военной разведки был переключен на это.

Испанская война нашла живой отклик у завсегдатаев салона фон Микк. Брат фрау фон Микк, полковник Родригес, воевал в рядах фашистских мятежников, Эльза очень любила дядю и внимательно следила за ходом событий. Фашистская пресса в ноябре 1936 года сообщала, что части Франко вошли в Мадрид и ведут бои в центре столицы.

Лондонская “Таймс” поспешила выразить надежду, что Великобритания не будет особенно тянуть с признанием правительства генерала Франко.

Симпатии Эльзы были на стороне Франко. Илье было больно видеть это. Но что он мог сделать? Попытаться повлиять на нее? Это было бы опасно. Он понимал — это начало разрыва с Эльзой. Вопрос о свадьбе заглох. Молчала Эльза, молчали ее родители. Они, видимо, сумели повлиять на нее.

Начался март 1937 года, Мадрид не сдавался. В дополнение к итальянским частям на помощь Франко пришли легионеры Муссолини. На севере Гвдалахары были сконцентрированы четыре итальянские пехотные дивизии, а также танковые части и артиллерия.

Был вторник — день приема в салоне фон Микк, Илье не хотелось идти туда. Ему стало тяжело встречаться с Эльзой. Но надо было зайти — они давно не виделись. Кроме того, там можно было услышать что-нибудь интересное.

— Получила от дяди письмо из Испании. Он пишет, что скоро коммунисты будут изгнаны из страны, — сказала Эльза, подавая руку Илье. — Ты давно у нас не был. Может, что случилось? — спросила она и, пользуясь тем, что в прихожей никого не было, прижалась к нему, ласково заглядывая в глаза.

— Сейчас такое время, много дел...

— Понимаю. Война в Испании... У вас у всех масса хлопот. Я поэтому и не звонила тебе по телефону. Что же мы стоим? Пойдем к гостям, — спохватилась она.

Гости были в сборе. Не пришел только Рихард Шеммель. Гальдер читал вслух опубликованное в газетах послание Муссолини, которое дуче направил своим дивизиям в Испанию с борта крейсера “Пола”, находившегося в Средиземном море.

— “Я уверен, — читал Гальдер, — что наши легионеры сломят сопротивление врага. Пусть они знают, что я постоянно пристально слежу за всеми их действиями, которые несомненно увенчаются победой”. Чудесное послание. Я уверен, оно придаст мужества легионерам. В этом духе и надо воспитывать солдат.

— Да, война в Испании поможет воспитать и нашу молодежь в подлинно патриотическом духе, — заявил Вермерен, подходя к Илье. — Она закалит молодежь. Прав фюрер, утверждая, что “масса подобна животному, которое следует своему инстинкту. Она не считается с логикой и рассудком... Массы только тогда поддаются влиянию, когда они фанатичны...”, война усилит фанатизм нашей молодежи.

Илья терпеливо слушал, поддакивал. Вермерен чем-то напомнил ему Ганса Шульца. Нелегко было выносить эти рассуждения, но зато терпение его было вознаграждено. Илья казался Вермерену своим

человеком, и он был откровенен. На этот раз Вермерен сообщил по секрету Илье, что сейчас готовит строго конфиденциальные переговоры между Гитлером, Муссолини и Даладье. Переговоры идут пока по дипломатическим каналам и касаются возвращения Германии Судетской области Чехословакии.

Переговоры были подготовкой Мюнхенского соглашения, предопределившего захват Германией всей Чехословакии,

“Это важно. Это очень важно. Надо немедленно сообщить в Москву”, — подумал Илье. Он распростился с Вермереном и подошел к Эльзе:

— Дорогая Эльза, извини. Я вынужден покинуть тебя. Мне срочно надо ехать в абвер.

— Мы видимся только на людях, а мне так хочется поговорить наедине, — прошептала она, провожая Илью.

— На днях я позвоню тебе, и мы встретимся.

Вернувшись домой, Илье составил сообщение в Москву. К тому, что рассказал Вермерен, добавил сведения о переброске новых германских частей в Испанию. Зашифрованное донесение выглядело безобидно: запись расходов какой-то семьи, сделанная карандашом на клочке бумаги.

Утром по дороге на службу Илье зашел в подъезд одного из домов на Фридрихштрассе и, убедившись, что в подъезде никого нет, вложил сообщение в тайник. Он был в углублении за скульптурой, которая поддерживала навес над входом. Эта манипуляция не была видна прохожим...

В абвере Илью сразу вызвал руководитель группы полковник фон Пахен. В кабинете у шефа сидел офицер в форме штурмбаннфюрера СС. На вид ему было не больше сорока, глаза широко расставлены на скуластом лице, офицер мало походил на немца.

— Познакомьтесь, штурмбаннфюрер Реслер из Главного управления имперской безопасности.

Реслер встал и крепко, словно стараясь раздавить, пожал Илье руку.

— Ознакомьте с нашими материалами о положении в Иране. Покажите все, что мы имеем.

— Слушаюсь, — ответил Илье.

Когда они шли от шефа к кабинету Ильи, Реслер спросил:

— Вы племянник Ганса Шульца?

— Да.

— Наши семьи в Мюнхене дружили. Мой отец был связан по коммерческим делам с вашим дядей. Герр Шульц рассказывал отцу, что собирается выписать вас из России.

Илью охватило сильное волнение, но он сумел не выдать его. Неужели провал? Стоит Реслеру сказать хоть слово полковнику фон Пахену, начнется проверка, и чем все закончится, трудно сказать.

— Нет, я не тот племянник, о котором вы говорите, — быстро взяв себя в руки, ответил Илье. — Фридрих погиб в России, он так и не сумел приехать сюда. Я сын Якоба Шульца из Гамбурга, двоюродного брата Ганса Шульца.

Реслер недоверчиво взглянул на Илью, но не стал больше говорить на эту тему.

Дома Илье рассказал о встрече с Реслером Гансу Шульцу. Тот перепугался. Он весь вечер созванивался по телефону со своими влиятельными друзьями. Утром Реслер разговаривал с Ильей, как с хорошим знакомым, и, уходя домой, попросил передать дяде привет от отца. Илье немного успокоился. После этой встречи Реслер в абвере больше не появлялся, хотя и не успел прочесть всех материалов по Ирану.

Илье сказал об этом Гансу Шульцу. Старик, облегченно вздохнув, объяснил:

— Пришлось, сынок, позвонить в Главное управление имперской безопасности Паулю, моему давнишнему другу, и сказать, что у них служит Реслер, который в бытность мою в Мюнхене вел разгульный образ жизни и пытался использовать подложный вексель. Да простит мне бог эту вынужденную ложь во имя нашего благополучия. Они куда-нибудь упрятали молодца.

Впоследствии Илье узнал, что, поскольку Ганс Шульц никаких конкретных фактов привести не мог, Реслера не уволили, а лишь немедленно убрали из центрального аппарата политической разведки, послав в командировку в Испанию.

Вскоре Илье присвоили чин капитана.

Неожиданно он был вызван к адмиралу Канарису. Адмирал редко бывал теперь в абвере. По поручению Гитлера ему то и дело приходилось летать в Испанию. Вместе с Франко он объезжал фронты, чтобы заставить мятежных генералов более энергично вести войну.

Илье был встревожен. Видимо, что-то важное, иначе не стал бы адмирал, будучи так занят, вызывать его. Редкие приглашения к шефу рядовых работников влекли за собой обычно большие изменения в их судьбе.

“Уж не Реслер ли что-нибудь рассказал?” — подумал Илье.

Когда Илье вошел в кабинет, первое, на чем невольно задержался его взгляд, были две маленькие собачки. “Это, наверно, те самые, о которых рассказывал Ганс Шульц”, — подумал Илье. Собаки, как по команде, повернули головы в его сторону, они не лаяли, но насторожились, не сводя с вошедшего умных глаз.

Илье, удивленный не совсем обычными обитателями служебного кабинета, доложил о своем приходе.

Канарис сидел за столом, заваленным папками с письмами и сообщениями. Он любил прочитывать все сам и установил такой порядок, что ни один серьезный документ не мог миновать его стол. Но эти кипы бумаг не заслонили руководителя военной разведки от его аппарата, от людей, он успевал заниматься и ими. Каждый офицер хоть изредка, но обязательно бывал у него.

Канарис оторвался от бумаг и пригласил Илью сесть. Он приветливо улыбнулся и справился о здоровье Ганса Шульца. Потом встал и, подойдя к таксам, поднес им на ладони по кусочку сахару. Илья с интересом разглядывал шефа. Внешне адмирал мог сойти за добродушного, покладистого человека. Но достаточно было вспомнить его походжения, как становилось ясным, что все чудачества его и доброе отношение к подчиненным — рисовка, и не более.

— Вам предстоит командировка в Иран. — Адмирал любил огорошивать людей. Хотя предложение о посылке Шульца в Иран исходило от непосредственного шефа Ильи, полковника фон Пахена, тот не мог сказать об этом Илье до встречи с адмиралом. — Иран сейчас — серьезнейший участок нашей работы, — начал Канарис, как всегда, издали. — Вы, наверно, слышали, что еще Вильгельм Второй делал большую ставку на Иран. Укрепляя германские позиции в его экономике, он рассчитывал, утвердившись в Иране, получить тамошнюю нефть и использовать страну как плацдарм для продвижения на Кавказ, в Индию и Ирак. Из Ирана лежит дорога к бакинской и иранской нефти, к богатствам Индии. Военные деятели того времени допустили немало промахов и проиграли войну в Европе. Были утрачены и позиции в Иране. Но мы не повторим тех ошибок. Экономика Ирана снова в наших руках. Мы в значительной мере влияем и на внешнюю политику иранского правительства, которое склонно присоединиться к нам, заключив договор о союзе. Мы ставим задачей полностью подчинить себе Иран. Все предпосылки для этого имеются. Мы бросили туда наших лучших работников. Под видом представителей различных фирм, советников, экспертов, дипломатов мы стянули туда опытных разведчиков. Как разведчик, вы, очевидно, понимаете, что при самых благоприятных условиях необходимо обеспечить себе пути отступления. Вот на вас и ляжет эта задача. Вы должны создать там глубоко законспирированную агентуру, которая станет работать на нас в случае, если мы вынуждены будем уйти из Ирана. Вы поедете туда под видом швейцарского гражданина и ничего общего с местными немцами иметь не должны.

Затем Канарис стал инструктировать Илью по конкретным вопросам предстоящей работы.

— Вы поедете в Иран в качестве представителя швейцарской фирмы по импорту текстиля “Барони”. Когда будете в Берне, зайдите первым делом к владельцу фирмы Отто Крамеру. Он расскажет, что надо делать вам по его линии в Тегеране. Пусть вас не смущает отсутствие знаний по текстильному делу — у вас будет опытный товаровед. Отто Крамер очень хорошо относится к нам.

Канарис не стал говорить Илье, что Отто Крамер — старый немецкий разведчик, пробрался в Швейцарию, натурализовался там и на деньги германской разведки обосновал фирму, служившую отличным прикрытием для абвера, который использовал ее широкие импортные операции для засылки своей агентуры в различные страны под видом представителей фирмы “Барони”.

Узнав об отъезде Ильи, Эльза была подавлена. Она чувствовала, что Илья потерял для нее. В отчаянии Эльза предложила ему немедленно обвенчаться и выехать за границу вдвоем, хотя понимала, что это неосуществимо. Илья мрачно молчал. Ему было тяжело, несмотря на то что Эльза в последнее время и стала ему чужой. С другой стороны, эта поездка очень выручала его: так будет легче порвать с Эльзой.

Перед самым отъездом из Берлина Илья узнал, что ехать в Иран ему придется через СССР, и едва успел сообщить об этом в Москву.

Переходить границу из Германии в Швейцарию Илье предстояло нелегально. Наметили местечко в районе, где Рейн впадает в Боденское озеро.

Приближалась полночь, когда Илья добрался до хутора на германском берегу Рейна. Хозяин хутора Бенц подготовил лодку, и они вдвоем отправились в путь. Илья волновался, всматриваясь в ночную темноту. Бенц спокойно греб, словно ехал на рыбную ловлю. Добрались до противоположного берега без всяких приключений, не встретив ни швейцарских пограничных катеров, ни пограничников на берегу. Бенц показал, как добраться до железнодорожной станции. Через полчаса Илья был на станции и сел в поезд до Цюриха.

Илья был несколько удивлен той легкостью, с которой прошла нелегальная переправа через границу; готовясь к ней, он ожидал трудностей и осложнений. Видимо, переправа была хорошо организована, много раз проверена и работала безотказно.

В Цюрих Илья прибыл утром. На набережной реки Лиммат он быстро нашел обветшалый дом. Хозяин дома, старый моряк, калека без правой ноги, Генрих Гель был немногословен. Он передал Илье документы на имя Самуэля Зульцера, уроженца города Винтертура, расположенного недалеко от Цюриха. Через несколько дней Илья уже как коренной швейцарец выехал в Берн.

Берн, раскинувший свои старинные здания на берегах горной реки Оаре, поразил Илью своим средневековым видом. В доме, принадлежавшем когда-то одному из городских патрициев, Илья нашел контору фирмы.

Отто Крамер, энергичный толстяк, со светло-серыми глазами и остатками рыжих волос на голове, встретил Илью как старого знакомого. Он представил Самуэля Зульцера, нового служащего, своим сотрудникам и сразу усадил его за огромные конторские книги и толстые тома переписки фирмы с ее филиалами за границей.

Служащие конторы — что-то около десяти человек — сидели целыми днями, углубившись в работу, закопавшись в вороха документов. Изредка они перебрасывались скупыми фразами. Они не проявили никакого интереса к Илье, даже не спросили, где тот остановился, понимает ли что-либо в книгах и папках, которыми завалили его стол. Почитав два дня конторские книги и дела, Илья, к своему удивлению, получил довольно ясное представление, чем занимается фирма, какие ведет дела и как осуществляет свои коммерческие операции.

Через несколько дней его пригласил к себе Отто Крамер. Он сидел за большим столом, обитым коричневым сукном. Все шкафы и углы его кабинета были завалены образцами тканей, которые, видимо, давно не перебирались. Резко пахло залежалым тряпьем.

— Пора начинать оформление вашей поездки в Иран, — даже не поздоровавшись, начал Крамер. — Дайте ваши документы.

Илья положил на стол бумаги, которые достал безногий моряк.

Крамер долго и придирчиво рассматривал их и, словно без всякой цели, переспрашивал Илью то о годе рождения, который значился в документах, то об адресе. Видимо, Крамер остался доволен ответами. Он спрятал документы в сейф и сказал:

— Сегодня напишем от фирмы письмо о выдаче вам заграничного паспорта и представим все документы, а пока продолжайте знакомиться с конторскими делами. Не стеснясь, расспрашивайте ваших коллег, не обращайтесь на их молчаливость. У вас месяц–полтора в запасе. За это время вы должны полностью войти в курс дела.

В июле 1938 года Илья выехал из Швейцарии в Иран через Германию, Польшу и СССР. В то время это был самый короткий путь. Надежда, что он увидит своих друзей, согревала его. Он мечтал, что его встретит Николай Федорович Авдеев.

Илья сидел у окна вагона. Мимо проплывали знакомые картины. А в памяти вставало минувшее: Баку, поездка вместе с Фридрихом Шульцем в Москву. Они прожили в Москве больше двух недель. Фридрих подробно рассказал Илье о своих родных, хотя многое тот уже знал. Внимательно просмотрели альбомы с семейными фотографиями Фридриха. Поздние фотографии убрали, оставили только ту, на которой он был снят еще грудным младенцем. Нашлась старая фотография Ильи. Ему тогда было десять лет. Он снялся на ступеньках коттеджа Шульцов. Эту фотографию вложили в альбом, который Илья должен был захватить с собой в Германию.

Прощание Ильи с Фридрихом было грустным. Они понимали, что не увидятся долго. Тут же в Москве Фридрих зарегистрировался с Ольгой, которую вызвал телеграммой, и они выехали в Новосибирск.

Вспомнился Николай Федорович Авдеев. Он был первым, с кем близко познакомился Илья в ОГПУ. Авдеев тепло встретил его. Он и представлял его руководящим работникам Центрального аппарата. Когда все пришли к единодушному мнению, что Светлов подходит для работы за границей, было принято решение направить его в Германию.

Потом Илья написал Гансу Шульцу письмо. Сообщил о смерти матери, согласился приехать к нему и послал свою фотокарточку. Фотографию настоящего Фридриха Шульца не имел и в лицо его не знал.

После этого началась подготовка. Это была серьезная и напряженная работа. За короткий срок Илья должен был получить ряд навыков и знаний, необходимых для нелегальной работы за границей.

Он пополнил свои сведения о Германии, о ее истории, искусстве, литературе, политической обстановке, знакомился с существующим там полицейским режимом, совершенствовал свои знания немецкого языка, учился пользоваться шифром, тайнописью, рацией, оружием, изучал приемы самбо и учился водить автомобиль.

С подготовкой Ильи торопились. Только что был урегулирован советско-китайский конфликт, спровоцированный империалистическими державами, чтобы развязать войну. Китайские милитаристы пытались захватить Китайско-Восточную железную дорогу, находившуюся под совместным советско-китайским управлением. Особая Дальневосточная армия отбросила с советской территории вторгшиеся отряды китайских милитаристов и русских белогвардейцев. Но международная обстановка оставалась напряженной. Усиливалась агрессивная политика Японии, намеревавшейся поработить страны Юго-Восточной Азии, Китай, Монголию и захватить территорию СССР вплоть до Урала. В Германии рвался к власти фашизм. Росла реальная угроза миру. В свете этих событий направление Ильи в Германию принимало особо актуальное значение.

Все испытания по своей подготовке Илья сдал хорошо. Чувство неуверенности сняло как рукой, и он выехал из Москвы гордый доверенным ему заданием.

С тех пор прошло восемь лет, но Илья не забыл Николая Федоровича. И сейчас, приближаясь к границе Родины, он очень хотел, чтобы первым советским человеком, который встретит его, был Авдеев.

На советско-польской границе, в Шепетовке, Илья пересел в поезд на Баку. Устроившись в двухместном купе, он подошел к окну и долго глядел, что делается на станции; на глаза набежали слезы — он был на родной земле. Открылась дверь купе, и Илья услышал голос Николая Федоровича:

— Илюша, здравствуй. Вот наконец мы встретились.

Илья кинулся навстречу Авдееву. Они обнялись.

Сели на диван, Илья внимательно посмотрел на Николая Федоровича. Он был совсем не таким, каким сохранился в памяти. Волевым суровое лицо Авдеева смягчала добродушная улыбка. Илья отнес эту перемену за счет того, что Авдеев был в штатском костюме, в нем Илья видел его впервые. Сейчас Авдеев не был похож на человека, жизнь которого полна опасностей, который ведет сложную, требующую большого напряжения работу. Его скорее всего можно было принять за научного работника.

Авдеев был старым чекистом. Он пришел в органы ОГПУ с большим жизненным опытом, закаленным в окопах гражданской войны. Знакомые подшучивали над ним, называя баловнем судьбы. На войне и чекистской работе Авдееву не однажды приходилось встречаться со смертью, но он чудом оставался жив. Война и работа,

которая требовала порой суровых и беспощадных действий, не ожесточили его — Николай Федорович был добрым и покладистым человеком.

Он любил жену и трех своих сыновей и при случае рассказывал о смысленных мальчишках. У него было много друзей; нередко сослуживцы обращались к нему за советом не только по делам, многим он помогал наладить личную жизнь. На квартире у него всегда жил кто-нибудь из родственников или знакомых, приехавших в Москву издалека. Илье рассказывали, что один из сотрудников Авдеева женился и, не имея жилплощади, прожил у него два года.

— Где сейчас Фридрих Шульц и как он живет? — спросил Ильи.

— Фридрих и Ольга в Новосибирске. Он инженер-конструктор, она экономист, работают на одном заводе. У них двое ребят. Вот забыл только — то ли две девочки, то ли мальчишки.

— Можно им написать?

— Конечно. Черкни хоть пару строк, им будет приятно, а то они довольствуются тем, что изредка пишу им о тебе я. Только учти — он не Шульц, а Краснов, при регистрации брака он принял фамилию Ольги. Ты сам понимаешь — почему.

— Из Баку обязательно напишу,

— Хочу обрадовать, Илюша. Ты награжден орденом Красной Звезды, тебе присвоили очередное звание — майор.

— Большое спасибо, Николай Федорович, — растроганно сказал Илья. — Передайте мою благодарность и скажите, что я все сделаю для Родины, для советских людей.

— Времени у нас мало. Давай-ка расскажи, что не поместилось в сообщении, а я запишу. — Авдеев достал блокнот и карандаш.

В дверь постучали. Переводчица, молодая девушка, покраснев, спросила по-английски, не хотят ли господа пассажиры чаю. Из-за ее спины выглядывал усатый проводник.

— Чаю пока не надо, скажите, чтобы нам дали шахматы, — ответил по-английски Авдеев.

Проводник принес шахматы.

Пристроив их на столике и положив рядом блокнот, Николай Федорович сказал:

— Теперь, если кто и зайдет в купе, увидит только, что мы играем в шахматы. Ну что ж, продолжай...

Они почти не выходили из купе. Переводчица высказала предположение, что пассажиры — шахматисты-профессионалы, они разыгрывают интересные партии. Николай Федорович был доволен. Беседуя с Ильей, он убедился, что перед ним человек, хорошо разбирающийся в людях, умеющий отличить факты от вымысла, существенное от несущественного, дать правильную оценку событиям. Это он чувствовал и раньше по сообщениям Ильи. Ему было приятно, что его воспитанник оказался толковым человеком.

В Баку Илья остановился в гостинице “Интурист”. Город встретил его не особенно приветливо. Дождь как из ведра поливал улицы. Вода пузырилась в лужах. На тротуарах — ни души. Пешеходы укрылись в подъездах, жались у витрин. Только два потока автомобилей и автобусов неслись друг другу навстречу, поднимая фонтаны брызг.

Илья терпеливо записывал то, что не успел передать Авдееву в поезде.

Наконец дождь кончился, небо посветлело. Илья пошел к Авдееву. С крыш на асфальт шлепали последние капли дождя. Прохожие выходили из укрытий, недоверчиво поглядывая на небо.

Илье хотелось посмотреть город, но после встречи с Авдеевым он должен был ехать на заграничную пристань, от которой отходил в этот день пароход в Пехлеви.

Приближение иранских берегов Илья встретил на палубе. Стояло знойное утро. Впереди, там, где морские просторы час назад будто сливались с небом, уже синели громады гор. Очень быстро они приняли ясные очертания — стал виден приморский городок Пехлеви, утопающий в апельсиновых рощах. Справа — зеленый островок, на котором расположены учреждения города, слева — казьянская сторона с ее отлогим берегом и гаванью. Отсюда шла асфальтовая лента шоссе в Тегеран. Пароход остановился и загудел. Утлая лодчонка доставила лоцмана, и через полчаса пароход пришвартовался к пристани.

Когда Илья вышел из таможни, пароход разгружался. Грузовая стрела свесила над пристанью большой ящик. Толпа иранских рабочих заволновалась, зашумела. Двое быстро подогнали ручную тележку, отцепили ящик, бегом повезли его к складу. Широкие штаны и длинные рубахи без поясов трепыхались на тощих телах бежавших рабочих, как пустые мешки. Звонко хлопая по асфальту босыми ногами, грузчики в предвкушении заработка, весело покрикивали:

— Хабарда! Хабарда!! — хотя на их пути не было ни души.

Илья был поражен массой уличных торговцев, шумно предлагавших то рыбу, то диких уток, которые водились в тех краях в изобилии, то апельсины. Казалось, весь город был охвачен жадной наживы.

Илья нанял такси и поехал в Тегеран.

---

¹ Берегись! (перс.)

VI

На куче Шираз, недалеко от центра Тегерана, Илья арендовал квартиру в небольшом одноэтажном доме с тенистым садиком и бассейном. Помог в этом тегеранский старожил, товаровед фирмы Захеда.

По просьбе Ильи хозяин дома подыскал ему двух слуг. Один выполнял роль дворника и садовника, второй, по имени Али, прислуживал в доме.

Занявшись с помощью Захеда делами фирмы, которую он представлял, Илья быстро вошел в курс дела и приобрел много знакомств.

Столица Ирана понравилась Илье. В центральной и северной частях она имела облик современного европейского города — с площадями и скверами, с трех–четырёхэтажными зданиями, выходящими фасадом на улицы. В районах, заселенных беднотой, извивались узкие кривые улочки с множеством тупиков и переулков, застроенные глинобитными лачугами.

Понравился Илье и народ — гостеприимный, приветливый и трудолюбивый.

Город просыпался чуть свет, и сразу начиналась суета. В полдень, когда солнце жгло, словно намеревалось испепелить все вокруг, жизнь на улицах замирала; закрывались магазины и учреждения, люди прятались до вечера по домам. Жара спадала с заходом солнца, когда снежная вершина Демавенда¹, видная из города, начинала краснеть. Раскаленный диск солнца медленно опускался за гору, казалось, погружался в снег. Для полноты иллюзии не хватало клубившегося пара. Улицы снова оживали, открывались магазины, густели толпы пешеходов и потоки машин.

На окраинах, у арыков, собиралось много женщин. Сидя на корточках, они мыли в проточной воде посуду, стирали белье, делились между собой новостями, ссорились и мирились. Рядом копошились черноголовые, темнокожие, босые и голозадые ребятишки. Малыши, хныча, теребили женщин за старые широченные юбки, полинялые кофты. Озорники постарше гонялись друг за другом. От женского крика и детского писка стоял гомон, точно на птичьем базаре.

Илья любил бродить по городу. Его забавляли уличные сценки. Однажды он увидел, как посередине центральной улицы запрямылся нагруженный тюками осел. Хозяин осыпал его ударами, а строптивое животное не трогалось с места. Водители автомобилей и автобусов, кучера фаэтонов громко кричали, ругая перегородившего дорогу упряма и его расшвырявшего хозяина. На тротуарах стояли люди, глядели, посмеивались: “Хорошо, что бог, осла зная, рог ему не дал”. Рядом с собой Илья услышал: “Быть ослом тоже дар божий”. Каждый иранец имел про запас любимую поговорку.

Уже с утра кое-где слышалась музыка. Илье нравились персидские напевы, они напоминали ему азербайджанские, которые он слышал в детстве.

Постепенно расширялся круг его знакомых. Среди них были не только коммерсанты, но и военные и политические деятели, не гнушавшиеся подработать на сделках с иностранной фирмой, сбыв залежавшуюся продукцию своих изобретений или просто перепродав купленное.

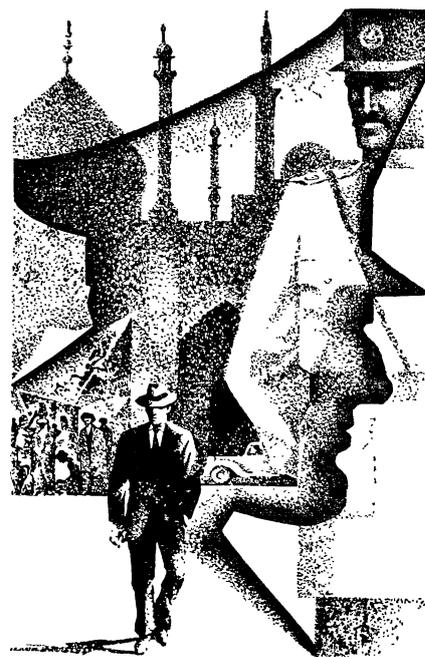
Из этой публики ему и предстояло подобрать агентуру для абвера. Ориентировался он на людей профашистски настроенных; немалую роль играло и то, что он давал им хорошо заработать.

Перед отъездом из Берлина Илья получил указание привлечь к работе на немецкую разведку подполковника иранской армии Меджиди. Этот немолодой офицер был близок к возрасту, когда принято уходить в отставку. Он привлек внимание германской разведки тем, что женился на немке и в кругу близких положительно отзывался о гитлеровцах.

Илья начал с того, что выгодно для Меджиди купил у него партию хлопка, которую тот собрал в имении и долго не мог продать. Теперь Илья оказался желанным гостем в доме Меджиди. Фрау Мария Меджиди встретила Илью как родного. Она пыталась убедить мужа, что швейцарец, говорящий на немецком языке, — это тот же немец. Фрау Мария была значительно моложе мужа и, несмотря на неприглядную фигуру, довольно симпатична. Собирая о Меджиди предварительные данные, Илья узнал, что фрау Мария состоит в любовной связи с генералом Новбахтом.

Меджиди знал об этом, но ничего сделать не мог. Новбахт занимал слишком большой пост, и Меджиди зависел от этого человека. Попытка заставить жену отказаться от любовника ни к чему не привела. Порвать с женой Меджиди боялся. Это могло вызвать неудовольствие Новбахта.

Вскоре после знакомства с Ильей Меджиди разобрался в том, что его хлопок мало интересует швейцарского коммерсанта, но его отношение к Илье не изменилось. Обошлось без прямых разговоров о сотрудничестве. Разъяснить что-либо такому опытному человеку, как Меджиди, не приходилось.

¹ Высочайшая вершина горного кряжа Эльбруса, севернее Тегерана.

Когда между ними воцарилось полное взаимопонимание, Меджиди как-то поведал Илье:

— Сейчас в правительственных кругах идет большой спор: заключать с Германией военный союз или нет? Против союза генерал Новбахт, он человек англичан.

Илья смеялся в душе. Он понял истинную цену этой информации. Меджиди, конечно, знал, что возможности у немцев в Иране огромные, и рассчитывал, что, оговорив Новбахта, избавится от него с помощью немцев.

Илья сообщил об этом в Берлин. Оттуда ответили, что Новбахт никакого влияния на ход переговоров о союзе не оказывает, и рекомендовали привлечь Новбахта к работе на немцев, используя его связь с женой Меджиди.

Улучив момент, когда он был наедине с фрау Меджиди, Илья сказал ей, что слышал о ее знакомстве с семьей генерала Новбахта, и попросил познакомить его с генералом. Он хочет купить у его брата-помещика партию хлопка.

— С удовольствием познакомлю. Генерал будет доволен. — Фрау Мария сразу смекнула, что генерал может заработать на этом, а он был феноменально жаден. — Только прошу не говорить мужу. Он недоволен моей дружбой с этой семьей.

Илья пообещал и через несколько дней был представлен генералу.

Работать Илье было нелегко, но душой он отдыхал от обстановки, угнетавшей его в Берлине. Он почти не виделся с немцами, хотя изредка приходилось встречать знакомых офицеров абвера в гражданской одежде и под чужими именами.

Долго раздумывал Илья, написать ли Эльзе. Он мог послать ей письмо через германское посольство в Тегеране, откуда заходил иногда к нему связной с письмами от Ганса Шульца и забирал ответы. Посольство отправляло эти письма дипломатической почтой. В конце концов Илья решил не писать ей, считая, что так она скорее забудет его.

По делам фирмы Илье требовалась юридическая помощь. Ему порекомендовали видного тегеранского адвоката Сафари, слывшего человеком передовых взглядов. Тот назначил Илье свидание у себя дома.

Дверь открыла служанка в кокетливом передничке и кружевной наколке на голове. Все в доме было поставлено на европейский лад. Не надо было снимать обувь перед входом в комнату, здесь не обедали на полу, не хранили посуду и постель на полках, в стенных нишах, и не грелись, собравшись всей семьей вокруг жаровни. Кругом — удобная, вполне современная мебель, люстры, бра, рояль, прекрасные кашкайские ковры, картины голландских и итальянских мастеров.

Сафари — человек лет пятидесяти пяти, невысокий, полный, медлительный, говорил вкрадчиво, растягивая слова, и поглядывал на собеседника с ехидной улыбкой, будто зная о нем что-то нехорошее.

Илья обратил внимание, что на пальце юриста блестело кольцо с пластинкой вместо камня. На таких пластинках обычно бывает выгравирована молитва, в которой владелец кольца просит аллаха одарить его счастьем. Жена адвоката Лейла-ханум, худая и низенькая, была почти одних лет с мужем. В ее темно-каштановых волосах виднелись рыжие пряди покрашенных седин. Губы Лейла-ханум густо красила, и они неестественно алели на блеклом лице.

Сафари и Лейла-ханум встретили Илью приветливо. Его пригласили на веранду, выходящую в сад, и подали чай. Хозяин и гость уселись за столик, а Лейла-ханум возвратилась в гостиную. Илья сразу приступил к деловому разговору.

Услышав скрип калитки, оба посмотрели в сад. С улицы вошла стройная черноволосая девушка в легком костюме. В руке она держала за длинный ремешок фотоаппарат в футляре и слегка размахивала им.

— Вот и наша дочь Роушан, — обрадованно сказал Сафари и поднялся со стула.

Девушка, увидев на террасе отца с гостем, заторопилась. Илья глядел на нее не отрываясь. Черные глаза, тонкие брови, чем-то она напоминала Эльзу.

Илья слышал о Роушан от знакомых. Она была одной из немногих иранок, которые принимали активное участие в демократическом движении в стране. Сафари стоило больших усилий и денег избавить ее от преследования полиции.

Роушан поднялась на террасу и поздоровалась с отцом. Сафари познакомил ее с Ильей. Девушка пожала руку Илье, окинула его любопытным взглядом и ушла переодеваться.

Вернувшись, Роушан села напротив Ильи, Они разговорились. Роушан хорошо разбиралась в литературе, искусстве, свободно владела английским и немецким языками. Они увлеклись беседой и почти не замечали Сафари; адвокат тоже не видел их — он читал документы, принесенные Ильей.

— Я мало знаю ваш город, — сказал Илья.

— Давайте встретимся завтра, — предложила Роушан. — Я проведу вас по Тегерану, покажу примечательные места.

— Договорились, — согласился Илья.

На следующий день, когда Илья и Роушан встретились, девушка предложила ему пойти в этнографический музей. По дороге Илья откровенно любовался ею. Она сделала модную прическу, новый элегантный костюм выгодно подчеркивал стройность фигуры. Роушан была оживлена и радостна. Это не мог не отметить Илья. Хорошее настроение моментально передалось и ему.

За разговором они не обратили внимания на красоту улицы Аля-од-Доуле, по которой шли. На этом бульваре помещались почти все иностранные посольства. Огромные платаны распустили над тротуарами свои широкие, как опахала, листья. Перед особняками раскинулись сады, тихо пела вода в фонтанах.

Незаметно дошли до музея. Проходя по залам с образцами одежды и предметами обихода кочевых племен и различных народностей Ирана, Илья и Роушан плохо различали все эти бурнусы, архалуки, туфли с загнутыми вверх носами, войлочные тубетейки, медные казаны, глиняные кувшины, старинные ружья и седла. Они были заняты друг другом. Илья с интересом слушал рассказы девушки о ее учебе в университете, о друзьях, о том, как они проводят досуг.

Прогулки с Роушан повторялись все чаще. Каждый раз Илья делал новые приятные открытия во внешности Роушан, в манерах, в характере. Быть возле нее, слышать ее голос стало для него потребностью.

Впервые за последние годы Илья нашел друга, от которого мог не таить своих мыслей. Роушан интересовалась тем, что происходит в мире, пыталась разобраться в том, что делается в ее стране. Илья говорил ей, что думает о нацизме, — ведь он видел перед собой человека, разделявшего его взгляды. Одного только не мог открыть Роушан — кем он является на самом деле. Но Илья уверен: узнай Роушан, что он советский разведчик, — это нисколько не повлияло бы на их отношения. Роушан хорошо отзывалась о Советском Союзе.

Однажды они решили поехать по Шимранской дороге, в сторону горы Демавенд.

Поставив машину в тени деревьев, Илья и Роушан устроились под развесистым кедром у горного ручейка. От воды веяло прохладой. Неподалеку от них, на поляне, повыше ручья, расположилась семья пастуха. Видно, они жили тут уже несколько дней. Жилище представляло собой навес из четырех обтянутых шкурами шестов. На земле возились полуголые дети.

— Взгляни, Самуэль, какое убожество! — Роушан схватила его за руку. — Ну что это за жизнь? Еще более, семисот лет назад Сзати писал:

...У одного безмерно состояние.
Другой не сыщет пропитания.
Светильник счастья пред одним горит,
А от другого тучей день закрыт... —

Прошли века, а у нас ничего не изменилось. По-прежнему меньшинство живет в роскоши, а большинство — в нищете.

— Не появился еще новый кузнец Ковэ, — заметил Илья.

— Ты знаешь, Самуэль, кто такой кузнец Ковэ?

— Конечно, ведь я читал поэму Фердоуси “Шах Намэ”, — ответил Илья. — Ковэ поднял восстание против угнетателя Зохака. Так?

Роушан поцеловала его в щеку.

В это время пастух собрал навес из шкур, увязал в узел свой скарб. Часть его погрузил на тощего осла, а остальное взвалил себе на плечи. Поляна опустела.

— В России строят справедливую жизнь, — провожая взглядом удалявшуюся семью, сказала Роушан. — А мы остались в стороне. Эти немцы так опутали наше правительство, что скоро превратят нас в своих подданных. Промышленность — в их руках, торговля — тоже, все высшие должности заняты их единомышленниками.

— Фашисты хотят втянуть Иран в свои военные авантюры, — сказал Илья.

— Нам только не хватает еще войны, — усмехаясь, произнесла Роушан. — Между прочим, отец рассуждает так же, как и ты.

— Твой отец слывет человеком передовых взглядов.

— Когда-то он не стеснялся высказывать их открыто, а сейчас за это сажают в тюрьму и казнят.

Приходится молчать.

— А ты посещаешь кружок молодежи, о котором рассказывала?

— Он распался. Арестовали нескольких наших студентов. Давай не будем больше говорить о плохом, Самуэль, и так тяжело на душе. Расскажи мне что-нибудь о России, — попросила девушка, обнимая Илью, — ну, пожалуйста, ты так хорошо все описываешь, будто прожил там несколько лет.

— Я много читал о России, а проездом сюда кое-что видел сам.

Неожиданно Сафари высказал неудовольствие столь частыми встречами Роушан с агаи Зульцером. О ее встречах с европейцем кругом так много говорят. Илья понял, что Сафари еще не свободен от укоренившихся в Иране взглядов, согласно которым Роушан, полюбив европейца, совершила грех. Если случаи браков иранцев с европейками были довольно часты, то иранок редко выдавали за европейцев. Сафари не хотел, чтобы говорили, будто он нарушил обычаи предков.

Илье и Роушан пришлось прятать свою любовь.

Илья реже стал бывать у Сафари, нанял удобную квартиру, там они и встречались с Роушан. Две комнаты восточного убранства стали единственными свидетелями их любви. Илья ничего не стал переделывать в квартире, только заменил жаровню современным калорифером. Влюбленные были даже довольны, что все так обернулось.

Илья получил указание Берлина организовать на иранско-турецкой границе нелегальную переправу. Ему сразу пришел на память Махмуд-бек, его племя кочует где-то на границе. Разыскав адрес Махмуд-бека, Илья послал ему записку, назначив свидание в Тегеране.

Встреча Ильи с Махмуд-беком состоялась в ночном кабаре. Махмуд-бек, большой любитель зланных мест, был доволен и не сводил глаз со сцены, где в замысловатом танце извивались негр и белая женщина.

Илья заговорил о деле, Махмуд-бек сразу оторвался от сцены. Он был очень удивлен, когда узнал, под какой фамилией Илья живет в Иране.

— Самуэль, ты знаешь, что Германия для меня вторая родина. Если нужна моя помощь, я готов.

— Нам нужно иметь на границе несколько верных людей, которые могли бы переправить нелегально из Ирана в Турцию наших работников или встретить и укрыть тех, кто придет через границу из Турции, чтобы работать здесь.

— У меня есть такие люди.

— Они должны быть вполне надежными.

— Это мои соплеменники, и ты можешь верить им так, как мне.

— Я приеду к тебе, и мы на месте обсудим все детали. А чтобы наши отношения не бросались в глаза, ты должен завтра обратиться к товароведу нашей фирмы Захади и предложить ему посредничество в продаже товаров кочевникам. Я поддерживаю твою кандидатуру. Вот тебе на предварительные расходы, — Илья незаметно сунул Махмуд-беку триста английских фунтов.

— Самуэль, ты можешь вполне положиться на меня, — заверил обрадованный Махмуд-бек.

Илья расплатился с официантом, и однокашники разошлись по домам.

Шел август 1940 года. Стояли жаркие дни. В один из таких дней Илья зашел в мануфактурный магазин на Лалезаре, оживленной торговой магистрали города. У входа он столкнулся с высоким громоздким блондином лет тридцати пяти, с большими голубыми глазами навывкате.

— Черт побери, мы, кажется, знакомы с вами? — пробасил блондин, взяв Илью под руку, и сразу представился: — Страунинг, датский коммерсант.

Илья улыбнулся и в свою очередь назвался:

— Самуэль Зульцер, представитель швейцарской фирмы “Барони”.

Они рассмеялись. Настоящая фамилия Страунинга была майор Эрих Югансон. Он служил вместе с Ильей в абвере, был женат на уроженке России, говорил по-русски, и его считали специалистом по русским делам.

Илья пригласил его к себе, надеясь почерпнуть из его рассказов что-нибудь интересное, поскольку Югансон, наверно, и здесь занимался русскими делами.

Майор, так же как и Илья, был лишен возможности общаться с соотечественниками. Близость с немцами могла всплыть на поверхность, и тогда его датский паспорт потерял бы всякую ценность. Югансон был рад встрече с Ильей, он надеялся отвести душу, поговорить откровенно с коллегой по абверу, находящимся в таком же положении, как и он. Али подал им обед, и, усевшись вокруг стола, сослуживцы весело делились впечатлениями о Тегеране.

Югансон шепотом поделился с Ильей новостью: скоро германская армия повернет на Восток, и надо ожидать важных событий.

Видя, что разговор становится интересным, Илья позвал Али и послал его к Сафари с запиской.

— Спровадил? Кем подослан он к тебе? Англичанами или иранцами? — спросил Югансон.

— Думаю, и теми и другими. Но Али ничего и никому не сможет сообщить. Дома я делами не занимаюсь.

— Тебе не надо читать, конечно, лекций, как на мелочах по вине такой вот агентуры попадают наши люди, ты и сам об этом хорошо знаешь, но я хочу рассказать о казусе, который совсем недавно произошел с нашим адмиралом. Он с таким же паспортом, как и у нас, посетил Багдад. Там ему пришлось отдать в стирку свое белье. Вскоре оно вернулось к нему со счетом, вписанным на имя В.Канариса, а спустя несколько часов он получил распоряжение хозяйничавшей в Ираке английской секретной службы немедленно покинуть страну. Подвела Канариса метка на белье “WK”.

— Это поучительная история, — чуть заметно улыбнулся Илья, представив себе, как выглядел адмирал во время этого конфуза.

— Ну, как ты привился в Тегеране?

— В каком смысле, Эрих?

— В смысле нашего дела, черт побери. Это же не Берлин, где ты в спокойной обстановке обрабатываешь сведения, поступающие из-за границы. Здесь не так просто. Эти сведения с большим риском ты должен добывать сам, вербовать для этого нужных людей.

— Ты прав, Эрих, здесь все, конечно, значительно сложнее, но я ведь считаю себя специалистом по Ирану, знаю язык и, откровенно говоря, пока справляюсь с тем, что мне поручено, хотя и не без трудностей.

— Тебе хорошо. Ты специалист по Ирану. Побыл бы ты в моей шкуре хоть немного, полюбовался бы я тогда на тебя.

— Что-нибудь серьезное, Эрих? — равнодушно спросил Илья, но насторожился: надо было знать, чем занимается Югансон в Иране.

Югансон вздохнул и отпил немного вина из стоявшего перед ним бокала.

— Черт побери! Мне еще не приходилось попадать в такое тяжелое положение. Вербовка советских служащих в Тегеране... Ты себе представить не можешь, как это дьявольски трудно. Я бы очень хотел, чтобы Канарис приехал сюда и сам попробовал завербовать кого-нибудь из них... Хорошо, что я еще не влип, как Реслер. Ты знал его. Он занимается здесь теми же делами, что и я, только по линии управления имперской безопасности.

— Да, Реслера я знаю. Он работал несколько дней у нас в группе в Берлине, знакомился с материалами по Ирану, а потом куда-то внезапно исчез.

— Его послали сначала в Испанию, а потом сюда. Так вот послушай, что с ним случилось.

Югансон отпил еще глоток и начал рассказывать:

— Его внимание привлекли двое русских — представитель внешторга Кожевников и его переводчик Силин, совсем еще юнец. Они приехали в Иран закупать шерсть и вели переговоры с близким Реслеру человеком, помещиком и скотоводом Тахери. Реслер решил воспользоваться молодостью Силина, поговорил с Тахери, тот согласился помочь.

Тахери пригласил Кожевникова и Силина в свое имение. После завтрака Кожевников и Тахери ушли на склад осматривать шерсть, а Силин сидел и переводил договор, который составил Тахери. Вдруг вбегает в комнату к Силину русская женщина и, рыдая, рассказывает, что она работала в пограничном совхозе, ее обманули, силой увезли в Иран. Здесь она попала к Тахери, он издевается над ней, бьет, заставляет жить с ним. Представляешь состояние мальчишки? А тут еще она повалилась в обморок. Он совсем растерялся, подхватил ее, стал приводить в чувство. В это время вошел управляющий Тахери, женщина выбежала из комнаты, управляющий стал объяснять желторотому птенцу, что эта женщина Наталья-ханум, жена хозяина дома, что она не в своем уме и на ее слова не стоит обращать внимания. Силин, конечно, не поверил управляющему, кинулся искать Наталью-ханум, но не нашел. Не знаю, как он объяснил все это Кожевникову. Они тут же уехали в Тегеран. А через несколько дней в гостиницу к Силину, когда он был один, пришел Тахери и показал ему фотографию, на которой Силин поддерживал падающую в обморок женщину, казалась, он насильно обнимает ее.

Силин сначала растерялся, а когда пришел в себя, стал кричать, что это провокация. Тогда Тахери сказал, что будет плохо, если фотографию опубликуют в газетах с надписью: “Советский представитель посягает на честь жены почтенного купца”. Силин, видимо, испугался. Тахери пообещал, что сожжет фотографию, за это Силин должен оказать ему небольшую услугу — положить незаметно магнитофон в комнате торгового представительства, где Кожевников будет вести переговоры о ценах на шерсть. Он стал убеждать Силина, что все это обычный коммерческий трюк, ничего общего не имеющий с политикой, просто Тахери хочет знать максимальную цену за шерсть, которую может дать Кожевников, чтобы не продешевить. Но Силин отказался пойти на сделку и выгнал его. Уходя, тот все-таки оставил магнитофон, которым снабдил его Реслер, назвал своей тегеранский адрес и время, когда бывает дома...

Югансон замолчал вдруг, словно потерял нить рассказа.

— И что же было дальше? — спросил заинтересовавшийся Илья.

— Целый день ждал Реслер Силина на квартире у Тахери. Помещик всеми святыми клялся, что Силин обязательно придет, что у него нет иного выхода. И знаешь, Вальтер, он оказался прав, Силин действительно появился. Положил магнитофон на стол и ушел. Тахери начал поздравлять Реслера, уверяя, что мальчишка в его руках. Реслер включил магнитофон, чтобы прослушать запись, и что же ты думаешь там было записано? — Югансон вопросительно уставился на Илью немигающими выпуклыми глазами.

— Наверно, то, что он согласен на условия, — сказал Илья, уже понявший, что там могло быть записано.

— Магнитофон сначала зашипел, а потом раздалось слова Кожевникова: “Господин Тахери! Мы очень довольны, что избавлены от лишней встречи с вами. Надеюсь, понимаете, что о покупке у вас шерсти не может быть и речи”.

Югансон залился смехом и, захлебываясь, сказал:

— Тахери поднял страшный крик, сегодя на то, что его обстригли, как овцу, что теперь он разорен, ему некуда девать шерсть и что Реслер, конечно, у него ее не купит. Реслер подтвердил, что не купит, и ушел от этой старой слякоти. Вот нечто подобное может случиться и со мной.

— Необязательно. Будем надеяться, что тебе больше повезет.

— Пока похвалиться нечем. Одни неприятности.

— У тебя тоже случилось что-нибудь?

— Черт побери, сложилась противная ситуация. Месяц тому назад я получил у Миллера, нашего главного резидента здесь, пятьсот туманов для одного агента. Но так как задержался перевод из Берлина, я их израсходовал: как раз подвернулась интересная полечка. Деньги из Берлина все не переводят, а завтра Миллер встречается с агентом, и может выясниться, что он еще не получил денег.

— Ну, в этом я тебе могу помочь. — Илья вынул бумажник и отсчитал пятьсот туманов.

— Вальтер, дорогой, я твой друг навеки.

Югансон попрощался и ушел.

Вскоре вернулся Али. Его трудно было узнать: бледный, нахмуренный. На вопрос Ильи, передал ли он записку, ответил, против обыкновения, односложно: да.

— Что с тобой? Почему ты так расстроен? — спросил Илья.

— Эх, арбаб. Даже не хочется говорить. По дороге зашел домой. Жена болеет, сколько раз говорил ей, чтобы лежала, а она ходит.

— Что с ней?

— Один врач сказал — туберкулез, другой говорит — ничего страшного, а жена тает на глазах. Обратиться к хорошему доктору и полечить потом ее нет возможности.

Илья ушел в кабинет и тут же вернулся.

— Возьми, это тебе на опытного врача и на лечение. Надо будет, дам еще, — и Илья протянул Али, убиравшему со стола посуду, несколько банкнот.

Али отступил назад, словно ему предлагали взять что-то запретное.

— Нет, арбаб, не могу, я работаю у вас всего несколько месяцев.

— Считаю, что это награда за добросовестность. И можешь сейчас идти домой.

Али, понурив голову, взял деньги и пробормотал:

— Я никогда этого не забуду, арбаб.

В комнате, которую снимал Али с женой, тускло горела керосиновая лампа. Покрытые сырими пятнами стены напоминали географические карты с очертаниями материков. На полу потертый ковер, давно отживший свой век. В стенных нишах, на полках, застланных газетами, стояло и лежало все, что в европейских домах убирается в шкафы. В комнате не было мебели, лишь зеркало с пожелтевшим стеклом висело в простенке.

Али встретила жена. Ей было не более тридцати лет, но лицо ее увяло, и выглядела она большой старушкой. Несмотря на жару, она зябко куталась в платок.

— Что случилось, Али? — спросила она, обеспокоенная неожиданным приходом мужа.

Тот молча положил на стол деньги.

Она пересчитала их и испуганно, словно заподозрила мужа в краже, спросила:

— Где ты взял? Здесь почти твое полугодное жалование.

— Я сказал агаи Самуэлю, что ты больна, и он дал это на лечение.

— Но как ты их вернешь? Из каких средств?

— Он дал деньги как наградные.

— Да пошлет ему аллах счастья.

— За такого хозяина надо молиться. А как он обращается со слугами. Он никогда не оскорбит нашего достоинства. Уж кто-кто, а я достаточно повидал на своем веку господ и знаю цену отношения агаи Самуэля.

Весна самое приятное время в Тегеране, солнце еще не успело высушить сочную зелень, воздух свеж.

20 марта 1941 года выдался хороший день, Илья до завтрака читал газеты на веранде. Радовало и утро, и предстоящая встреча с Роушан. Неожиданно Али доложил о приходе Югансона, и тот сразу же появился на веранде.

— Блаженствуешь? — спросил он, пожимая руку Илье. — А я, черт побери, попал в тяжелое положение.

— Что случилось?

— Ты понимаешь, через день иранский новый год. Я должен пойти в одну персидскую семью, а без подарка неудобно, и как назло, ни шая в кармане.

— Это дело поправимое, — улыбнулся Илья. — Сколько тебе?

— Ну хотя бы туманов триста.

Передавая Югансону деньги, Илья заметил:

— Хорошо еще, что дядя меня не забывает. Ну, рассказывай, что у тебя нового?

— Стало немного легче. Отвязались от меня с вербовками русских. Сейчас решили направлять в Россию агентов отсюда. На днях неплохое дело получилось. Русский пограничник случайно попал на иранскую территорию, его, разумеется, задержали. Один из иранских пограничников, мой друг, сообщил об этом мне. Я сразу сообразил, что делать. Зачем мне этот советский солдат, в лучшем случае расскажет какую-нибудь мелочь, и я сделал по-другому. Под видом иранского пограничника подвел к задержанному своего агента, тот прикинулся сочувствующим большевикам, помог бежать русскому пограничнику и сам бежал с ним в Россию. Здорово, а?

— Неплохая комбинация, — заметил Илья.

— У меня подготовлено еще несколько человек для посылки на Кавказ. Сейчас их дрессируют здесь в специальной школе.

Илья насторожился. Интересно было выяснить, что это за школа, но Югансон не стал распространяться.

22 июня 1941 года, включив по обыкновению приемник, чтобы послушать Москву, Илья услышал, что Германия напала на Советский Союз. С замершим сердцем слушал он первые строки заявления Советского правительства:

“Сегодня, в 4 часа утра, без предъявления каких-либо претензий к Советскому Союзу, без объявления войны германские войска напали на нашу страну, атаковали наши границы во многих местах и подвергли бомбежке со своих самолетов наши города — Житомир, Киев, Севастополь, Каунас и некоторые другие, причем убито и ранено более двухсот человек. Налеты вражеских самолетов и артиллерийский обстрел были совершены также с румынской и финляндской территорий.

Это неслыханное нападение на нашу страну является беспрецедентным в истории цивилизованных народов вероломством. Нападение на нашу страну произведено, несмотря на то что между СССР и Германией заключен договор о ненападении и Советское правительство со всей добросовестностью выполняло все условия этого договора...”

Илья ясно представлял себе беду, в которую попала его Родина: разрушения, пожары, смерть ни в чем не повинных людей... А из приемника продолжали доноситься слова заявления:

“...Ложью и провокацией является вся сегодняшняя декларация Гитлера, пытающегося задним числом состряпать обвинительный материал насчет несоблюдения Советским Союзом советско-германского пакта...”

...Эта война навязана нам не германским народом, не германскими рабочими, крестьянами и интеллигенцией, страдания которых мы хорошо понимаем, а кликой кровавых фашистских правителей Германии, поработивших французов, чехов, поляков, сербов, Норвегию, Бельгию, Данию, Голландию, Грецию и другие народы.

Правительство Советского Союза выражает непоколебимую уверенность в том, что наши доблестные армия и флот и смелые соколы Советской авиации с честью выполнят долг перед Родиной, перед советским народом и нанесут сокрушительный удар агрессору...

Наше дело правое. Враг будет разбит. Победа будет за нами...”

Илье хотелось куда-то идти, немедленно взяться за дело, чем-то помочь тем, кто вел сейчас тяжелые бои, — близким, родным, братьям. Но что он мог сделать? Его охватила тоска. Никогда Илья так остро не чувствовал свое одиночество. Он пошел бродить по улицам. Ноги сами привели его к зданию советского посольства. Илья прошел мимо, заглядывая сквозь ажурные ворота в парк, окружающий здание посольства, но там никого не было. Он повернул к дому Сафари.

— Ты слышала, эти вандалы напали на Россию, — сказал Илья, оставшись наедине с Роушан.

Она все слышала, она разделяла ненависть Ильи к фашизму, но не знала, что делать.

— Аллах миловал хотя бы нас. Хорошо, что твое отечество и моя родина пока в стороне.

— Немцы могут напасть и на нас и на вас. Началась мировая война, в которой может и не быть нейтральных стран. Миллионы погибших, миллионы несчастных. В России уже пылают города и села, гибнет мирное население.

Роушан подошла к креслу, на котором сидел Илья, села на подлокотник и обняла его.

— Не волнуйся. Не принимай так близко к сердцу чужое горе, милый. Ты расстроен так, словно немцы напали на твою родину.

— Роушан, ты же знаешь, как я ненавижу наци!

— Успокойся, мы не можем ничего изменить. Давай поговорим лучше о том, как быть нам, как соединить наши жизни, чтобы не покидать друг друга никогда.

Илья отвечал что-то, явно невпопад. Он понял, что лучше ему побыть одному, и, сославшись на дела, ушел.

Но побыть одному ему не удалось. Дома его подждал Югансон.

— Колоссально, а? Фюрер положит к нашим ногам весь мир, — прошептал Югансон. — Наши продвинулись в глубь России более чем на пятьдесят километров. Ты представляешь, какая быстро.

— Мир еще не знал такого полководца, как фюрер, — тихо ответил Илья.

Вошел Али, молча взглянул на хозяина.

— Пообедаем, Эрих?

— Нет, я не хочу, еще рано, — торопливо ответил Югансон. Ему было не до обеда, хотелось поговорить о надвигающихся событиях, и он знаками из-за спины Али давал понять Илье, чтобы тот послал его куда-нибудь.

Но Илья сделал вид, что не понял.

— Мы будем обедать попозже, — сказал он Али.

Тот не уходил, хотел, видимо, что-то сказать. Наконец, бесцельно переставив стул, спросил:

— Господа, наверно, слышали, что между Германией и Россией началась война. Но коснется ли это нас?

— Нет, Али, Иран нейтральная страна, — ответил Илья и длинно стал объяснять, что такое нейтралитет.

Югансон не выдержал и перебил Илью:

— Я хотел бы сказать тебе кое-что.

Раздался звонок, Али поспешил открыть дверь.

— Черт побери, не дают поговорить, — проворчал Югансон.

— Али только что ходил по делам и посылать его снова — можно возбудить подозрение, — прошептал Илья. — Говорить же, когда он дома, ты сам понимаешь, неудобно.

Али ввел Захеда. Товаровед принес документы на просмотр.

Югансон встал и, что-то буркнув, ушел.

Илья облегченно вздохнул. Говорить сейчас с Югансоном ему было тяжело.

VII

В начале августа 1941 года в германском посольстве в Тегеране обосновался важный гость, прибывший из Берлина. Это был адмирал Канарис. Приехал он в Иран под видом представителя малоизвестной немецкой фирмы.

Расхаживая по кабинету, он обсуждал со своим резидентом в Тегеране подполковником Миллером обстановку.

— Нам очень важно сейчас усилить свое влияние в Иране и укрепиться на стратегически важных подступах к большевистскому Закавказью, к Ираку и Индии, — говорил Канарис.

Миллер, невысокий, щуплый, с большой головой, весь утонул в огромном пухлом кресле и беспокойно копошился, пытаясь встать и слушать шефа стоя, но Канарис каждый раз с недовольной миной махал рукой, и Миллер снова погружался в кресло.

— На днях наш посол предложит иранцам заключить договор о военном союзе и позондирует почву, можем ли мы получить в свое распоряжение аэродромы. Вы понимаете, что это будет значить, если мы получим возможность бомбить русские города с южной стороны?

— Конечно, герр адмирал.

— Основания пойти на военный союз с нами у иранцев есть. Полученная ими русская нота с требованием прекратить на иранской территории враждебную русским деятельность, которой руководим мы, как вы знаете, встревожила правительство. Наш посол фон Эттель считает, что иранцы боятся решительных шагов со стороны русских. Воспользовавшись правом, которое дает договор между Ираном и Россией, заключенный в 1921 году, русские могут оккупировать Иран под предлогом прекращения здесь враждебной им деятельности.

— Вряд ли русские, герр адмирал, сейчас в состоянии это сделать. У них много хлопот на фронтах, — осмелился вставить свое замечание Миллер. Он знал, что Канарис придерживается такой же точки зрения:

— Я тоже думаю, что им не до этого. Но тревогу иранцев надо усугубить. Они тогда скорее примут наше предложение о военном союзе.

— Но иранцы, как обычно, будут тянуть с решением, — заметил Миллер.

— Тогда организуем, как наметили, военный переворот, приведем к власти нужных нам людей, которые будут более сговорчивыми. Кстати, как у вас с кандидатурами в состав нового правительства?

— Завтра доложу вам, экселенц.

На следующий день адмиралу не удалось выслушать предложения Миллера. Канарис был занят с послом, который имел беседу с иранскими руководителями.

Только через несколько дней расстроенный адмирал поздно ночью встретился с Миллером.

— Иранцы боятся такой открытой акции, как военный союз с нами. Надо готовить переворот. Давайте ваши предложения, — сказал он Миллеру.

— Генерал Махди, — начал называть Миллер кандидатов в состав нового иранского правительства, которое предполагалось привести к власти в результате переворота. — Политически он симпатизирует национал-социализму, поддерживает дружеские отношения с нами уже много лет. Считает величайшей опасностью для Ирана соседство с большевистской Россией, откуда широко проникают в Иран бунтарские настроения. Странник заключения военного союза с Германией, верит в нашу победу и рассчитывает на присоединение части советского Закавказья к Ирану.

— Вполне подойдет. Дальше?

— Доктор Самии, враг англичан, которые ущемили его интересы на юге, где он имел нефтеносные земли.

— Да, но насколько мне известно, он не разделяет наших убеждений и не относится к ним даже сочувственно.

— Экселенц, доктор Самии очень влиятелен в стране. Он поведет за собой больше людей, чем все остальные, которых мы наметили. За ним пойдет генералитет. Он слывет неподкупным патриотом, непримиримым врагом англичан. Для борьбы с ними он готов объединиться с кем угодно. Мы это использовали и установили с ним контакт.

— Хорошо. Оставим пока его в списке. Как здесь душно, — сказал Канарис и подошел к окну, но из него тянуло таким жаром, словно горел соседний дом. Удивленный, адмирал поспешил закрыть окно.

Наконец состав правительства был намечен, установлен срок переворота. Договорились использовать для осуществления переворота вместе с профашистски настроенными офицерами иранской армии специальные подразделения, созданные из немцев, проживающих в Тегеране.

Начать переворот было решено 28 августа 1941 года.

— Теперь надо подумать о мероприятиях на случай, если русские не ограничатся только нотами, а против наших ожиданий вторгнутся в Иран. Мы не должны исключать самых неожиданных шагов с их стороны, — сказал Канарис.

— Вы совершенно правы, экселенц. Руководствуясь именно этим, мы уже кое-что сделали для подготовки взрывов мостов и тоннелей на дорогах, по которым, возможно, будут продвигаться русские. Вывод из строя основных сооружений надолго задержит войска большевиков: тем временем подоспеет наша помощь новому правительству.

— А конкретнее?

Миллер разложил перед адмиралом карту, испещренную крестиками и кружочками.

— Как вам известно, от сухопутных и морских границ Ирана с Россией к Тегерану ведут три основных пути. Один со стороны Иранского Азербайджана: железная дорога и шоссе через города Миане, Зенджан. И два пути с побережья Каспийского моря: шоссейная дорога Пехлеви-Тегеран и железнодорожная ветка и шоссе Бендершах-Тегеран. Все эти дороги идут через горные перевалы. И если взорвать хотя бы часть многочисленных тоннелей и мостов, путь с севера к Тегерану надолго будет отрезан. — Миллер водил карандашом по карте. — В первую очередь мы взорвем Менджильский мост и Фирузкухский тоннель на перевалах через Эльбурс, а также мост между городами Миане и Зенджан. Будут подняты в воздух и другие второстепенные объекты.

— Кому поручена подготовка операции?

— Майору Эриху Югансону. Помогает ему Киреев Максим Иванович, русский эмигрант, специалист по взрывному делу.

— Почему поручили русскому? — поморщился Канарис.

— Экселенц, вы же знаете, каждое появление иностранца на севере Ирана, где надо вести основные работы, вызывает немедленную ответную реакцию со стороны большевиков. К сожалению, они прекрасно осведомлены обо всем, что там делается. Иранцы неоднократно просили нас избегать поездок на север страны. Киреев живет здесь больше сорока лет, он вполне может сойти за местного жителя. К тому же он преданный нам человек, много раз проверенный. Правда, не совсем хороший организатор...

— Югансон, как вы знаете, беспечен и нерадив, а этот русский плохой организатор. Что же получается? Давайте включим в операцию капитана Вальтера Шульца, — немного подумав, предложил Канарис. — Он живет здесь по паспорту швейцарского гражданина Самуэля Зульцера и имеет торговые дела на севере Ирана. Периодическое появление его там не вызовет подозрений.

— Я плохо знаю Шульца. Он связан непосредственно с Берлином и с нами здесь не общается. Мы только передали ему рацию, которую вы прислали из Берлина дипломатическим багажом, да помогаем переписываться с дядей.

— Шульц — молодой разведчик, но волевой и сообразительный человек. Это племянник Ганса Шульца, помните такого?

— Да, сподвижник фюрера по Мюнхену.

— Сейчас Ганс Шульц уже стар и ушел на покой, но, говорят, фюрер вспоминает о нем, — улыбнулся Канарис. — Вальтер Шульц востоковед по образованию, хорошо владеет персидским языком, знает страну. Я думаю, новое задание не помешает его основным делам. Имея швейцарский паспорт, он может остаться здесь, когда нам придется выехать из Ирана, и продолжать диверсионные акты вместе с Югансоном.

— Удачная кандидатура, экселенц.

— Давайте поговорим с ним. Приглашать его сюда неудобно. Организуйте встречу на конспиративной квартире.

На одной из тихих улиц Тегерана — куче Низами среди густого сада белел особняк из камня. Дом принадлежал иранскому сановнику Базергяни. Сам Базергяни не жил в нем. Днем дом казался совершенно необитаемым, но стоило наступить вечерней темноте, как в нескольких окнах за почти непроницаемыми портьерами вспыхивал и горел до поздней ночи свет. Ходили слухи, что Базергяни встречается здесь со своими любовницами, и любопытные соседи много раз пытались хоть мельком взглянуть на красавиц, посещающих сановника, но, увы, из этого ничего не получалось. Все гости появлялись в автомобилях. Машины въезжали в сад, и из-за густой зелени с улицы ничего нельзя было разобрать. На несколько минут зажигался свет в вестибюле, а затем, видимо, после того как гости добирались до комнат с занавешенными окнами, свет гас.

В этот вечер в гостиной особняка адмирал Канарис в присутствии Миллера беседовал с Ильей. Илья сидел в непринужденной позе у стола напротив Миллера, а Канарис ходил по комнате. “Ишь как держится свободно в присутствии адмирала. Что значит дядя с положением”, — подумал Миллер, разглядывая Шульца.

Канарис в это время говорил:

— Есть серьезные основания полагать, что в ближайшее время русские войска вторгнутся в Иран. Перед нами поставлена задача — помешать им. Конкретно — в нужный момент надо вывести из строя железнодорожные пути и шоссейные дороги. Это облегчит оборону иранцам и даст возможность поспеть нашей помощи. Вы знаете, что профиль пути местных шоссейных и железных дорог сложен...

Дойдя до стены и повернув обратно, Канарис обратил внимание на то, как внимательно и заинтересованно слушает его молодой офицер. Адмирал невольно замолчал и, взглянув в умные, с хитринкой глаза Ильи, подумал о том, что еще несколько таких офицеров, как этот, были бы неплохим подспорьем Миллеру, перед которым поставлена очень серьезная и трудная задача.

Спohватившись, Канарис стал припоминать, на чем остановился.

Почувствовав это, Миллер услужливо подсказал:

— Одна трансиранская железная дорога, пересекающая страну, имеет более двухсот тоннелей и несколько тысяч мостов.

— Да, да, если вывести из строя хотя бы одну пятую часть этих сооружений, мы надолго затормозим осуществление планов противника, — продолжал Канарис. — У нас уже есть необходимое количество взрывчатки, есть люди. Занимаются подготовкой операции известные вам майор Югансон и инженер Киреев. Этот русский хорошо знает взрывное дело, но он плохой организатор. Никак не может привести все в такое состояние, чтобы по первому сигналу намеченные сооружения взлетели бы в воздух. Мы хотим поручить вам помочь Югансону навести в этом деле порядок, используя, конечно, Киреева как специалиста.

— Экселенц, я приложу все силы, чтобы оправдать оказанное мне доверие.

Адмирал опять внимательно посмотрел на Илью. Он определенно ему нравился. Канарис вспомнил, что и во время встреч в Берлине он обратил внимание на то, что капитан выгодно отличался от своих сверстников в абвере, дубоватых солдафонов, эрудицией, энергией и тактом.

— Познакомьтесь с Киреевым, он предупрежден, и не медлите ни одного дня. Только не называйте себя Кирееву. Ваше швейцарское гражданство надо оберегать, оно еще пригодится не раз. Кирееву сказали о вас как о Мартине Бабах, немецком коммерсанте. Вряд ли он сталкивался с вами где-нибудь.

— Я его не знаю, экселенц.

— Через некоторое время проинформируйте подполковника Миллера о ходе подготовки операции. Вы должны работать в полном контакте. Подполковник выполняет первую часть общей задачи. Он должен привести к власти в Иране людей, которые организуют отпор большевикам с нашей помощью. Ваша с Югансоном работа будет содействовать этому.

На следующий день Илья отправился к Кирееву.

— Герр Бабах, рад с вами познакомиться. Заходите, пожалуйста, — встретил его Киреев. — Раздевайтесь, милости прошу, слуг я всех отпустил. Полагаться на местных людей опасно. Разболтают, кто приходил, да еще подслушают, о чем говорили.

Киреев был сухопар, жилист, с редкими рыжеватыми волосами, старательно зачесанными набок.

Илья вошел в комнату. Сразу бросалось в глаза желание хозяина сохранить в убранстве что-то русское. Получилась же разнородная смесь. Тульский самовар блестел на персидском инкрустированном столике. На стенах картины с минаретами чередовались с пейзажами с березовыми рощами и заснеженными избушками. В буфете рядом с чайными чашками, орнаментированными жар-птицей, стояли миниатюрные персидские стаканы.

Чем-то старым, допотопным повеяло от самовара, от покосившихся избушек и жар-птицы. Да и сам Киреев был похож на подобострастного царского чиновника лет пятидесяти. Костюм его был засален и болтался на тощих плечах, как на вешалке.

Сев на диван, покрытый кашкайским ковром, Илья спросил:

— О цели моего визита вы предупреждены?

— Да, глубокоуважаемый герр Миллер говорил мне о вас. Не угодно ли чайку?

Киреев засуетился. В комнате, прибранной, видимо, специально к приходу гостя, он за несколько минут учинил полнейший беспорядок. Распахнул все дверцы буфета, расставил где попало лишнюю посуду, сдвинул с места стулья, хотя они и не мешали ему.

Готовя чай, Киреев длинно и нудно рассказывал о своей последней встрече с Миллером, всячески стараясь показать расположение Миллера к нему.

Илья подумал о том, что Киреев не только не собран, многословен, но, видимо, не особенно умен.

— Вы давно из России? — спросил Илья. Ему надо было разобраться в этом человеке получше.

— Почти тридцать лет. Приехал сюда в 1914 году на строительство шоссежных дорог, но так и остался. Я окончил Петроградский имени его императорского величества Александра Первого институт по специальности инженера-путейца. Мой дядя по матери Савва Ксенофонович Синицын, ныне покойный, работал в то время здесь в русском учетно-судном банке. Как раз началась война с Германией, и отец, чтобы я не попал в армию, устроил меня сюда на дорожное строительство, которое вели русские инженеры. Ох, и тяжело мне было, глубокоуважаемый герр Бабах. Все рвался домой, но отец запрещал. Началась революция. Отца большевики расстреляли. Он служил в охранном отделении. — Киреев указал рукой на висевший на стене портрет царского офицера в парадном мундире. — Мать умерла с горя, сестра пропала без вести, — продолжал Киреев, — не осталось у меня близких. Возвращаться в Россию было незачем, да и опасно. Стал работать здесь по ведомству путей сообщения. Главным образом по шоссежным дорогам, получил хорошую практику по взрывному делу.

— Вы давно знакомы с герром Миллером?

— С первых же дней его приезда в Тегеран, а до этого имел счастье быть знакомым с герром Лейхтом, предшественником герра Миллера. Тоже милейший господин. Я ему помог разобраться в колонии русских эмигрантов в Тегеране. — На этот раз Киреев изменил своему многословию и замолчал.

— Чем именно помогли? — спросил Илья. Интересно было выяснить, как использовали немцы русских эмигрантов.

— Разные русские люди живут здесь. Есть приличные, которые ненавидят большевиков, есть сочувствующие им и есть люди, не интересующиеся политикой. Приходилось помогать герру Лейхту подбирать среди них подходящих, — Киреев перешел на шепот, — для секретной посылки в Россию. Много

пришлось потрудиться и для герра Миллера. Вот стареть стал, — опять отошел Киреев от интересной для Ильи темы. — Кончится война — поеду умирать в Россию.

— А не случилось вам печалиться нашими победами, ведь вы все же русский? — спросил Илья.

Киреев взглянул на него укоризненно и сказал:

— Напрасно сомневаетесь, герр Бабах. Во мне нет никакой жалости. Пусть русский народ примет свой крест, но зато избавится от большевиков. Они — мои заклятые враги, лишили меня родины, семьи.

— Давайте перейдем к делу, — сказал Илья, взглянув на часы. — Как у вас обстоит с подготовкой операции?

— Исполнители подобраны, — стал рассказывать Киреев, справившись наконец с приготовлением чая. — Объекты между ними распределены. Остается только проинструктировать тех, кто будет закладывать и поджигать взрывчатку. Пока она хранится в надежном месте.

Киреев поставил перед Ильей чашку чаю и подвинул тарелку с печеньем.

— А можно верить подобранным людям?

— Это истинные друзья Германии, которые мечтают о том времени, когда Иран будет под покровительством фюрера. Я подбирал их из иранской охраны мостов, тоннелей, из числа железнодорожников, проживающих в непосредственной близости от намеченных объектов. Среди этой категории людей у меня обширные знакомства.

— Когда можно увидеть кого-нибудь из непосредственных исполнителей и осмотреть объекты?

— Вот вам перечень намеченных к взрыву мостов и тоннелей и список привлеченных людей. — Киреев достал из кармана несколько листков бумаги. — Выбирайте сами. Придется, видимо, поехать на место в Гилян — это провинция на Каспийском побережье, там сейчас как раз находится руководитель одной из групп местный помещик господин Дохуда. Он учился в Германии, инженер по образованию, служил когда-то со мной, сейчас не работает. Дохуда приглашал принять участие в охоте на уток. Это будет хорошей маскировкой.

— Ну что ж, пожалуй, съездить можно, — подумав, согласился Илья. — Только вы мне, пожалуйста, снимите копию с перечня и списка.

— Пожалуйста, возьмите, — передал ему Киреев. — У меня есть вторые экземпляры.

Договорились о дне выезда, Илья ушел.

VIII

Приближался рассвет. Через лесок, обильно смоченный прошедшим дождем, поеживаясь от капель, падавших с веток за воротник, пробиралась группа охотников: Дохуда и его гости — Югансон, Илья и Киреев. Слуги освещали путь фонарями.

— Черт побери! Рановато пришлось вставать, — пробасил Югансон, зевая.

Никто ему не ответил.

Группа выбралась из леса к озеру. У берега стояли две лодки. На носу одной из них на железной подставке горел костер. Во второй висел на шесте медный поднос. В обеих лодках сидели охотники из местных крестьян. Югансон, Илья и Киреев прыгнули, но усадить хозяина оказалось не так просто. Стоило громоздкому и неповоротливому Дохуде наступить на край лодки, как борт погружался в воду. Проклиная все на свете, Дохуда отскакивал назад и уговаривал гостей ехать без него.

— Нет, черт побери, без вас не поедем, — настаивал Югансон.

Наконец из лодки выскочил охотник и перенес Дохуду на руках.

Озеро было застлано предрассветной дымкой. Лодки двинулись к камышовым зарослям, лодка с костром — впереди. Кругом царил мертвая тишина. Еле слышалось поскрипывание уключин. Но как только лодки нырнули в заросли, один из охотников стал бить по медному подносу куском автомобильной шины. Камыши наполнились глухим гудом, который спугнул спящих уток.

Встревоженные птицы поднимались и летели на огонь, кружась вокруг костра, горевшего на носу лодки, как мотыльки у фонаря. В это время охотник, стоявший у костра, ловил их сачком. Закладывал пойманной утке одно крыло за другое и, кинув на дно лодки, принимался ловить следующую. Скоро лодка с костром была полна утками. Гребцы повернули к берегу. Гости удивленно глядели на необычную охоту и расспрашивали, больше всех басил Югансон. Помещик был доволен, что охота произвела на гостей впечатление.

— Когда я учился в Петрограде, во время каникул отец взял меня с собой на охоту. Ехали большой компанией. Среди нас была очень важная персона, и поэтому нам разрешили охотиться в угодые великого князя Николая Николаевича... — начал было вспоминать Киреев, но Югансон перебил его:

— Такой охотой, как сегодня, можно хорошо заработать. — Он рассматривал убитых уток, смеялся, шутил и так и не дал Кирееву закончить рассказ.

Уже приближаясь к дому, Киреев спросил Дохуду, подготовил ли он людей. Дохуда обещал представить двоих после завтрака.

— Это бывалые люди, один из них тот, что ловил уток сачком. На лету могут комара подковать, как говорят у нас, — улыбнулся Дохуда.

Через два часа серый “оппель” поднимался по узкому шоссе, опоясавшему несколько раз высокую гору, покрытую редким кустарником. Справа под облака уходили крутые склоны. Слева скалы обрывались в глубокое ущелье. На дне его шумела быстрая река, тащившая по течению массу мелких камней.

“Оппелем” правил Киреев, Илья сидел рядом, а Югансон — на заднем сиденье. Неимоверно коверкая персидские слова, он инструктировал двух исполнителей по осуществлению диверсии на этом участке. Звали их Курбан и Реза.

Лицо у Курбана было длинное, плоское и неподвижное. Тонкий продолговатый нос, узкая полоска бесцветных губ, торчащие в стороны скулы. Илья сразу узнал в нем охотника, так мастерски ловившего уток. Реза, лицо которого наискось пересекал багровый шрам, с выпуклыми, налитыми кровью глазами, производил еще более неприятное впечатление, чем Курбан. Оба загорелые дочерна, в пыльных обтрепанных костюмах.

Закончив инструктировать их, Югансон сказал Илье по-немецки:

— На вид прямо кровожадные пираты из романа Стивенсона.

— Если кто-то заплатит им больше, чем мы, и прикажет прирезать нас, они немедленно это сделают, — откликнулся Илья.

— Ты прав, черт побери. Надо разобраться в них получше, — и Югансон спросил Резу: — Какая у вас специальность?

— Я и Курбан работали прежде на дорогах. Вот агаи Киреев знает. Потом надоело целый день глотать пыль.

— Чем же вы занимаетесь теперь?

— Перевозим кое-какие товары за границу и оттуда доставляем ходовые вещи, — ответил Реза. Курбан молчал, словно этот разговор его не касался.

— Значит, занимаетесь контрабандой? — уточнил Югансон.

— Зачем такое нехорошее слово? Мы с Курбаном просто торгуем.

— С какой страной вы поддерживаете торговые отношения? — расхохотался Югансон.

Реза вопросительно смотрел на Югансона, ожидая разъяснений.

— В Россию возите свои товары? — спросил Югансон.

— Нет, в Турцию. В Россию — трудно.

— Что, попадались там пограничникам? — продолжал допытываться Югансон.

— Нет, арбаб, аллах миловал. Вот только получил там пулю в ногу, — Реза, дотронувшись до ноги, скорчил такую гримасу, словно у него неожиданно заныла старая рана.

В это время машина остановилась. Казалось, асфальтовая полоса шоссе уперлась в гору и ехать дальше некуда. Зияло темное отверстие входа в тоннель, выложенное каменными плитами. Охраны около него не было. Тоннель не освещался.

Илья спросил Киреева:

— Ну что, займемся делом?

Киреев достал из машины несколько ручных электрических фонарей и подал их Югансону, Илье и контрабандистам.

В тоннеле Киреев показал Резе и Курбану места, в которые надо заложить взрывчатку, и объяснил, как это сделать.

Тоннель тянулся почти на километр.

Илья мысленно представил, что получится, если в результате взрыва произойдет обвал тоннеля. Дорога надолго выйдет из строя, и, чтобы восстановить движение, придется заново строить тоннель на этом участке.

Когда все уселись в машину, Киреев спросил Резу и Курбана:

— Все понятно?

— С помощью аллаха будем стараться не допустить оплошности, но кто знает, и знаменитый силач падает на землю, поскользнувшись на корке дыни, — уклончиво ответил Реза.

— Что он болтает? — недовольно пробасил Югансон.

— Не обращайтесь внимания на их поговорки. Вы же знаете, иранец никогда не ответит прямо и четко, — заметил Киреев. — Они, конечно, сделают все, как надо.

В Тегеран из поездки Илья возвращался один: Югансон уехал днем раньше, а Киреев остался, чтобы еще раз проинструктировать своих людей.

Мысли Илья были заняты тем, что ему пришлось увидеть... Если взорвать несколько тоннелей на трассе, проложенной через хребет, идущий от северных границ Ирана в глубь страны, то дороги окажутся перерезанными не на один месяц... Переправить военные грузы через высокие и крутые горы — почти безнадежное дело.

Илья вел машину через перевал. Шоссе асфальтовой лентой вилось по краю обрыва. Отвесно уходящие вверх склоны сплошь были покрыты кустарником. Дальше растительность стала редеть, и чем ниже машина

спускалась в долину, тем чаще попадались голые скалы. Еще несколько поворотов, и показалась густая оливковая роща; на ее опушке стояла чайхана.

Илья вспомнил, что у него кончились сигареты, и затормозил у огромного самовара, дымившегося у самого шоссе, словно выставленного для рекламы. Посетителей в чайной было мало. Над столами тучами носились мухи. Было душно от табачного дыма и едкого кухонного чада. Илья купил пачку сигарет и вышел на шоссе.

Когда он открывал дверцу машины, кто-то схватил его за руку. Илья оглянулся. Рядом стоял высокий худощавый блондин в поношенном костюме и дырявых сапогах.

— Илья? Ну конечно, это ты, я сразу узнал тебя, — сказал по-русски мужчина, нагло улыбаясь.

Илья вздрогнул: перед ним был Курт Гутман, тот самый, которого он знал по колонии Еленендорф; да, это был тот нахальный, вороватый парень, работавший на винном складе в Гандже. Илья на мгновение растерялся, но это продолжалось только мгновение. Он заставил себя улыбнуться.

— Это ты, Курт? Откуда? Какими судьбами?

— Долго рассказывать, — вздохнул Гутман. — Вот маюсь на чужбине, как бездомный пес. Третий день не могу добраться до Тегерана.

— Я еду как раз в Тегеран, садись, — уже спокойно произнес Илья. — По дороге расскажешь, что с тобой случилось. — Но Гутман посмотрел на него подозрительно.

— А ты, случайно, не в советском посольстве работаешь? — спросил он.

Подтвердить его догадку, и он отстанет? Нет, этого делать нельзя: он начнет рассказывать, что в посольстве работает его знакомый; разговоры дойдут до немцев, они могут этим заинтересоваться, и кто знает, что получится.

— Что ты, Курт. Какое там посольство? Я обхожу его стороной.

— Значит, и ты?.. — обрадовался Курт, но радость его быстро погасла. — Но ведь ты был активным комсомольцем, чекистом.

— Пришлось, Курт, спасаться. Ничего не поделаешь. Из Баку меня перевели в Воркуту...

— Да, я слышал, мне рассказывал Фридрих Шульц перед своим отъездом в Германию, — заметил Курт.

— Там, — продолжал Илья, — я по неопытности упустил важного преступника. Меня отдали под суд. Не хотелось садиться за решетку, и я без разрешения уехал в Баку, хотел там укрыться. Но, приехав на место, понял, что от них никуда не уйдешь. Тогда и пришло решение — бежать сюда. Перешел границу и послал письмо Фридриху в Германию. Он прислал мне денег, дядя у него богатый, вот я и устроился здесь.

— Да, вы были большими друзьями с Фридрихом, — Курт, видимо, поверил Илье.

— А где ты переходил границу? — спросил он, но в машину все же не сел.

— В районе Астары.

— И я там.

— А что у тебя стряслось? — спросил Илья.

— Ты же знаешь, я в Гандже на винном складе работал. Вдруг ревизия, обнаружили у меня крупную недостачу, и откуда она взялась, не пойму, брал-то я самую малость. Посадили, пять лет лес валил, вышел — жены нет, сошлась с другим. К родным кинулся, знаться не хотят, клейменный человек. А тут еще война началась. Ну, знаешь, я — немец, а война с Германией. Я и надумал махнуть сюда. Пошел пешком к границе. Ну, думаю, вы, товарищи, узнаете, кто такой Курт Гутман. Взял да возле какой-то станции и разобрал путь.

— Ну и что? — вырвалось у Ильи.

— Потом, уже здесь, в Иране, немцы, которые всеми перебежчиками отсюда интересуются, рассказали, что на той станции пассажирский поезд с рельс слетел.

— И жертвы были?

— Я думаю, не без этого, — усмехнулся Гутман.

— А что же те немцы, которые приняли тебя здесь? — спросил Илья.

— Все как будто стало складываться хорошо, денег дали, в гостиницу устроили. Потом уговаривать стали, чтобы я снова в Россию вернулся, задания, значит, выполнять. Ну, я не такой простак. Чего ради рисковать? Отказался, они перестали платить мне. Вот и бедствую с тех пор.

— Хорошо, что мы встретились. Я помогу тебе, — сказал Илья.

— Услуга за услугу, а я буду молчать, что ты бывший чекист, — пообещал Гутман.

Илья понял, что Гутман будет его шантажировать. Может даже выдать. Все достигнутое ставилось под угрозу провала из-за того, что он случайно встретил проходимца. Надо было что-то предпринимать. Уговорить Курта сесть в машину, а в пути принять решение?

— Садись, довезу до Тегерана, помогу там устроиться, — предложил еще раз Илья.

— Лучше дай денег, я доберусь сам, а там разыщу тебя, — ответил Гутман.

Илья полез в карман, вынул банкнот в сто туманов и протянул его Гутману.

— Возьми пока.

Глаза Курта радостно блеснули. Это была довольно крупная сумма, которой хватит оплатить проезд в Тегеран и первое время на жизнь там.

Илья подумал о том, что раз Гутман не решается ехать с ним, то надо уезжать, пока он не стал расспрашивать об адресе и под какой фамилией Илья живет в Тегеране, но увидеться с Гутманом все же надо, чтобы попытаться как-то обезвредить его.

— Давай через неделю, в следующую пятницу, встретимся в Тегеране у памятника Саади. Часов в семь вечера, а сейчас я тороплюсь.

Илья сел за руль, включил скорость, машина рывком сорвалась с места и понеслась по шоссе.

Тяжело было на душе у Ильи. Страшная угроза нависла над ним. Гутман может побояться прийти на встречу в Тегеране так же, как струсил сесть в машину. Он просто выдаст его. Правда, Гутман не знает, под какой фамилией Илья живет в Тегеране, но он может рассказать немцам о Фридрихе Шульце, и этого достаточно, чтобы навести их на след. Опасность была велика. Единственная надежда, что алчность Курта пересилит страх и он пойдет на шантаж Ильи. Хорошо, что дал ему сразу крупную сумму денег, подумал Илья.

Уже темнело, когда Илья въехал в Тегеран. В центре города было безлюдно: жизнь в столице замирала рано.

Поставив машину в гараж, Илья вошел в дом. Али засуетился, загремел посудой, готовя ужин. Когда Илья умылся и переоделся, Али, ставя перед ним вместе с едой бутылку вина, заметил:

— Арбаб очень устал, наверно, поездка была тяжелая. Пусть арбаб выпьет вина. Ржавчину горя с души снимает рубиновый хмель.

“О, он знает Хафиза”, — отметил про себя Илья я сказал:

— Иди, завтра пораньше принеси утренние газеты.

— Слушаюсь, арбаб, — слуга без стука притворил дверь.

Утром следующего дня Илья еще не успел позавтракать, как появился Югансон.

— Мне придется выехать на Каспийское побережье. Поручение Миллера, — прошептал он в самое ухо Ильи, опасливо поглядывая на дверь. — Поступили сведения, что в бакинском порту собирается много пароходов, даже с Волги стягивают суда. Миллер не особенно верит этим данным и считает, что если это и так, то скорее всего готовится эвакуация бакинских заводов. Подготовки вторжения в Иран он не допускает, однако поручил мне проверить. Ты уж займись Киреевым.

— Будь спокоен, Эрих. Все будет в порядке.

Торопливо попрощавшись, Югансон ушел.

IX

Андрей Дымов, радист теплохода “Комсомолец”, быстро шагал по набережной иранского порта Бендершах.

По пути сюда в радиии “Комсомольца” вышла из строя одна лампа, запасная оказалась непригодной. Пришлось обратиться в управление местного порта. В порту нашлись нужные лампы, и Дымов торопился на корабль, надо было срочно передать радиограммы.

— Что несешь? Контрабанду? — неожиданно прозвучал сиплый голос у самого уха моряка. Андрей остановился, путь ему преграждал ажан¹.

— Какая контрабанда? Я — советский моряк. Это радиолампы для корабля.

— Пойдем к начальнику, там выясним.

Андрей запротестовал, но полицейский настаивал. Из-за угла вышли еще два ажана; стала собираться толпа зевак.

— Я могу опоздать на теплоход, — и Андрей показал свой документ.

Но ажан твердил свое: идем к начальнику.

Пришлось пойти в полицию. Сначала Дымов был спокоен, поскольку считал, что в свертке нет ничего запретного, но чем дальше, тем сильнее нарастала тревога. Появилось подозрение, что здесь не ошибка полиции, а провокация. Какая-то тяжесть стала давить на сердце, и когда приблизились к зданию полиции, это незнакомое ощущение усилилось.

В дежурной комнате их встретил полицейский лейтенант.

— Вот моряк с контрабандой, — доложил ажан, который задержал Дымова.

— Нет у меня контрабанды.

Полицейский офицер вырвал сверток из рук Дымова и стал разворачивать. Между радиолампами оказался брусок опиума.

— А это что? — зло спросил офицер, подняв опиум высоко над головой.

Андрей растерялся. “Откуда взялась эта гадость? Не иначе как подсунил портовый чиновник, который заворачивал лампы. Он заодно с полицией”, — пронеслось в голове моряка. Страх овладевал им, сковывал мысли, и только сознание, что в этом порту стоит его корабль, поддерживало Дымова.

— Это провокация! — крикнул он. — Требую вызвать представителя теплохода!

— Молчи, ты пойман с поличным. Никаких представителей нам не надо. — И, обернувшись в сторону ажанов, офицер приказал: — Взять его в камеру.

— Опиум подложили. Никуда не пойду, пока не позовете нашего капитана.

Ажаны взяли моряка под руки, но он оттолкнул их и ринулся к выходу на улицу. Полицейские успели схватить его. Подбежал офицер.

¹ Полицейский.

— Выходит, мы подсунули опиум! — крикнул он и наотмашь ударил Андрея по лицу.

Дымов кинулся в его сторону. Хилому лейтенанту не поздоровилось бы, попади он в руки моряка, но на Андрея бросились сразу несколько ажанов, устоять против них он не смог. Они свалили его на пол и стали бить, а потом поволокли через двор и втолкнули в камеру. Андрей больно ушибся о каменный пол и чуть не потерял сознание. Мысль, что он может отстать от корабля, окатила его словно холодная волна, он вскочил и бросился к двери, но ажаны успели захлопнуть ее.

Андрей прислонился к стене. Боль валила с ног, пришлось прилечь на топчан.

Дымов лежал и думал: зачем полиции понадобилось подкладывать контрабанду? Хотели скомпрометировать советского моряка? Это казалось маловероятным. Скорее всего, история с опиумом — только предлог для задержания, а главная цель, видимо, в другом. Наверно, хотя бы получить от него какие-то сведения. Но какие? Дымов терялся в догадках. Ясно одно: надо выбираться из полиции, пока не поздно. Он встал, подошел к двери и забарабанил кулаками по крепким створкам. До его слуха донеслись протяжные гудки теплохода. Это звали его. Он обрушил на дверь новый град ударов, но за ней по-прежнему стояла тишина.

Прошло больше двух часов, как Дымов ушел с корабля. Теплоход, наверно, задержался из-за него; идут поиски, переговоры с иранскими властями; полиция, конечно, скрыла его арест от капитана теплохода, и теперь корабль скорее уйдет.

Андрей видел, что он не в состоянии ничего изменить. Он сел на топчан. Нахлынули мысли о доме, о близких, о друзьях. Казалось, что теряет все это навсегда. Госкливо и одиноко стало на душе.

Он вспомнил мать, которая настойчиво не советовала ему поступать на теплоход... Вспомнил покладистого и ласкового отца, страстного радиолобителя, сумевшего увлечь своим делом и сына. Близкие считали, что такой весельчак и непоседа, как Андрей, не сможет долго заниматься радио, которое требует большой усидчивости. Увлечение Андрея сказалось и на выборе профессии. Он окончил курсы и стал радистом.

Дымов со слезами на глазах вспоминал сейчас вечера, когда отец приходил из гаража, где он работал механиком, они вдвоем брались за усовершенствование самодельной рации, отец, сосредоточенно, нахмутив лицо, осторожно брал своими большими узловатыми пальцами какую-нибудь мелкую деталь...

От этих воспоминаний Андрея оторвали гудки теплохода, извещавшие об отходе.

“А не подумают ли его друзья и капитан, что он сбежал?” — Андрей пришел в ужас, вскочил, но тут же тяжело опустился на топчан. Руки повисли, голова поникла, он весь как-то съезжился.

Заскрипела дверная задвижка. Андрей обернулся. В камеру вошел старик. На его полном живом лице с длинным мясистым носом, будто ради забавы свернутым в сторону, расплылась добродушная улыбка. Тучный, обрюзгший, он долго не мог отдышаться.

— Здравствуйте, агаи Каземи! — радостно приветствовал его Дымов.

Старик был шипшандлером¹, и Андрей знал его по прежним посещениям Бендершаха. Он любил поговорить с Каземи. Старик много рассказывал об Иране, знал массу занятных историй.

В Бендершахе не было ни одного советского гражданина, и Андрей подумал, что капитан попросил Каземи продолжать розыск пропавшего матроса.

— Проклятая астма, — с трудом произнес Каземи. — Если бы аллах вернул мне лет двадцать...

Каземи давно перевалило за полвека. Редкие седые волосы, подкрашенные хной, отливали ржавчиной. Старик много лет жил в Баку. Работая там на нефтяных промыслах и незадолго до войны вернулся на родину. Хорошо говорил по-русски. Часто посещал советские корабли, охотно беседовал с моряками и всегда говорил, что пребывание в Советском Союзе вспоминает с удовольствием.

Пожимая руку Каземи, Андрей спросил:

— Как вы узнали, что я здесь?

Старик не ответил. Сел на табуретку, вынул большой носовой платок и тщательно вытер лицо.

Андрей с удивлением смотрел на шипшандлера. Наконец тот, тяжело дыша, с паузами заговорил:

— Я пришел к тебе с очень серьезным поручением, сынок... От того, как отнесешься к тому, что предложу, зависит твоя судьба.

Дымов не сводил с Каземи глаз. Это был уже не тот чудаковатый, всегда веселый старик.

— Ты задержан с контрабандой. Положение серьезное.

— Опиум мне подсунули.

— Этого не докажешь. Тебя могут осудить. Да и ваши не поглядят по головке.

— На корабле никогда не поверят, что я причастен к такому грязному делу.

— Сынок, сейчас идет война, и люди стали более подозрительными. Но безвыходных положений не бывает. У меня есть друзья среди немецких коммерсантов.

“Куда старик клонит?” — насторожился Андрей.

— До них дошли слухи, что в Баку собралось много пароходов из всех портов Каспия. Мои друзья подозревают, что подготавливается вступление Красной Армии в Иран. А для коммерсанта, сам понимаешь, важно проверить это, чтобы вовремя ликвидировать дела. Мои друзья узнали, что полиция задержала советского моряка, и попросили поговорить с тобой. Ты радист крупного судна и многое можешь знать...

¹ Посредник по снабжению кораблей продуктами питания, топливом.

Андрей все понял. Немцы с помощью полиции и Каземи хотят выудить у него нужные им сведения. Случилось самое страшное из того, что только он мог предположить: он попал в лапы гитлеровских разведчиков. Наивные попытки Каземи завуалировать это разговорами о “коммерсантах” не могли обмануть моряка.

— Соглашайся, сынок, расскажи, что знаешь.

— Зря ваши друзья рассчитывают на меня, — сказал Андрей. Он старался говорить спокойно.

— Они окажут взаимную услугу: избавят от неприятностей с полицией.

Андрей молчал.

— Что, боишься большевиков? Ты же слышишь по радио: на фронтах у русских дела плохи. Они проиграли войну.

Андрей продолжал угрюмо молчать.

— Тебя заставят рассказать, что происходит в бакинском порту, немцы в Иране всемогущи.

Старик считал Дымова недостаточно взрослым и думал, что с ним не придется долго возиться. Мальчишка будет подавлен случившимся, растеряется и выболтает все, что знает. Расчеты его не оправдались, поэтому Каземи решил закончить разговор и обдумать, как вести себя дальше.

— Поразмысли, я зайду утром, — проворчал он и вышел из камеры.

Была глубокая ночь, Андрей беспрестанно ворочался на топчане — то старался лечь так, чтобы телу было не слишком больно, то затыкал уши, чтобы не слышать вой голодных собак на улице... Но не это мешало заснуть — мучали сомнения: поверят ли ему, что он остался честен? Основания для подозрения есть: он сидел в иранской полиции, ему сделали предложение изменить Родине. Андрей не видел выхода. Неужели он лишится Родины? Не увидит больше близких? А что скажут о нем на теплоходе? Каково будет родителям? Он лежал и думал. Где же выход? Требовать вызова представителя советского посольства? Бесполезно, никого к нему не допустят. Бежать и самому добраться до посольства? Как он не подумал об этом раньше? Его камеру отделяет от дежурной комнаты большой пустынный участок, огороженный забором, по соседству других арестованных как будто нет, ночью полицейских на месте мало, это облегчит побег. Планы один фантастичнее другого зрели в голове. Андрей решил проверить, как его стерегут.

— Пить! — крикнул он.

Загремел замок. Вошел полицейский. В одной руке он держал глиняный кувшин с водой, в другой — огромный висячий замок. Андрей взглянул на оловянное лицо сонного сторожа. Молниеносно созрело решение.

Полицейский положил замок на табуретку рядом с Дымовым и протянул кувшин. Андрей рванулся вперед, обхватил правой рукой шею тюремщика и зажал как в капкане. Растерявшийся ажан хрипел и барахтался, не выпуская кувшина, будто боялся разбить его.

Андрей схватил замок, нанес ажану сильный удар по голове. Тот потерял сознание и повалился на пол. Моряк разорвал на полосы чехол матраца, связал полицейского, заткнул ему тряпкой рот, вышел и запер камеру снаружи.

Пройдя, темный коридор, Дымов вышел во двор. Моряку показалось, что он будто вынырнул после долгого пребывания под водой. Пригнувшись, он пробежал от дерева к дереву, часто останавливаясь и проверяя, не смотрит ли кто из дежурной комнаты. Добрался до ворот, они были на запоре, Андрей перелез через забор и пустился бежать.

Узкие извилистые улицы были безлюдны. Ему много раз приходилось бывать в городе в предыдущие рейсы, поэтому он без особого труда выбрался из лабиринта улочек на площадь. Отсюда обычно отходили автобусы и такси в Тегеран.

Здесь моряк спохватился: сохранились ли у него деньги? Он долго рылся в карманах, пока не нашел в кармане для часов сунутые туда впопыхах, после оплаты ламп, две иранские купюры. Видимо, полицейские не нашли их. Этих денег должно было хватить на оплату проезда до Тегерана. На площади стоял какой-то автомобиль. Андрей подошел. В машине спал шофер.

Через несколько минут машина понеслась в Тегеран.

Андрей был почти счастлив. Все так удачно сложилось. Тревожила только возможность погони, хотя он понимал, что скоро побег вряд ли обнаружат. Полицейский связан надежно и находится в запертой камере. Его найдут лишь тогда, когда он потребует или придет смена, а это произойдет скорее всего утром. К этому времени можно доехать до Тегерана.

Моряк прислонился к спинке сиденья и вытянул ноги. По телу разлился покой. Он только сейчас почувствовал, как устал за день, как хочется спать. Надо было обменяться хотя бы несколькими словами с водителем, чтобы не вызвать подозрения. Говорить о себе правду нельзя. Неизвестно, как отнесется к нему шофер, если узнает, что он бежал из полиции.

— Я очень тороплюсь по делам в Тегеран и прошу нигде не останавливаться, — сказал по-персидски Андрей.

Шофер не ответил и не проявил к Андрею никакого интереса. Видимо, недовольный такой спешкой, шофер угрюмо молчал. Андрей задремал. Несколько раз он открывал глаза, вокруг было темно, наконец он крепко заснул.

Когда Дымов проснулся, уже взошло солнце. Подъезжали к Тегерану. Миновали окраины. Моряк назвал шоферу улицу, на которой, как он знал, помещается посольство, и как только они подъехали к ней, вышел из такси. Пройдя немного, он увидел на противоположной стороне забор, а около ажурных чугунных ворот вывеску советского посольства.

Андрей не верил своему счастью. Он у цели, пришел конец его мучениям. Моряк заторопился, переходя улицу. Неожиданно его остановил вышедший из-за угла высокий иранец с удивительно маленькой головой на громоздком туловище, узком в плечах и расширяющемся книзу. “Это что за динозавр?” — подумал Андрей.

— Куда идешь? — буркнул иранец, останавливаясь перед Дымовым.

— Я — советский гражданин, мне нужно в посольство, — Андрей решительно шагнул, отстранив иранца.

— Убирайся отсюда! — проревел тот и уцепился за Дымова. Подошли еще два парня. Один из них низкий, шуплый, с нагловатым лицом. Он многозначительно перебрасывал из руки в руку свинцовый кастет.

Андрей осмотрелся. У забора посольства появились еще несколько подозрительных типов. Подъехал автомобиль с опущенными занавесками. Дымов оттолкнул иранца. Молодчики набросились на него, быстро втащили в какую-то калитку, а во дворе свалили на землю и стали связывать.

Андрей защищался, не давая опутать себя веревками. Изловчившись, он ударил одного локтем в живот. Это был парень с кастетом. Он вскрикнул и отполз в сторону. Остальные продолжали бороться. Тот, который остановил его, тяжело дыша, зло бормотал:

— Никуда не уйдешь. Мы тебя давно ждем.

Поднялся парень, которого Андрей ударил в живот.

Он нагнулся и стукнул Дымова кастетом по голове. Моряк почувствовал жгучую боль, мышцы ослабли, он потерял сознание. Последнее, что слышал, были слова главаря, похожего на динозавра:

— Иса, ты, кажется, убил его.

— Клянусь циновкой имама Али¹, неверная собака прикидывается дохлой мышью! — воскликнул Иса.

— Давай поднимем драчуна, — проворчал главарь.

— Чашм горбан², — ответил Иса, ощупывая, хорошо ли связан моряк. — Не беспокойся, Ашум, ничего с ним не случится.

Они подняли Дымова, вынесли на улицу и втокнули в подошедший автомобиль.

Из посольства ничего не видели, его здание было расположено в глубине сада. Не появлялись поблизости и прохожие.

Андрей еще чувствовал, как сажали его в машину, а потом в памяти наступил провал. Когда он пришел в себя, в машине было темно. Рядом сидели двое. По тряске Андрей понял, что город с асфальтированными улицами остался позади; ехали по проселочной дороге.

“Куда везут?” — подумал Андрей. Он сидел не двигаясь; от малейшего движения голова, казалось, разламывалась на части. Наконец автомобиль остановился. Иса и Ашум вынесли Андрея из машины и направились к дому, стоявшему за глухим забором в стороне от шоссе. За ними кто-то шел. Постучали висевшим на калитке молоточком в металлическую скобу. В ответ раздался собачий лай.

Встречавший указал, куда поместить Дымова.

Матроса внесли в темную с низким потолком комнатушку. В углу одиноко стоял топчан. Тусклая лампочка едва освещала этот чулан. Андрей обдумывал случившееся. Так удачно выбрался из застенка, и вдруг все рухнуло, он снова в руках врагов. Моряк не мог простить себе неосторожность. Сейчас ему приходило в голову много способов связаться с посольством без всяких осложнений. Стоило бы дождаться выхода на улицу кого-нибудь из сотрудников посольства, подойти к нему и рассказать о себе. Что делать? Как держать себя? Сосредоточиться он не мог: ныла рана на голове, от веревок немели руки и ноги.

В коридоре зазвякали, точно шпоры, плохо прикрепленные к каблукам подковки. В комнату вошли Ашум и Иса. Иса зло посмотрел на Дымова, видимо не мог забыть полученный удар. Новый костюм на нем был измят, словно Иса не доставлял себе труда снимать его, когда ложился спать.

— Как поживаешь, арбаб? — спросил Андрея Ашум и раскатисто захохотал. Ему показалось, что он остроумно пошутил, назвав Дымова хозяином.

За ними вошел мужчина в белом халате с саквояжем и остановился у дверей.

— Пожалуйста, доктор, — пригласил его Ашум.

Врач осмотрел Андрея, торопливо промыл рану, наложил повязку и тотчас ушел. Следом вышли Ашум и Иса.

Через несколько минут опять раздался цокот подковок. Ашум и Иса принесли еду, поставили на стол перед кроватью поднос и освободили Дымова от веревок.

¹ Мусульманский пророк.

² Да буду я твоей жертвой.

Рана болела, двинуть руками и ногами Андрей не мог, они словно одеревенели.

— Ешь, — сказал Ашум и, забрав веревки, ушел вместе с Исой.

Очень хотелось есть. Андрей покосился на поднос. Кусок зажаренной баранины, стакан чаю и свернутый, как салфетка, лаваш выглядели аппетитно, но моряк сдержал себя и не дотронулся до завтрака.

Приоткрылась дверь, в щели появилась голова Исы.

— Почему не ешь? — спросил он.

Андрей не ответил.

Иса ушел и вернулся с Ашумом.

— Голодовка?! — угрожающе закричал Ашум.

Андрей по-прежнему не произнес ни слова.

— Пусть не ест, посмотрим, — многозначительно сказал Ашум, и головорезы вышли.

В соседней комнате их ожидали Югансон и Каземи.

— Смотрите, чтобы моряк, черт побери, не сбежал, как в Бендершахе от этих остолопов. Стоило не заплатить им месяц—два, как они стали относиться к моим поручениям наплевательски, — сказал он Каземи.

— Нельзя ждать доблести от солдат, которым мало платишь и которых плохо кормишь, — заметил Каземи и осекся, поняв, что допустил бестактность.

Югансон свирепо посмотрел в его сторону. Появились Ашум и Иса. Они изогнулись в почтительном поклоне и стали у дверей.

— Как дела? — спросил Югансон.

— Не ест и молчит, — ележным голосом ответил Ашум.

Совсем недавно Ашум сидел в тюрьме за убийство. Ему угрожала виселица. Югансон, искавший помощника, по совету Каземи остановил выбор на Ашуме и через знакомых чиновников помог ему выбраться на свободу. Ашум согласился выполнять любые поручения и подобрал себе в подручные старого друга Ису, неуловимого тегеранского карманника.

— Пойду поговорю с ним сам, — сказал Югансон и направился в каморку, где лежал Дымов.

Моряк понимал, что его не оставят в покое, но ему казалось, что придет опять Каземи.

— Господин Дымов, я пришел поговорить с вами по душам, — сказал Югансон по-русски.

Андрей был готов ко всему. Даже мускулы у него напряглись, словно предстояла рукопашная схватка. Вряд ли кто узнал бы сейчас в нем того весельчака, заводилу, каким его привыкли видеть на теплоходе. Лицо Дымова посуровело, взгляд стал напряженно-гневен.

— Положение ваше сложное, и неизвестно, что может быть впереди, — продолжал Югансон. — Иранцы, если вас задержат, осудят за контрабанду, избежите этого, вас арестуют свои по возвращении на Родину. Идет война. Нет времени разбираться в причинах вашего исчезновения с парохода, а терпеть сомнительного человека русские не станут. Вас расстреляют.

Югансон помедлил, словно для того чтобы дать время уяснить все, что он сказал, а потом продолжал:

— *Donnerwetter*¹, вы между двух огней. И только мы можем спасти вас. Мы, немцы, не воюем против русских, мы боремся с большевиками.

Югансон опять сделал паузу, наблюдая, какое впечатление произвели его слова. Андрей лежал неподвижно, закрыв глаза.

— Мы уладим дело с иранской полицией, — вкрадчиво проговорил Югансон. Ему показалось, что моряк подавлен. Еще немного, и он расскажет о том, что делается в Баку.

Немец уже предвкушал свой успех при докладе шефам. Он внесет ясность в вопрос, который тревожил их: что готовится в Баку — эвакуация заводов или вторжение в Иран?

— Но для того чтобы избежать суда за контрабанду, — продолжал он говорить Дымову, — вы должны подписать вот это заявление на имя иранских властей. — Под влиянием все возрастающей уверенности в том, что ему удалось сломить моряка, Югансон улыбнулся. Он вынул из кармана лист бумаги, помахал им, как платочком, и положил обратно. — В заявлении просьба снять с вас обвинение и дать политическое убежище. Война скоро кончится. На днях возьмем Москву. Захотите — вернетесь домой, там уже не будет большевиков.

Моряк открыл глаза, приподнялся на кровати.

— Чем я должен расплатиться за это?

— О, совсем ерунда! Перечислить суда, стянутые в Баку из других портов, и сказать, для чего это делается.

— Этого вы от меня не дождетесь.

Ответ был неожидан для Югансона. Хорошее настроение его моментально улетучилось.

— Советую подумать как следует, прежде чем отказываться, — бросил он, глаза его недобро заблестели.

— Лучше быть расстрелянным по ошибке, чем стать предателем, — и Дымов повернулся спиной.

Сильно толкнув ногой дверь, Югансон вышел. Появился Ашум.

— Последний раз спрашиваю: будешь говорить, собака? — крикнул он, останавливаясь возле Андрея.

Вошел Иса и тоже встал рядом. Дымов молчал, словно не слышал их.

— Иса, начинай, — приказал Ашум.

“Что они собираются делать?” — подумал Андрей, и слабость разлилась по всему телу.

¹ Черт побери (нем.).

Иса и Ашум связали Дымова, оголили ему спину.

Иса вынул из-под рукава жгут из бычьих жил, ударил, подождал, потом снова ударил. Удары сыпались один за другим. Дымов стиснул зубы. Ашум с ненавистью смотрел на моряка. Упорный. Из такого, пожалуй, ничего не вытянешь. Плакали денежки, обещанные Югансоном. Он махнул Исе рукой: погоди. Склонился над Дымовым.

— Ну как, довольно? Будешь говорить?

Собравшись с силами, Андрей повернулся в его сторону и плюнул в лицо. Ашум отскочил, выхватил жгут из рук Исы и стал бить Дымова куда попало — по спине, по плечам, по голове, ударил по ране, которую нанес кастетом Иса. Дымов выгнулся всем телом и, теряя сознание, распластался на топчане. Ашум бросил плеть, кивнул Исе:

— Приведи его в чувство.

Иса брызгал водой на лицо Дымова, рассуждал вслух:

— Осел. Чего упрямится? Не хочет порывать с родиной? С деньгами везде будет родина.

Вскоре в камере появился Каземи:

— Ты напрасно нагрубил немцу.

Андрей не ответил.

— Сам ты не найдешь выхода. Послушай меня. Немец обещал, если расскажешь о пароходах в Баку, он сделает так, что попадешь на родину реабилитированным в глазах своих соотечественников. Он имеет связи в полиции и сможет организовать официальную передачу тебя полицией в ваше посольство. Полиция заявит, что ты это время сидел у них, и извинится за твой арест по недоразумению. Не затягивай, Андрей, соглашайся. То, что ты пробыл под арестом несколько дней не по своей вине, не может тебя скомпрометировать.

Андрей молчал. Старик зашептал:

— Не отвергай помощь, которую предлагают, немцы все равно добьются своего.

Дымов даже не повернулся в его сторону. Старик с обиженным видом встал и вышел.

Илья просматривал документы фирмы “Барони”, когда вошел Али и доложил о приходе агаи Браунинга. Так Али называл Югансона. Югансон раздраженно швырнул шапку на диван. Али взял ее и вышел из комнаты.

— Неприятности? — спросил Илья. Югансон и Илья довольно откровенно говорили друг с другом о делах, которыми они занимались по заданию немецкой разведки. Илья рассказывал Югансону о своих успехах и неудачах. Югансон отвечал тем же, и это было очень важно для Ильи. Сведения, которые он сообщал затем в Москву, помогали в известной степени парализовать деятельность германской разведки против Советского Союза, которая велась с иранской территории.

— Неприятности пока нет, но она не исключена. Мне попался орешек вроде Силина, которого, помнишь, не мог раскусить Реслер.

— Опять захватили русского?

— Моряка с парохода “Комсомолец”.

— Ну, и что с ним?

— Он крепко заперт на даче купца Амири под Тегераном. Пока молчит.

— А если он ничего не скажет?

— Завтра его будем пытаться и, если ничего не добьемся, ликвидируем, чтобы не осталось никаких следов.

Илья внутренне содрогнулся. Надо вызволить моряка.

— Не одолжишь ли мне, Вальтер, туманов сто. Отдал все деньги жуликам, которые занимаются моряком, а сам остался без гроша.

— Пожалуйста, Эрих. — Илья понимал, что возможность всегда одолжить денег — немаловажный фактор в дружеском отношении Югансона.

Илья отсчитал сто туманов. Югансон поблагодарил и ушел. Илья поспешил к Роушан. К счастью, она была дома одна. Он вбежал, запыхавшись.

— Нужна твоя помощь, Роушан, — торопливо заговорил он. — Немцы обманом задержали советского моряка, они пытаются его, чтобы выведать, что творится в Баку. Моряк пока ничего не сказал. И я уверен — не скажет. Его убьют, Роушан! Я мог бы позвонить в советское посольство, мог послать записку. Посольство само ничего не сможет предпринять, обратится в министерство иностранных дел Ирана, а там наверняка затянута дело, и немцы убьют моряка, чтобы скрыть следы.

— Что же я могу сделать, Самуэль?

— Помнишь, ты рассказывала о своих друзьях. Они могли бы помочь.

— Тот, кто был бы способен помочь, арестован.

— Неужели не осталось на свободе его друзей?

— Верно, верно. Ведь Габиб не арестован, — обрадованно сказала Роушан, — я сегодня поговорю с ним,

— Нельзя терять ни минуты, Роушан.

— Хорошо, милый, я пойду в университет, наверно, Габиб сейчас там.

— Иди, не задерживайся. Моряка заперли на даче купца Амири где-то под Тегераном. Я думаю, дачу нетрудно разыскать. Охраняют его два уголовника. Я зайду к тебе через час.

Шум в коридорах университета, от которого Роушан уже успела отвыкнуть, оглушил ее. Был как раз перерыв. В сутолоке Роушан не сразу разыскала Габиба. Он, улыбаясь, отвел ее в тихий уголок.

— Зачем я понадобился тебе, Роушан?

— Габиб, ты должен мне помочь.

Габиб выслушал ее.

— Негодяи! Эти немцы ведут себя у нас, как в своей колонии. Их надо проучить. Я поговорю с ребятами. Дачу купца Амири мы найдем.

— Не опаздывай, Габиб. Это надо сделать сегодня, пока они еще не начали истязать несчастного. А освободить его можно было бы так... — и Роушан объяснила план, придуманный Ильей.

— Не беспокойся, все будет в порядке. Это инициатива твоего швейцарца? — улыбнулся Габиб.

— Нет, что ты. Какое ему дело до таких вещей. Он только коммерсант. Я узнала о моряке от клиентов моего отца. А как освободить беднягу, придумала сама.

— Ну, хорошо. Побегу разыскивать друзей. У меня в железнодорожных мастерских есть два паренька, они с удовольствием помогут.

Очнувшись, Андрей увидел, что Иса и Ашум стоят у жаровни. Несмотря на знойный день, она была полна горящих углей. Иса медленно поворачивал в огне металлические прутья.

— Ну, если сейчас не будешь говорить, немец сделает из твоей спины шашлык! — закричал Ашум.

Андрей молчал. Ему казалось, что молодчики только пугают его.

Югансона все не было. Ашум и Иса продолжали возиться с жаровней. В каморку неожиданно вошли несколько полицейских и офицер. Полицейские подталкивали впереди себя старуху, хозяйничавшую на даче.

Ашум и Иса растерялись.

— Развяжите этого человека. По указанию правительства мы должны забрать его в полицию, — приказал офицер.

— Агаи капитан, я не могу этого сделать, — сказал Ашум и, подойдя к офицеру, зашептал ему что-то на ухо.

Но офицер не дослушал его до конца.

— Мне незачем это согласовывать ни с кем. Я имею указание доставить советского моряка в тахминат¹. Скажите спасибо, что не забираю и вас. — Офицер дал команду полицейским развязать моряка и отвести в машину.

В машине полицейские заботливо поправили Дымову повязку на голове.

“Из одного застенка попадаю в другой, — подумал Андрей. — Не хватало еще побывать в руках тахминатчиков”.

Полицейские сидели молча. Дымов смотрел в окно и думал о том, как поступят с ним в политической полиции. Машина приближалась к центру Тегерана, потом свернула на улицу, на которой находится советское посольство. У входа в посольство шофер затормозил.

— Вот твое посольство, можешь идти туда, — сказал офицер, и на его лице с тонкой полоской черных усиков появилась улыбка.

Дымов недоверчиво смотрел на офицера.

— Мы не полицейские, а просто иранцы. Таких у нас большинство. Ты сталкивался до сих пор с непорядочными людьми, и мы решили помочь тебе вырваться из их рук.

Андрей молча пожал мнимым полицейским руки, вышел из машины и скрылся за оградой посольства.

Х

Илья и Югансон прогуливались по улице Надыри. Они ждали машину, которая должна была доставить их в особняк Базегяни. Югансон нервно кусал губы.

— Я поставил на ноги всех своих людей, но никаких результатов. Тахминат официально заявил, что полицейских за моряком не посылал. Что сказать Миллеру, не знаю. Он страшно обозлится. Черт побери, из-за этого можно угодить на фронт. Миллер беспощаден.

— Я понимаю тебя. Неприятно, конечно, — поморщившись, сказал Илья. — Они использовали наш же метод. В Бендершахе моряка брали твои люди, переодетые полицейскими. Те, что освобождали, тоже одели своих в полицейскую форму.

Илья улыбнулся. Он знал, что действовал наверняка. В Иране свирепствовал полицейский террор. Форма полицейского наводила страх. Каждый ажан, не говоря уже об офицере, воспринимался как большой начальник. И конечно, уголовники, охранявшие моряка, не рискнули не подчиниться требованию полицейского капитана. Им и в голову не могло прийти попросить документы. Это было бы расценено как оскорбление и могло закончиться весьма печально. К тому же Ашум и Иса, как и многие иранцы, были неграмотны. Илья сомневался только, удастся ли друзьям Роушан быстро достать полицейскую форму и оружие. Но и с этим они быстро справились. Оружие у них было, а мундиры дали друзья-полицейские.

Югансон угрюмо покашливал.

— Не унывай, Эрих, найдется твой моряк, — приободрил его Илья.

— Он, пожалуй, уже в советском посольстве и для нас теперь недосыгаем, — проворчал Югансон.

¹ Управление политической полиции.

Подошел синий “форд”.

Через десять минут они были на конспиративной квартире Миллера.

— Слышали? Советы прислали иранцам еще одну ноту. Можно ждать вторжения в ближайшие дни, а мы еще не закончили приготовлений к перевороту, — этими словами встретил их взволнованный Миллер. Он был один, Канарис уже возвратился в Берлин.

— Мы знаем о ноте, — сказал Илья.

— Готовы ли вы пустить в ход механизм по уничтожению намеченных объектов?

— Вполне готовы, — ответил Югансон.

— Ваша операция приобретает исключительно важное значение. От вас зависит многое. Надо быть готовыми в ближайшее время вместе с Киреевым выехать на север и ждать там моего приказа. Как только в Иран вступит первый большевистский солдат, взрывайте мосты и тоннели. Помогает ли вам Киреев?

— Он очень нерасторопен, — ответил Югансон.

— Это я за ним тоже замечал. Почаще контролируйте его.

— Герр подполковник, я хочу доложить вам, как обстоит дело с моряком, — нерешительно проговорил Югансон. Его совсем нельзя было узнать, он был словно пришибленный. Куда девался его апломб, бас.

— Очень кстати, Югансон. Меня это интересует. Я давно хотел спросить, как идут с ним дела. — Миллер повернулся к Илье: — Вас, Шульц, я не задерживаю. Вы можете ехать отдыхать.

Илья поклонился и вышел.

Из особняка Светлов выехал на том же “форде”. В центре города он вышел из автомобиля и пешком направился домой.

Шел он медленно, углубившись в свои мысли. Трудная перед ним стояла задача. Надо было сорвать задуманную немцами диверсию и сделать это так, чтобы остаться непричастным к этому в глазах немцев. События разворачивались с исключительной быстротой. Не прошло и двух недель, как он говорил с адмиралом Канарисом, и тот поручил ему подготовку диверсии, и вот настало время осуществлять намеченный план. Илья умело использовал медлительность Киреева и не торопил его. Югансон совсем устранился от участия в подготовке диверсии: он не верил в возможность вступления в Иран советских войск. Но надеяться на то, что Киреев по своей медлительности, а Югансон по беспечности сами провалят операцию, нельзя, нужно помочь им в этом.

Шагая по улице, Илья обдумывал детали своего контрплана. По дороге попалось полупустое кафе. Илья зашел, заказал чашку кофе и набросал сообщение в Москву. Он информировал о подготовке диверсии и сообщал, что думает предпринять для срыва фашистского плана. Из кафе Илья направился в гараж, в котором обычно брал машины напрокат. Взяв легковой “студебеккер”, поехал в сторону Шимрана (дачная местность близ Тегерана) у подножия Демавенда. Недалеко от шоссе был тайник, в котором хранилась рация.

Выехав из города, Илья заметил, что за ним неотступно следует “бьюик”. Сильная новая машина не пыталась обогнать его изрядно потрепанный “студебеккер”, словно водитель “бьюика” умышленно сохранял определенную дистанцию. Сидевший рядом с шофером пассажир то и дело выглядывал в окно. Светлову показалось, что из “бьюика” ведут наблюдение за ним. Он остановил свою машину, вылез, наклонился над колесом, не сводя глаз с преследователей. “Бьюик” свернул с шоссе, скрылся за деревьями.

Илья знал — дороги там нет, значит, в “бьюике” сидят и выжидают. Это еще больше встревожило его. Похоже, что за ним следят. Неужели он допустил неосторожность? А может, просто иранская контрразведка в целях “профилактики” установила за ним наблюдение? Илья досадовал: задерживалась передача сообщения в Москву. Делать было нечего. Он снял колесо и поставил запасное. “Бьюик”, урча, выскочил из-за деревьев и помчался по шоссе. Пронзительно закрипели тормоза. Над Ильей наклонился человек. Пахло спиртным.

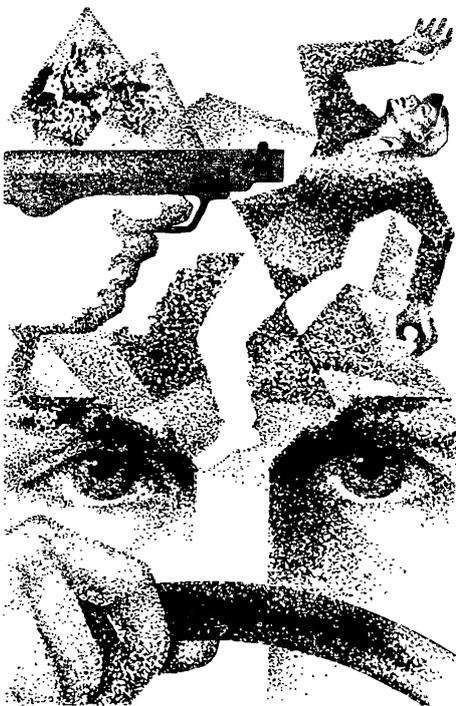
— Не надо ли помочь?

Илья глянул на него — типичный прожигатель жизни. Скользнул глазами по машине. За рулем сидела сильно накрашенная блондинка.

— Спасибо. Лопнула камера, но я уже сменил ее, — ответил Илья.

— На этом огненном асфальте камеры трескаются без конца, — сказал иранец. Он уселся рядом с блондинкой, осоловело посмотрел на нее. — Илья облегченно усмехнулся — иранец даже не сообразил, что сейчас вечер и асфальт давно остыл. — Поедем, Хазри, — сказал он своей даме. — Я знаю, там дальше есть укромное местечко...

Выждав, когда “бьюик” скрылся из виду, Илья повел машину дальше. В знакомом месте свернул с шоссе, погасил фары. Оставив машину в роще, пошел пешком. У каменного моста через высохшую речку, где уже никто не ходил и не ездил, он остановился, оглядевшись, вынул из углубления в устье моста тщательно завернутую рацию “телефункен”, распаковал ее и настроил на нужную волну. Посмотрел на часы. До сеанса — пять минут. Илья встал и осмотрелся. Кругом ни души. Мост стоял в ложине, прикрытой рощицей, его было не видно с шоссе. Илья отстукал сообщение. Выждал, слушая писк

морзянки. Его поблагодарили и дали указание — поддерживать в дальнейшем связь со специальной группой, которая находилась на советско-иранской границе. Илья повторил про себя ее координаты. Спрятав рацию, он вернулся в город и, оставив машину в гараже, пошел домой.

Несмотря на поздний час, Али не спал. Он пытливо посмотрел на хозяина. Агаи Зульцер что-то очень озабочен. Куда-то уходит, а возвращаясь, сидит молча, много думает. Али был убежден, что за всем этим кроется женщина. Наверно, арбаб скоро женится. На ком же? Али вспомнил, что господин Зульцер часто посылал с ним букеты цветов в дом Сафари. Все понятно — у Сафари красивая дочь. Али взгрустнулось. Как-то отнесется к нему хозяйка? А вдруг придется уходить от агаи Зульцера? Али будет жаль потерять такого арбаба. Али вспомнил, как агаи Самуэль помог ему, когда болела жена; помог арбаб и тогда, когда Али выдавал дочь замуж. Не будет больше такого хорошего места. Чем больше думал Али, тем ему становилось грустнее.

На следующий день Илья должен был встретиться с Гутманом. Придет ли этот прощельга? Удастся ли его обезвредить? Пока придется пустить в ход деньги.

Перед тем как лечь в постель, Илья просматривал вечернюю газету. Аршинный заголовок ударил в глаза:

“ЗАГАДОЧНОЕ УБИЙСТВО

Рабочие ремонтировали шоссе Тегеран — Пехлеви. Один из них уронил в ущелье лопату. Спустившись вниз, он увидел на крутом обрыве, среди густой зелени, лежащего человека. Заподозрив неладное, рабочий окликнул его, но тот молчал. Рабочий подполз к нему и обнаружил, что он мертв. Неизвестный был убит двумя выстрелами в голову. Была вызвана полиция. Как установлено, убийство совершено несколько дней тому назад. Никаких документов при убитом не оказалось. В карманах обнаружено лишь около пятидесяти туманов. Владелец чайханы, расположенной недалеко от места происшествия, и завсегдатаи этого заведения опознали в убитом эмигранта из России, который три дня провес в чайхане, направляясь, по его словам, в поисках работы с севера страны в столицу. По мнению полицейских органов, здесь скорее всего имеет место убийство по политическим мотивам. Об ограблении не может быть речи, поскольку убитый был беден, да и те деньги, которые он имел, оказались при нем. Убийцы их не взяли. За два дня перед тем как покинуть чайхану, где этот эмигрант увлекся курением опиума, он встретился с проезжавшим в Тегеран иностранцем. Иностранец, видимо, дал эмигранту денег, так как до этой встречи тот не имел ни ша¹. Иностранец был на машине марки “оппель”, серого цвета. К сожалению, никто из видевших его не обратил внимания на номер машины. Но, по мнению полиции, разыскать этого иностранца не составит особого труда. Когда эмигрант вернулся в чайхану, хозяин спросил его, с кем он разговаривал. Эмигрант махнул рукой и ответил: “Это мой земляк”. Дальнейшее расследование продолжается”.

Подробные отчеты о ходе следствия будут помещаться только в нашей газете”.

Илья в эту ночь долго не мог заснуть. Гутман убит. Кто и зачем это сделал? Скорее всего немцы рассчитались с ним за отказ выполнить их задание, а может быть, его убили собутыльники из чайханы. Смерть Гутмана не избавляла Илью от угрозы провала. Полиция действительно может пойти по ложному следу и заняться розыском иностранца, установить его, начнут проверку, которая может закончиться трагически.

На следующий день Илья, проснувшись рано утром, включил стоявший у кровати приемник, настроил на Москву. Передавалась советская нота иранскому правительству.

“...Советское Правительство, руководствуясь чувством дружбы к иранскому народу и уважением к суверенитету Ирана, всегда и неизменно осуществляло политику укрепления дружественных отношений между СССР и Ираном и всемерного содействия процветанию иранского государства”, — чеканил диктор слова советской ноты, приводя конкретные факты дружелюбия со стороны Советского Союза, выразившегося в отмене в 1918 году всех соглашений, которые в каком бы то ни было отношении ограничивали или стесняли права иранского народа на свободное и независимое существование.

Диктор привел слова ноты о том, что Советское правительство аннулировало все платежи Ирана по царским обязательствам, прекратило всякое вмешательство в доходы Ирана, полностью отменило унижительную для Ирана и несовместимую с принципом его государственного суверенитета консульскую юрисдикцию, согласно которой на дела российских граждан в Иране не распространялась компетенция иранских судов.

Далее перечислил целый ряд предприятий, безвозмездно переданных Ирану, — железные и шоссейные дороги, сооруженные на территории Ирана Россией, привел факты содействия экономическому развитию Ирана, в результате чего Иран получил возможность широкой организации некоторых важнейших отраслей своего хозяйства.

“Однако, за последнее время и, особенно с начала вероломного нападения на СССР гитлеровской Германии, — продолжал диктор, — враждебная СССР и Ирану деятельность фашистско-германских заговорщических групп на территории Ирана приняла угрожающий характер. Пробравшиеся на важные официальные посты более чем в пятидесяти иранских учреждениях германские агенты всячески стараются вызвать в Иране беспорядки и смуту, нарушить мирную жизнь иранского народа, восстановить Иран против СССР, вовлечь его в войну с Советским Союзом. Агенты германского фашизма вроде фон Радановича, Гамотта, Майера, Вильгельма Сапова, Густава Бора, Генриха Келингера, Траппе и др., прикрываясь своей службой в разных германских фирмах (АЕГ, Феррошталь, Гарбер, Ортель, Лен, Шихаду), в настоящее время дошли до

¹ Мелкая иранская монета.

крайних пределов в своей подрывной работе по организации диверсионных и террористических групп для переброски в Советский Азербайджан, а раньше всего, в главный советский нефтяной район — Баку, и в Советский Туркменистан, с одной стороны, и по подготовке военного переворота в Иране, с другой”.

Затем диктор перечислил конкретные факты преступной деятельности немецкой агентуры в Иране и напомнил, что иранское правительство было трижды предупреждено, однако ничего не сделано для пресечения произвола гитлеровцев.

“Вследствие этого Советское Правительство оказалось вынужденным, — продолжал диктор, — принять необходимые меры и немедленно же осуществить принадлежащее Советскому Союзу, в силу статьи 6-й Договора 1921 года, право — ввести временно в целях самообороны на территорию Ирана свои войска”.

Илья вскочил с кровати, быстро оделся. Али принес утренние газеты. Илья даже не дотронулся до них. Слуга удивленно смотрел на своего хозяина. За дверью слышались торопливые шаги. Запыхавшись, вбежал Югансон.

Как только слуга вышел, Югансон спросил:

— Ты уже слышал? Большевики вторглись в Иран. Нам приказано немедленно выехать на место и приступить к операции.

Илья быстро собрался, и они пошли в гараж. Оттуда на “оптеле” захали к Кирееву и втроем помчались на север.

Навстречу, сигналив, неслись автомобили, груженные чемоданами, узлами, свертками.

Киреев забился в угол машины и молчал.

— Бегут. Не успели даже собраться как следует. Есть, наверное, причины не встречаться с большевиками, — пробасил Югансон.

Илья с облегчением подумал, что сейчас иранской полиции будет, конечно, не до убийства какого-то эмигранта. Опасность несколько отдалилась.

В охотничьем домике Дохуда собрались Югансон, Светлов, Киреев, Дохуда, Курбан и Реза.

— Вам, Киреев, с Курбаном и Резой надо выехать в Миане и начать операцию. Я и Мартин Бабах пока останемся здесь, — приказал Югансон.

— Но красные уже давно перешли границу, я могу столкнуться с ними. Зачем же лезть им в пасть, — возразил Киреев.

Курбан и Реза согласно закивали головами.

— Мы будем похожи на баранов, которые сами пришли на бойню, — заметил Курбан.

— Болваны! Для достижения такого сходства вам не надо ходить на бойню, — прошипел разозлившийся Югансон.

Курбан и Реза понуро молчали.

— Лучше начать с тех объектов, что ближе к Тегерану, — предложил Киреев. — Ведь взрывчатка по местам еще не развезена.

— Как? Вы еще не развезли взрывчатку?! — вскипел Югансон. — Это предательство! Мы ничего не успеем сделать.

— Позвольте, позвольте! Вам было известно о том, что взрывчатка пока на складе. Никаких указаний вы нам не давали, — пытался оправдаться побледневший Киреев.

— Какие еще указания? Вы сорвали операцию! — Югансон повернулся к Илье: — Разоружить и арестовать!

Светлов отобрал у всех троих пистолеты, втолкнул Киреева и контрабандистов в чулан.

— А вы, агаи Дохуда, достаньте несколько машин для переброски взрывчатки.

— Пойду и сделаю все возможное, — сказал Дохуда и вышел.

— Я свяжусь с Тегераном, расскажу об обстановке. Нам придется действовать вдвоем. — Светлов вышел вслед за Дохудой.

Вскоре он вернулся.

— Ничего не получилось. Тегеран молчит.

— Я сейчас попытаюсь связаться сам!

— Не надо, Эрих, скоро время нашего очередного сеанса с Тегераном, тогда и поговорим. Пока русские не пришли, выведем из строя наиболее важные объекты. Давай возьмемся быстрее за дело.

Югансон заколебался. Чувствовалось, что ему не хотелось делать все самому.

— А может быть, освободим тех? — кивнул он на чулан. — Пусть помогут нам, — нерешительно предложил он. — Чтобы не терять времени, пошлем Киреева с Курбаном и Резой за взрывчаткой, она недалеко, хранится на бакалейном складе фирмы “Краузе и сын”.

— А где гарантия, что Киреев не предатель? Надо посоветоваться с Тегераном, — возразил Илья.

Югансон угрюмо проворчал:

— Теперь Миллер рассчитается со мной за все. Припомнит и моряка.

Они сидели, курили сигарету за сигаретой, оборачиваясь иногда на стук из чулана, где бесновались Курбан и Реза. Контрабандисты требовали увезти их отсюда, так как скоро должны появиться красные.

Югансон успокаивал их: вот свяжется с Тегераном и получит оттуда указание. Арестованные на некоторое время утихали, а потом опять поднимали крик.

Наступило время сеанса с Тегераном. Светлов поехал на “опшеле” к дому в поместье Дохуда, где находилась рация.

— Смотрите, смотрите, русские! — встретил его испуганный Дохуда, который ждал там машины. Он потащил Илью к окну, из которого был виден коттедж, где находился Югансон с задержанными.

Советские военные вывели Киреева, Югансона и контрабандистов и направились с ними к небольшой рошце, сквозь листву которой серебрился самолет.

Реза, обычно не хромавший, сильно припадал на раненую когда-то ногу и держался за руку Курбана. Оба еле брели, десантники все время торопили их. Югансон, наоборот, шел быстро и, размахивая руками, что-то взволнованно говорил своим конвоирам. Киреев несколько отстал от остальных с офицером, который командовал десантом.

— Смотрите, он беседует с русским офицером, как со своим, — заметил Дохуда.

— Киреев же русский.

Дохуда повернулся в сторону Ильи с таким видом, будто только что узнал, что Киреев русский.

— Это его работа... Он дал знать русским, — разволновался Дохуда.

Илья пожал плечами. Десант прибыл по его сигналу. Когда Илья ходил связываться с Тегераном первый раз, он сообщил находившейся поблизости советской специальной группе, где находятся диверсанты.

— Что делать? Что делать? Русские солдаты у меня в имени, — метался Дохуда.

— Войска не могли продвинуться так быстро. Это просто десант. Его вызвал, наверно, Киреев. Он — предатель. Десант прибыл на самолете и с задержанными вернется обратно.

Дохуда немного успокоился.

— Сейчас займусь подготовкой к отъезду, а то придется все бросать на волю аллаха.

Илья связался с Тегераном и сообщил, что Киреев сорвал операцию, основные участники ее захвачены советским воздушным десантом, а ему с Дохудой удалось случайно спастись. Светлов высказал предположение, что Киреев предатель и десант вызвал именно он. Миллер тут же передал указание бросить все и выбираться из тех мест.

Укрыв рацию, Светлов выехал в Тегеран.

Рано утром Илья был уже в Тегеране. Город выглядел необычно. Несмотря на часы “пик”, на улицах не чувствовалось суеты. Автомобили проезжали будто медленнее, фаэтоны еле тащились, многие магазины были закрыты. Прохожие, вместо того чтобы, как всегда, не обращая внимания друг на друга, торопиться каждый по своему делу, собирались группами и обсуждали волновавший всех вопрос — вступление советских и английских войск.

Илья, переходя от группы к группе, прислушивался к разговорам. Много было разных толков и предположений, но общим оставалось мнение, что правители страны находились по существу в плену у немецких фашистов.

Какой-то толстяк, размахивая связкой огромных ключей, видимо от лавки, старался своим зычным голосом перекричать всех.

— А почему некоторые наши деятели попали в объятия немецких фашистов? Надо понимать, господа. Их на это натолкнула ненависть к английским угнетателям. Несколько веков они наживаются на нашей нефти, грабят нас.

Но торговца мало кто слушал. Стоявший рядом с ним широкоплечий и высокий мужчина в форме чиновника почтового ведомства спокойно, но таким густым басом, что сразу заглушил все остальные голоса, сказал:

— Правда, на нашу землю вступили иностранные войска, русские и английские, но в этом есть и хорошая сторона — войны на иранской земле не будет, а пойдя мы за немцами, наша земля содрогалась бы сейчас от разрывов бомб, горели бы города и села.

Раздался одобрителный гул голосов.

Илье надо было условиться с Миллером о встрече. Он вышел на Лалезар и направился к большому магазину, где, как он знал, имелся телефон. Автоматов на улицах не было. А в этом магазине телефон был в будке, и свободно можно было назвать нужный номер.

В магазине Илью знали. На его приветствие хозяин и продавцы ответили почтительными поклонами.

— Говорит Зильфугери, — сказал Илья, узнав в ответившем по телефону Миллера. — Могу ли я вас видеть сегодня? — спросил он по-немецки. Называть свою фамилию или фамилию Зильцер было бы неосторожно, телефонный разговор могли подслушать.

— Приезжайте к девяти вечера, — ответил Миллер и повесил трубку.

Это означало, что без четверти девять у памятника Саади Илью будет ждать синий “форд”, который и доставит его в особняк Базергани.

Как отнесется к нему Миллер после срыва операции? Поверит ли этот опытный разведчик тому, что он станет рассказывать? Все это беспо-

коило Илью. На встрече с Миллером должно определиться, достаточно ли чистым выходит он из этой операции. Правда, у Ильи был свидетель Дохуда, которому немцы верили.

Вечером Илья пришел на условленное место. Там его ожидал синий “форд”.

Невысокий, сухой, Миллер на этот раз показался Илье ниже и худее обычного. Он был взволнован и долго сокрушался, что не сумел разобраться в Кирееве. Миллер рассказал, что несколько часов тому назад в Тегеран, спасаясь от красных, приехал Дохуда.

— Он говорит, что как только появились большевистские части, они сразу захватили наши склады с взрывчаткой и оружием, Дохуда видел, что красноармейцев, обнаруживших склады, сопровождал Киреев.

“Они взяли Киреева с собой, чтобы отвести подозрение от меня. О местонахождении складов наши знали давно, им незачем была помощь Киреева, — с удовлетворением подумал Илья, — приезд Дохуды как нельзя более кстати”.

Миллер снял пиджак, бросив его на спинку кресла. Садясь, он сказал:

— Русские опередили нас. Через три дня должен был состояться переворот, который готовили мы, и тогда все пошло бы по-другому. Как только вступили русские и англичане, кабинет Али Мансура сам подал в отставку, а новое правительство во главе с Форуги тут же отдало приказ своим вооруженным силам воздержаться от сопротивления русским и английским войскам. Подвело нас неверие в то, что русские могут вторгнуться в Иран. Смотрите, вошли и английские войска. Англичане сумели все-таки договориться с большевиками. Нас застали врасплох.

Миллер встал, надел пиджак и, опускаясь в кресло, продолжал:

— Все-таки жаль, что не удалось поднять в воздух намеченные объекты. Хотя новое иранское правительство и отказалось от сопротивления, надо было бы насолить русским.

Илья считал свою миссию в Иране законченной. Теперь неплохо бы вновь возвратиться в Берлин. Советской разведке важно было иметь своего человека в центральном аппарате абвера. Поэтому, выждав, когда Миллер кончит сокрушаться, он сказал:

— Не думаете ли вы, что мне теперь небезопасно оставаться в Иране? Киреев может разыскать меня и выдать русским.

— Пожалуй, это так. А жаль. Если бы не Киреев, вы могли бы со своим швейцарским паспортом свободно остаться. Ведь всем германским подданным придется уезжать.

Миллер встал и снял пиджак. От волнения его бросало то в жар, то в холод.

— Если последует указание, я рискну, — предложил Илья.

Подумав немного, Миллер предложил:

— Давайте запросим адмирала Канариса.

Через два дня Светлов получил указание возвращаться в Берлин.

С тяжелым сердцем он шел к Роушан.

— Я получил указание фирмы немедленно возвратиться в Швейцарию, — сказал он ей.

Она удивленно смотрела на него.

— Но почему? У тебя здесь много незаконченных дел.

— Видимо, хотят выяснить обстановку, которая сложилась в Иране в связи с вступлением союзных войск. Не помешает ли это дальнейшим коммерческим предприятиям.

Роушан тяжело опустила в кресло. На глазах у нее заблестели слезы.

Илья жалел, что не может сказать Роушан правду. Если бы она знала, для чего это делается, то отнеслась бы к его отъезду спокойнее.

— Я напишу тебе из Швейцарии, — пытался утешить ее Илья.

Роушан молчала, устремив неподвижный взор куда-то в пространство.

— У меня такое предчувствие, что мы никогда больше не увидимся, — сказала она и обняла Илью.

Он не стал ее разубеждать. Ему не хотелось продолжать говорить неправду.

В Швейцарии Илья явился в фирму “Барони”. Отто Крамер встретил его, как хорошего знакомого.

— Добираться до Германии придется нелегально. В Берлине считают, что швейцарский паспорт вам еще понадобится, а если в нем будет отметка о поездке в Германию, это снизит его ценность, — сказал он.

— Как же мне быть? — спросил Илья.

— Надо вернуть документы в паспортное бюро. Побудьте несколько дней в конторе, а потом возвращайтесь тем же путем, каким и приехали из Германии. Таковы указания Берлина.

Илья составил отчет для фирмы, написал два письма Роушан. В последнем сообщил, что его срочно командировать в США. Оформив документы в паспортном бюро, Илья выехал в Цюрих к Генриху Гелю. Гель, как и прежде хозяин хутора Бенц, поздно ночью перевез Илью через Рейн на германский берег.

На хуторе Бенца Светлова ждал младший офицер абвера. Он привез ему форму и документы. Илья переоделся и, не дожидаясь рассвета, выехал на машине в Мюнхен, чтобы пересечь там на берлинский экспресс.

XI

Илья не узнал Берлина. От немецкой аккуратности не осталось и следа — улицы запущены, витрины заколочены, многие магазины закрыты. Машин мало, И дома все изменилось.

Ганс Шульц совсем одряхлел. Он плохо видел, еще хуже слышал и говорил невнятно. Очень постаревшие Амалия и Эмма измучились с ним. К приезду Ильи старик остался равнодушен. Видно, война и одиночество доконали старого Ганса.

Илья был подготовлен к этому. По письмам старика чувствовалось, что он совсем плох.

Утром Илью вызвали к Канарису.

В кабинете адмирала все было по-старому, если не считать отсутствия собачонок. Да на большой карте мира появилось больше разноцветных флажков, которыми Канарис отмечал ход военных операций.

Не изменился и сам адмирал. Он радушно встретил Илью, справился о здоровье Ганса Шульца и долго сокрушался, что тот скверно чувствует себя.

Илья доложил ему, как была сорвана диверсия на иранских дорогах, Канарис сказал:

— Вас поздно включили в операцию, но я надеялся, что вы позаботитесь, чтобы все было готово.

— Я торопил Югансона и Киреева, докладывая о своих опасениях Миллеру.

— Югансон — бездельник.

— Простите, экселенц, но мне кажется, что основная беда в неожиданности вторжения большевиков.

— Беда в том, что все мы в глубине души не верили, что они решатся на такую акцию при весьма неважном для них положении на фронтах. Да и вы, наверно, думали так. Основная вина падает, конечно, на нас.

Адмирал, задумавшись, постукивал карандашом по столу.

— Когда Киреев успел передать русским, где находится ваша группа? — спросил неожиданно он.

— По-моему, перед отъездом из Тегерана. У него, наверно, была рация. Где мы остановимся, Киреев знал: он бывал там не однажды. Собственно, по его рекомендации мы и сделали это место своей штаб-квартирой.

— Как фамилия помещика?

— Дохуда.

— А почему он в тот момент был не с Югансоном?

— Югансон послал его подготовить машины для доставки взрывчатки на места. Когда я поехал в дом Дохуды, где у нас хранилась рация, я застал Дохуду дома, он ожидал шоферов. Мы вместе с ним видали, как советский десант забрал Югансона, Киреева и взрывников.

— А не предал ли вас Дохуда?

— Не думаю, экселенц. На мой взгляд, он верный человек.

— Да, пожалуй, вы правы. Судя по тому, как русские быстро забрали всех людей, которые были известны Кирееву, и обнаружили склады с боеприпасами, о которых он тоже знал, скорее всего предатель — Киреев. Вы нуждаетесь в отдыхе?

— Думаю, сейчас не время отдыхать.

— Правильно, — улыбнулся Канарис и, положив руку на плечо Ильи, сказал: — Тогда приступайте к выполнению своих обязанностей. Надо сделать так, чтобы разгром нашей агентуры в Иране был как можно более безболезненным.

В тот же день в абвере Илья встретил Вилли Шнеля. От него он узнал, что Эльза вышла замуж за Акима Шмунда, директора крупновских предприятий, своего тайного вздыхателя. Она, конечно, предпочла бы красавца офицера Эриха Шлифена, но тот в первые же дни нападения на СССР отправился на Восточный фронт и пропал без вести. Старик Пауль Вермерен, работавший референтом в имперской канцелярии, умер. Из рассказов Илья понял, что Рихард Шеммель наконец получил руку фрау Эмилии Шнель, но только руку. После свадьбы выяснилось, что капитал ее вложен в предприятие, которое немцы при оккупации Франции разбомбили до основания.

Илья позвонил Эльзе, ее салон был нужен ему, как никогда, — немцы стояли под Москвой. А Вилли Шнель рассказывал, что в салоне теперь бывает много новых лиц, главным образом военных.

Эльза обрадовалась звонку Ильи и стала его усиленно приглашать. Все шло как надо. Налаживались отношения и со связником. В день отъезда из Ирана Илья снесся с Москвой. Ему сообщили, что связь с ним в Берлине будет осуществляться прежним порядком. Илья искренне жалел Довгера. Столько лет жить безвыездно в стане врага... В назначенный день Довгер с женой прошел мимо дома Ганса Шульца. Это как бы означало, что у Довгера все в порядке.

Илье было очень приятно увидеть их, но, всмотревшись в супругов, он прошептал:

— Как они постарели.

Илья опечалился, словно за родных. Да, их связывало больше, чем родство. Они рисковали ради одного общего дела. Жизнь этих людей зависела друг от друга. Малейшая неосторожность кого-либо из них могла привести к гибели всех троих.

В ближайший вторник Илья пошел в салон фон Микк. Его встретили шумно и радостно.

— Мы так соскучились о вас, — сказала Эльза.

— Да, вас не хватало нам, — угрюмо произнес Шеммель.

— Мы не спрашиваем, где вы были, — улыбаясь, говорил Шмунд, — понимаем, что не можете ответить на этот вопрос, но полагаем, что свою миссию вы выполнили удачно, и рады видеть вас в полном благополучии.

Наконец они оставили Илью в покое, и он мог оглядеться.

В салоне фон Микк многое изменилось. Аким Шмунд, который так гордился своей рыжей шевелюрой, облысел. Фридрих Гальдер пристроился в Берлине и щеголял теперь в форме интендантского офицера, Рихард Шеммель стал угрюм и неразговорчив, держался отдельно от жены. Чувствовалось, что отношения у них неважные. Эмилия Шнель сидела со своим братом. Около них стояли два офицера в чине полковников, видимо генштабисты.

Они оживленно обсуждали положение под Москвой. Называли дни ее падения, хвалили действия немецких войск. Строили предположения, каким будет парад в Москве, поедет ли туда фюрер. Все сошлись на том, что Гитлер обязательно будет на параде.

— Я думаю, на парад пригласят кое-кого из Берлина, может быть и дам, в том числе и вас, — сказал Фридрих Гальдер и поклонился Эльзе.

— О, я обязательно поеду... Мне так хочется посмотреть. Я уверена, наш фюрер будет великолепен, — проговорила Эльза и улыбнулась.

Илья не узнавал ее. Какая-то она стала... блаженная. А что, если сейчас встать и сказать всем этим господам: Москвы вам не видать, как своих ушей?

В этот вечер ему не удалось узнать ничего интересного, и он ушел расстроенный.

Потянулись однообразные дни. Большую часть времени Илья проводил в абвере, приходилось засиживаться до поздней ночи. Немцам было известно, что через Иран налаживается переброска грузов в СССР по ленд-лизу. Абвер получил указание помешать этому. Основная подготовка падала на группу, в которой работал Илья, поскольку она занималась Ираном. Рассчитывать на использование агентуры, оставшейся в Иране, было, конечно, нельзя. Этому мешало пребывание там союзных войск и трудности в налаживании связи. Поэтому, следуя указанию руководства абвера, Илья подбирал агентов для засылки в Иран в Берлине. Прибавилось хлопот у Ильи и в доме. Приходилось заботиться о стариках. Они были беспомощны. Все труднее и труднее становилось с продуктами питания. Ганс Шульц почти не двигался и не говорил. Он безвыходно сидел у себя в кабинете в любимом кресле, устремив в окно безучастный взгляд. Обслуживавшие старика Амалия и Эмма сами еле ходили. Нанимать новых слуг Илья не хотел. Вводить в дом малоизвестных людей было опасно.

Илье пришлось отказаться от многих своих привычек. Теперь он нечасто мог выбраться на Унтер-ден-Линден. Да и улица эта очень изменилась. На бульваре, обсаженном липами, уже не было видно прогуливающихся берлинцев. В домах окна заколочены, заложены кирпичом витрины, кругом очереди за продуктами. На проезжей улице полно военных машин. Здания когда-то комфортабельных отелей, ресторанов превращены в казармы и госпитали.

На службе Илья общался только с теми офицерами, которые были полезны ему как источники информации. Еще до войны он завел дружбу с офицерами из отдела, который занимался разведкой против Советского Союза. Одного из них, Густава Хуппенкотена, высокого, добродушного прибалтийского офицера, он до отъезда в Иран изучал, нельзя ли его привлечь к работе на советскую разведку. Илья заметил, что Хуппенкотен не такой фанатик, как окружающие их офицеры; он как-то проговорился Илье, что происходит из семьи рабочего, который служил мастером на одном из заводов Риги. Отъезд Ильи в Иран помешал налаживавшейся дружбе с Хуппенкотеном. Теперь Илья снова занялся им.

Илья постоянно думал о Роушан. Угнетала невозможность написать ей. Ведь даже если он ухитрится послать письмо, то свой адрес все равно нельзя сообщить. Когда-то попадет он снова в Иран? И попадет ли? Увидит ли Роушан?

Каждый раз, открывая иранские газеты, он надеялся хоть что-нибудь узнать о Роушан. Ее отец был видным деятелем, и заметка о нем, о его семье могла появиться в газетах. Беспокоил его и Гутман. Вдруг иранская полиция занялась этим делом и, не найдя настоящих преступников, придет к швейцарскому гражданину Самуэлю Зульцеру. Илья будет поставлен в трудное положение. В абвере его могут заподозрить. Какое отношение он имел к убийству. Почему не поставил в известность абвер?

Можно отрицать свою встречу с Гутманом или представить ее как случайную встречу с незнакомым человеком в расчете на то, что немцы не будут иметь возможности разобраться, поскольку все произошло в Иране, но подозрение все же останется. Начнут тщательно проверять, а это Илье было совсем ни к чему.

Но в газетах о Гутмане не было ни слова. Страницы заполняли сообщения об арестах немецких агентов, о разгроме пятой колонны. Однажды он прочитал, что в иранской Джульфе на границе с Советским Союзом частями Красной Армии обнаружен склад припасов, которых вполне хватило бы на вооружение воинской части. Чего только не было в этом "торговом складе" одной из германских фирм: ручные и станковые пулеметы, автоматы, револьверы, гранаты, патроны, динамит. На другом складе, находившемся в Иранском Азербайджане, было найдено больше пятидесяти тонн взрывчатых веществ.

Это были склады резидентов абвера. Илья обвел заметки красным карандашом для доклада шефу.

"Теперь не до убийства какого-то бродяги, — подумал Илья, — похоже, это давно предано забвению".

Прошло уже более трех месяцев, как Илья возвратился из Ирана. Он жил в постоянной тревоге за Родину, угнетала необходимость разыгрывать из себя ультранациста. Но вот вести с Восточного фронта стали

терять свою крикливость. В салоне фон Микк все реже и реже говорили о параде немецких войск в Москве. Преобладали разговоры о морозах в России.

В один из декабрьских дней фон Пахен под большим секретом рассказал Илье о разгроме немецких войск под Москвой. Илья еле скрыл свою радость. С первых же дней нападения фашистских полчищ он не сомневался, что они будут изгнаны с советской земли. И вот его уверенность начинает подтверждаться. Враг понес жестокое поражение. Он будет бит и дальше. Илье даже стало легче играть роль нациста.

Как ни старалась гитлеровская пресса смягчить разгром сводками об улучшениях позиций, страшный слух расползся по Берлину. С утра встревоженные обыватели хватались за газеты, стараясь угадать меж строк сводок истинное положение под Москвой.

Илья с еще большей энергией взялся за расширение своих знакомств в кругу гитлеровских бонз и среди работников русского отдела абвера. Он понимал, что сейчас, когда немцы начнут перестройку своих планов, особенно важно выяснить новые наметки. Даже фраза, случайно оброненная осведомленным лицом, могла помочь. И Илья, которого принимали везде как своего, передал в Москву немало ценных сообщений.

Участились бомбежки Берлина. Настроение в городе упало. Жизнь, темп которой резко снизился с началом войны, почти совсем замерла. Жители большую часть дня проводили дома, с тоской прислушиваясь, не завоют ли сирены воздушной тревоги, а ночью шли в подвалы. Поднятый газетами и радиостанциями шум вокруг операций 6-й армии не мог уже внести оживления в жизнь города.

Как-то в один из вечеров в разгар обсуждения в салоне фон Микк успехов 6-й армии полковник генштаба, завсегдатай салона, пришедший позже всех, положил конец дифирамбам, рассказав о тяжелом положении 6-й армии под Сталинградом. Илья торжествовал.

В абвере Светлов по-прежнему был на хорошем счету; ему присвоили чин майора. Илья пригласил капитана Хуппенкотена и майора Гуго Гельдорфа в ресторан отметить это событие.

Выбрали кабаре “Савой”. Когда-то сверкавшее зеркальными витринами, оно выглядело теперь на затемненной улице мертвым. Но лишь с улицы. Кабаре по-прежнему было заполнено многочисленными посетителями. На сцене под скрипичную сумбурную музыку извивались в замысловатом танце полуголые девицы. Но обычного оживления не было. Публика вела себя сдержанно. Не слышалось веселого хохота, выкриков. Да и девицы на сцене танцевали, словно в полусне.

Отыскав свободный столик, офицеры уселись и заказали ужин. Официант задерживался.

— Гуго, посмотри, сколько времени мы ждем? — спросил Хуппенкотен у Гельдорфа.

— Двадцать минут, — ответил тот.

— Оказывается, часы у тебя еще работают, а мои стоят, — сказал Хуппенкотен и громко расхохотался.

Илья не понял смысла шутки.

— Ты не удивляйся, — заметил Гельдорф, — мы готовили одного агента для вывода в Россию, там он должен обосноваться под видом часового мастера, этаким страшный горбун, но это хорошо, его не возьмут там в армию и не отправят на фронт. Пока он практиковался, испортил всем нам в отделе часы, не пощадил даже настенные в кабинетах.

— Теперь он портит часы в Москве, — улыбнулся Хуппенкотен.

Подождал официант, принес ужин. Но не успел он отойти от стола, как в зале пронзительно завывла сирена. Посетители повскакали с мест и, толкая друг друга, побежали в убежище.

Дольше всех задержались в кабаре музыканты. Они заботливо прятали инструменты в чехлы, чтобы они не запыхались, если в зале посыплется штукатурка.

В тесном подвале, освобожденном от ресторанной рухляди и кое-как приспособленном под бомбоубежище, было трудно повернуться. В помещении со зловонными лужами на полу Светлову и его спутникам пришлось простоять около часа. Наконец раздался сигнал отбоя, публика опять потянулась в ресторан. Светлов расплатился, и они ушли.

На улице хлестал дождь, смывая с уцелевших домов следы бомбежки: пыль, осыпавшуюся штукатурку, копать.

Илья распрощался с сослуживцами и, подняв воротник плаща, зашагал к станции метро. Он был доволен. Хуппенкотен и Гельдорф проговорились. По их данным, немецкого агента-часовщика найти в Москве будет нетрудно.

ХII

Осенью 1943 года в Вашингтоне стояли теплые дни. Зеленая площадка вокруг Белого дома была залита солнцем. Спокойно и безлюдно в коридорах резиденции президента США. В одном из кабинетов работал советник президента Уайт. Все здесь — панели из красного дерева, добротная мебель, хрустальная люстра и портьеры из дорогой ткани, пушистый турецкий ковер на полу — было рассчитано на то, чтобы произвести впечатление. Откинувшись на спинку кресла, Уайт просматривал документы, подшитые в белую папку без надписи.

Его внимание задержалось на третьем пункте секретного послания И.В.Сталина президенту Рузвельту от 8 сентября 1943 года¹.

“Что касается нашей личной встречи с участием г. Черчилля, то я также стремлюсь осуществить ее в возможно скором времени. Ваше предложение о времени встречи мне представляется приемлемым. Местом же встречи было бы целесообразно назначить страну, где имеется представительство всех трех государств, например Иран. Однако я считаю необходимым сказать, что придется еще дополнительно уточнить момент встречи, считаясь с обстановкой на советско-германском фронте, где втянуто в войну с обеих сторон свыше 500 дивизий и где контроль со стороны Верховного Командования СССР требуется почти каждодневно”.

Советник стал листать дальше.

Лично и секретно маршалу Сталину от президента Рузвельта.

Я весьма обрадован Вашей готовностью одобрить третье предложение, а время — приблизительно в конце ноября — было бы подходящим... Что касается меня лично, то у меня имеются сомнения лишь в отношении места и только потому, что оно расположено несколько дальше от Вашингтона, чем я рассчитывал. В это время мой Конгресс будет заседать и согласно нашей конституции я должен принимать решения в отношении законодательных актов в течение десяти дней. Другими словами, я должен принимать документы и возвращать их Конгрессу в течение десяти дней, а Тегеран подвергает это серьезному риску, если будет плохая летная погода. Если нельзя будет воспользоваться азорским маршрутом, то это означает, что придется следовать через Бразилию и через Южную Атлантику. По этим причинам я надеюсь, что Вы подумаете о каком-либо районе Египта, который также является нейтральным государством...²

Личное и секретное послание от премьера И.В.Сталина президенту г-ну Ф.Д.Рузвельту и премьер-министру г-ну У.Черчиллю.

...3. Что касается встречи трех глав правительств, то я не возражаю против Тегерана как места встречи, что мне представляется более подходящим, чем Египет, где у Советского Союза все еще нет своего представительства.

12 сентября 1943 года

Личное и строго секретное послание от премьер-министра г-на Уинстона Черчилля маршалу Сталину.

1. Я обдумывал нашу встречу глав правительств в Тегеране. Должны быть проведены надежные подготовительные мероприятия для обеспечения безопасности в этом до некоторой степени слабо контролируемом районе...

2. Я предлагаю также, чтобы во всей будущей переписке по этому вопросу мы пользовались, выражением “Каир-Три” вместо Тегерана, который должен быть похоронен, а также, что условным обозначением для этой операции должно быть слово “Эврика”, являющееся, как я полагаю, древнегреческим...³

Лично и секретно маршалу Сталину от президента Рузвельта.

...Другое предложение — это по соседству с Багдадом, где мы могли бы располагать тремя комфортабельными лагерями с достаточным количеством русской, британской и американской охраны. Эту последнюю мысль, кажется, стоит рассмотреть.

14 октября 1943 года

Лично и секретно президенту Франклину Д. Рузвельту от премьера И. В. Сталина.

По вопросу о месте предстоящей встречи глав трех правительств я хочу сообщить вам следующее:

К сожалению, я не могу принять в качестве подходящего какое-либо из предлагаемых вами взамен Тегерана мест для встречи.

...операции на фронтах требуют повседневного руководства Главной Ставки и моей личной связи с командованием. В Тегеране эти условия могут быть обеспечены наличием проволочной телеграфной и телефонной связи с Москвой, чего нельзя сказать о других местах.

19 октября 1943 года

Лично и секретно для маршала Сталина.

...Трудность в отношении Тегерана заключается в следующем простом факте. Горы на подходе к этому городу часто исключают возможность полетов на несколько дней подряд. Риск задержки существует как для самолета, доставляющего документы из Вашингтона, так и для самолета, доставляющего эти документы

¹ Документы взяты из опубликованной МИД СССР переписки Председателя Совета Министров ССР с президентами США и премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.

² Получено 11 сентября 1943 года.

³ Получено 27 сентября 1943 года.

Конгрессу. Я должен с сожалением сказать, что мне, главе государства, нельзя выехать в то место, где я не смогу выполнять своей обязанности согласно нашей конституции.

Я смогу взять на себя риск, связанный с доставкой документов в пункты, расположенные в низменности вплоть до Персидского залива, путем системы смены самолетов. Однако я не могу рисковать задержками, которые могут произойти при полетах через горы в обоих направлениях в ту впадину, где расположен Тегеран. Поэтому с большим сожалением я должен сообщить Вам, что я не смогу отправиться в Тегеран. Члены моего кабинета и руководители законодательных органов полностью согласны с этим.¹

Лично и секретно от премьера И.В. Сталина президенту Франклину Д. Рузвельту.

...Я не могу не считаться с приведенными Вами аргументами относительно обстоятельств, мешающих Вам приехать в Тегеран. Разумеется, только Вам может принадлежать решение вопроса о возможности Вашего приезда в Тегеран.

Со своей стороны я должен сказать, что не вижу более подходящего пункта для встречи, чем указанный город.

На меня возложены обязанности Верховного Главнокомандующего советских войск, и это обязывает меня к повседневному руководству военными операциями на нашем фронте. Это особенно важно в данное время, когда непрерывная четырехмесячная летняя кампания переходит в зимнюю и военные операции продолжают развиваться почти на всем фронте протяжением 2600 километров. При таком положении для меня, как Главнокомандующего, исключена возможность направиться дальше Тегерана. Мои коллеги в Правительстве считают вообще невозможным мой выезд за пределы СССР в данное время, ввиду большой сложности обстановки на фронте.

5 ноября 1943 года

Секретно и лично маршалу Сталину от президента.

...Вы будете рады узнать, что я выработал метод, при помощи которого в случае, если я получу сообщение о том, что закон, требующий моего вето, прошел через Конгресс и направлен мне, я вылечу в Тунис, чтобы получить его там, а затем вернусь на конференцию.

Я поэтому решил отправиться в Тегеран, и это меня особенно радует.

Как я общался Вам, я придаю чрезвычайное значение тому, чтобы Вы, г-н Черчилль и я встретились...

Мы все можем затем отправиться в Тегеран 26 ноября и встретиться с Вами там 27, 28, 29 или 30 и будем совещаться столько, сколько Вы сочтете возможным находиться в отъезде...

8 ноября 1943 года

Лично и секретно от премьера И.В. Сталина президенту Франклину Д. Рузвельту.

...Ваш план организации нашей встречи в Иране я принимаю. Надеюсь, что с этим согласится и г. Черчилль.

10 ноября 1943 года

— Черчилль согласился, — пробормотал Уайт. Он закрыл пайку, крупным размашистым почерком написал на ней “Эврика” и спрятал в сейф. Советник посмотрел на часы — четверть двенадцатого. Через пятнадцать минут начнется получасовой перерыв на ленч в правительственных учреждениях.

Уайт вышел из кабинета, бросив на ходу секретарше:

— Мэри, я пошел перекусить.

— Домой? — спросила секретарша.

— Нет, где-нибудь поблизости, пока не начался перерыв; надоела толкотня.

Едва Уайт вышел из Белого дома, как к нему подскочил шофер.

— Не надо, — отмахнулся Уайт, — хочу пройтись пешком. Он пошел по Констатьюшен-авеню вдоль строгих фасадов правительственных зданий.

В сквере, мимо которого проходил Уайт, было много женщин в пестрых платьях, с детскими колясками; ребятишки постарше весело резвились около них. Два садовника озабоченно копались у цветочной клумбы. По улице неслись потоки машин. Никто не сказал бы, что эта страна принимает участие в войне. Война была слишком далеко. И только очень наблюдательный человек заметил бы, что среди пешеходов несколько больше военных, чем встречалось три года тому назад.

Навстречу Уайту из-за угла вышел молодой полковник.

— Хелло, Джонсон! — приветствовал его советник. — Вы как раз нужны мне.

— Я шел к вам.

Уайт взял полковника под руку и отвел в сторону в подъезд какого-то дома.

— Вы знаете, что предстоит конференция Большой Тройки? — спросил он полковника.

Джонсон утвердительно наклонил голову.

---

¹ Получено 25 октября 1943 года.

— Теперь определилось, что состоится она в конце ноября в Тегеране. Надо готовиться, — прошептал Уайт, хотя вокруг никого не было.

— Сделаем все, что нужно. Во всяком случае, безопасность президента будет обеспечена.

— Надеюсь, вы понимаете, что всю подготовку к отъезду президента надо облечь в строгую тайну, — еще тише прошептал Уайт. — Не привлекайте слишком много людей к этому делу.

— У нас вполне надежные работники, — заметил полковник.

— Я все же настаиваю на своей просьбе.

Джонсон понимающе кивнул головой.

— Пойдемте закусим, — предложил Уайт. Они зашли в первый попавшийся им ресторан...

На следующий день германская разведка приняла радиограмму, в которой ее агент в США сообщил дату и место предстоящей конференции глав трех держав.

XIII

В кабинете было тихо. Илья склонился над кипой иранских газет. Негромко зазвонил телефон.

— Майор Вальтер Шульц слушает.

— Вас хочет видеть бригаденфюрер Шелленберг. Сейчас он у себя в Главном управлении имперской безопасности.

Илья узнал голос Канариса. Адмирал говорил глухо, монотонно.

— Взять с собой какие-нибудь документы?

— Нет, — протянул главный шеф военной разведки и положил трубку. Илья встал из-за стола, прошелся по комнате. Что это могло значить? Зачем он, незаметный офицер абвера, понадобился Шелленбергу, одному из ближайших помощников министра внутренних дел и генерального уполномоченного имперской безопасности Гимmlера.

Илья позвонил в гараж, вызвал машину. Готовый ко всему, он проверил, заряжен ли пистолет, и вышел из кабинета.

— Принц Альбрехтштрассе! — бросил Илья шоферу. Он уселся поудобней, снял фуражку и пригладил густую русую шевелюру.

Что ждет его у Шелленберга? Может быть, какая-нибудь ведомственная кляуза? Главное управление имперской безопасности ведет политическую разведку за границей. Поскольку практическую работу не всегда можно разграничить так, чтобы, ведя военную разведку, не касаться политических вопросов, и наоборот, между Главным управлением имперской безопасности, или РСХА, как его сокращенно именовали, и абвером происходили на этой почве частые стычки. РСХА давно вынашивало планы полного подчинения себе абвера. Кроме того, в систему Главного управления имперской безопасности входило гестапо, и поэтому РСХА занималось проверкой личного состава абвера с точки зрения политической благонадежности. Это еще более усиливало антагонизм между двумя ведомствами.

Илья подумал, что служебная склока еще полбеда, хуже, если он лично привлеч внимание Шелленберга. Не стало ли ему известно о том, что Вальтер Шульц живет по чужим документам? Но откуда? Якоб Шульц давно умер, и не осталось никого, кто мог бы изобличить Илью в подлоге. Не дошла ли до гестаповцев история с Гутманом?

А может быть, Шелленбергу стало известно самое главное — что Вальтер Шульц является чекистом?

Нет, если бы в распоряжении Главного управления имперской безопасности были какие-либо данные о причастности Вальтера Шульца к советской разведке, его не стали бы вызывать, а немедленно арестовали.

Автомобиль остановился перед мрачным зданием на Принц Альбрехтштрассе.

Кабинет с громоздкой старинной мебелью и огромным камином выглядел строго и мрачно. Угрюм был и его хозяин. За его спиной висел большой портрет фюрера. Шелленбергу было чуть больше тридцати лет, но выглядел он гораздо старше, желтый цвет лица свидетельствовал, что у него не в порядке печень.

— Майор Шульц, — представился Светлов.

Шелленберг указал глазами на кресло у стола. Светлов встречался как-то с Шелленбергом у одного высокопоставленного немецкого дипломата, был представлен Шелленбергу, но сейчас тот, видимо, его не узнал.

Усаживаясь, Светлов немного нервничал.

— Что за парашютисты у вас в Иране, расскажите подробнее, — без всяких предисловий начал Шелленберг.

У Светлова сразу отлегло от сердца. Вот, оказывается, зачем он понадобился.

— Как вам известно, после вторжения русских и англичан в Иран мы потеряли там почти всех кадровых работников, вследствие чего пришлось прибегнуть к засылке новых. Только на парашютах мы сбросили в марте и июле этого года девять человек, — докладывал Светлов.

Шелленберг не сводил с него своих пронизательных глаз, будто хотел залезть в душу.

— Уцелели ли у вас другие связи в Иране? У нас возникла необходимость провести в Тегеране очень серьезную операцию. Для этого нужен надежный человек, способный укрыть офицеров, которых мы туда

перебросим. Нужно такое же доверенное лицо на границе Ирана с Турцией. Можете вы нам обеспечить это? — Шелленберг вопросительно уставился на Светлова.

Не отводя глаз под его взглядом, Илья, немного подумав, сказал:

— В Тегеране у меня есть человек, которому можно верить вполне: он немец, переброшен нами туда совсем недавно. Обосновался под видом польского эмигранта Глушека. Начинает прививаться и пока вне подозрений.

— Это в Тегеране, — Шелленберг взял блокнот и записал туда данные о Глушеке. — А что у вас есть на границе?

— В Иранском Азербайджане, недалеко от турецкой границы, кочует шахсевенское племя Махмуд-бека. Бек учился в Германии, я с ним знаком еще по университету, он всецело на нашей стороне. В бытность мою в Иране я привлек его к работе. Он помог создать переправу через ирано-турецкую границу.

Шелленберг опять склонился над блокнотом.

— О нашем разговоре и о людях, названных здесь, должны знать только я и вы. Поняли? — и глаза Шелленберга вдруг так сверкнули, что не было нужды разъяснять, какие кары ожидают нарушителя. — Жду вас завтра в это же время, — сказал он и отодвинул в сторону блокнот.

Но дороге домой Светлов оглянулся, ему показалось, что следовавший за ним в отдалении “мерседес” он видел у здания Главного управления имперской безопасности.

Зайдя в комнату, Илья посмотрел в окно. Ничего подозрительного не заметил. Но у него не было сомнений, что Шелленберг, руководствуясь принципом “доверяй, но проверяй”, послал за ним агентов. Его, видимо, беспокоило, пойдет ли куда-нибудь Шульц рассказывать о своем разговоре в Главном управлении имперской безопасности.

Илья решил не выходить в этот вечер из дома.

В то время как Светлов отсиживался дома, Шелленберг поехал докладывать план операции Гиммлеру.

Кабинет руководителя всех карательных органов третьего рейха отличался особой помпезностью. Он был так же велик, как и кабинет фюрера, и обставлен с такой же роскошью. Узорчатый паркетный пол, старинные картины, гигантские гобелены, слева у входа — уголок гостиной с круглым столом и мягкой мебелью. Вдоль стен на подставках изящные статуэтки.

Гиммлер сидел за письменным столом в гимнастерке зеленовато-мышинного цвета. На рукаве красная повязка с черной свастикой.

Шелленберг выкинул в приветствии руку вперед и остановился посередине кабинета.

Гиммлер повел головой в сторону кресла, стоявшего у письменного стола. Шелленберг сел.

— Кому вы поручите подготовку укрытия наших боевиков в Тегеране? — спросил Гиммлер.

— Офицеру абвера Вальтеру Шульцу.

— Почему вы берете офицера из абвера? Разве у вас нет подходящего человека? — недовольным тоном спросил Гиммлер.

— Экселенц, майор Шульц работал в Иране, сохранил там связи, у него есть люди, которые нам потребуются. Он хорошо знает Иран, обстановку в стране, легко может снова попасть туда. Он проживал там по швейцарскому паспорту. Ничем себя в глазах местной контрразведки не скомпрометировал и сейчас может снова появиться в Тегеране со швейцарским паспортом.

— Почему он выехал из Ирана?

— Шульц участвовал в 1941 году в операции по выводу из строя иранских дорог, чтобы воспрепятствовать продвижению большевиков. В операцию он был включен в последний момент и почти не имел отношения к ее подготовке. Группу предал русский эмигрант, который входил в ее состав. Их арестовали военные власти красных. Шульцу и еще одному участнику удалось бежать.

— Не попадет ли он теперь в руки русских?

— Это исключается, экселенц. Никто из участников этой группы в Иране не появлялся, а о том, что Шульц живет в Иране по документам швейцарского гражданина, они не знали. Было известно об этом только майору Югансону, руководителю группы, который тоже попал к русским, но он не успел ничего сказать, так как был убит при попытке к бегству вскоре после ареста.

— А вы хорошо проверили этого Шульца? Учтите, если операция провалится, фюрер снимет нам головы.

— Мы его проверяли. Он племянник и воспитанник старого члена нашей партии Ганса Шульца, который известен фюреру еще по Мюнхену.

— Так это племянник старого Ганса! Как же, дядю его знаю хорошо. Недавно фюрер интересовался, жив ли старик. Ну, за его воспитанника можно быть спокойным, — облегченно вздохнул Гиммлер. — Я доложу об этом фюреру. Идея операции принадлежит ему.

Утром Светлов, как обычно, направился в абвер пешком. На пути остановился у газетного киоска. Было неприятно сознавать, что ты под наблюдением.

На работе Илья долго обдумывал, что сказать своему непосредственному шефу, полковнику фон Пахену, о вызове к Шелленбергу, но ничего вразумительного придумать не мог. К счастью, его никто об этом не спрашивал. Шеф был доволен, что он вернулся из Главного управления имперской безопасности, а не исчез, как многие другие.

В полдень Светлов пришел к Шелленбергу. Тот был значительно любезнее. Приглашая сесть, он даже попытался улыбнуться, но вместо улыбки на его угрюмом лице промелькнула какая-то неопределенная гримаса.

— Мы включаем вас в операцию. Поэтому буду откровенен. В ближайшее время в Тегеране должны собраться Сталин, Рузвельт и Черчилль. Наша задача — сорвать эту встречу. Удачный исход задуманного может благоприятно отразиться на ходе войны. Операцией интересуется сам фюрер. — Шелленберг с благоговением закатил глаза. Илья был ошеломлен. Ясно, что значит — сорвать встречу. Потребовалось колоссальное усилие, чтобы не выдать себя. Вот когда нужен весь опыт, вся самоотверженность, чтобы предотвратить замышляемое злодеяние. Он понимал, что на его плечи легла огромная ответственность.

— По каким документам вы были в Иране?

— По паспорту швейцарского подданного Самуэля Зульцера, коммерсанта, — не обнаруживая своего волнения, ответил Илья.

— Под этой фамилией поедете в Иран вторично. Вы, конечно, понимаете, что, сидя в Берлине, нельзя сделать того, что возлагается на вас.

— Разумеется, герр бригаденфюрер.

— Вы холост?

— Да, герр бригаденфюрер.

— На этот раз придется поехать с женой, — осклабился Шелленберг и, не обращая внимания на недоуменный взгляд Ильи, нажал кнопку на столе.

Появился адъютант.

— Фрау Анну Штайнер ко мне, — отрывисто буркнул Шелленберг.

Едва адъютант скрылся за дверью, как появилась девушка лет двадцати пяти, видимо ожидавшая вызова тут же рядом. Смутно догадываясь, в чем дело, Илья разглядывал эту довольно миловидную и скромную на вид блондинку с большими голубыми глазами. В несколько старомодном костюме, она производила впечатление молодой жены, всецело поглощенной домашними делами. Никому никогда бы не могла прийти мысль, что эта девушка может иметь отношение к разведке.

— Анни, с настоящей минуты вы госпожа Зульцер, жена вот этого молодого швейцарца Самуэля Зульцера. Обо всем остальном вам уже известно. Я пригласил вас, чтобы представить друг другу. — И довольный не совсем обычной сценой, ухмыляющийся Шелленберг выпроводил девушку из кабинета.

Илья был несколько озадачен. Постоянное присутствие чужого человека все осложнит, но возразить против посылки Анны Штайнер — значит поставить себя под подозрение, а может быть, и под угрозу отстранения от участия в подготовке покушения.

Какими глазами он будет смотреть на Роушан, вернувшись в Иран с женой? Но он отогнал эту мысль. Вряд ли Роушан будет ждать его целых два года, не имея никаких вестей. Родители давно постарались, наверно, выдать ее за какого-нибудь самостоятельного иранца.

— Не думайте, что мы посылаем с вами Анну как контролера. Если бы мы сомневались в вас, то привлекли бы другого человека. Она радистка, умна, расторопна. Будет с кем посоветоваться. Кроме того, вы должны принять в Иране гостей из Берлина, и хозяйка вам обязательно потребуется.

— Вы правы, герр бригаденфюрер.

— Я не буду вас заново учить конспирации, осторожности, но помните: вам поручено исключительно серьезное дело, и надо призвать на помощь весь опыт, все способности. У вас три основных задачи, которые придется решать самостоятельно. Первая — это встреча парашютистов. Сброшены они будут ночью; место выбирайте абсолютно безопасное. Ориентиры, координаты, которые вы сообщите, должны быть точными. Этой же ночью группу надо отправить в Тегеран. Предусмотрите все, чтобы исключить возможность каких-либо неожиданностей в пути. Все следует рассчитать так, чтобы в Тегеран они прибыли тоже ночью, лучше переждать в пути. Задерживать их у шахсевенского бека не следует. Я знаю, как на Востоке распространяются слухи. В тот же день вся округа будет знать о приезде гостей, — Шелленберг улыбнулся.

— Это верно, герр бригаденфюрер, — поддакнул Светлов.

— Не меньшая осторожность нужна и в Тегеране. О их приезде не должна знать ни одна душа, за исключением особо доверенных лиц. Это ваша вторая задача. И наконец, последняя задача — снять три небольших домика, каких в Тегеране много, чтобы из них были видны здания русского, английского и американского посольств. Нам важно наблюдать за въездом и выездом людей из посольств хотя бы в бинокль. Дома нужны более или менее изолированные от соседних, ну, скажем, с какими-нибудь садиками. Остальные указания вы получите от руководителя группы, который прибудет с парашютистами. Все понятно?

— Да, экссленц.

— Завтра же по документам, которые я вам вручу, нужно выехать в Швейцарию, получить там у чиновника нашего посольства Линденблатта швейцарские паспорта и, не задерживаясь, отправиться в Иран. Как будем поддерживать связь?

— У меня там припрятана рация.

— Это хорошо. Схему связи с нами вы получите на вокзале завтра. Необходимая сумма денег вам будет переведена из Швейцарии. По указанию фюрера, в целях сохранения тайны все участники этой операции с завтрашнего дня переходят на казарменное положение, без общения с внешним миром. На свободе остаетесь вы и Анна. Если слухи об операции разойдутся, то будет ясно, откуда они исходят, — Шелленберг опять

бросил на Илью свирепый взгляд. — Возвращаться в абвер не надо. Дяде и знакомым скажете, что едете на фронт.

В приемной перед кабинетом Шелленберга Анна встретила Илью виноватой улыбкой, словно извинялась, что ее навязали ему в спутницы. Илья сразу взял в разговоре дружеский тон. Они договорились о встрече на вокзале, и Светлов вышел на улицу. Единственно, что занимало его сейчас, — как можно быстрее сообщить в Москву о заговоре. Но как это сделать, чтобы не заметили наблюдавшие за ним гестаповские ищейки? Как дать знать радисту, что есть срочное сообщение?

Дома он составил на маленьком листке сообщение о своей беседе с Шелленбергом, скатал листок в трубочку чуть потолще спички. Чтобы скоротать время до вечера, стал звонить знакомым, сообщая, что внезапно получил приказание выехать на фронт по делам своего учреждения. Первым долгом он позвонил Эльзе фон Микк.

Эльза попросила, чтобы он приехал к ней проститься. Он сказал, что приказ получен внезапно, времени мало и вряд ли успеет... Эльза приуныла.

Более часа ушло на телефонные звонки.

После обеда Светлов положил донесение в тайник — на перилах в подъезде дома, где он жил, и вышел на улицу. У одного из телефонных автоматов остановил машину, зашел в будку и набрал нужный номер. Не успев отвести руку от диска, почувствовал, что кто-то подошел.

— Простите, я набрал не тот номер. Еще раз прошу извинить мою рассеянность, — произнес Илья условную фразу ответившему по телефону Довгеру. Повесив трубку, он тут же стал звонить домой. Стоявший у будки человек видел, какой он набирает номер. Светлов попросил Амалию сказать дяде, что не вернется к ужину.

Выходя из будки, Светлов посмотрел на подошедшего. Это был щупленький парень с лицом, густо усеянным веснушками.

Илья был доволен. Увидеть, какой он набрал номер первый раз, парень не успел, а условный сигнал подан. Сегодня между 8 и 10 часами вечера радист заберет сообщение из тайника. Теперь задача — отвести наблюдение от дома на это время. Надо часов до одиннадцати не возвращаться домой и держать наблюдение в стороне. Но куда деться? Лучше всего поехать попрощаться с Эльзой. Илья посмотрел на часы — четверть восьмого. Ехать к Эльзе еще рано. Он остановился у кафе.

Посетителей в нем было не много. В запущенном зале несколько стариков сидели за чашками суррогатного кофе, пристально вглядываясь в строки газетных сообщений о военных действиях. Эти умудренные жизнью люди старались вычитать между трескучими строками правду о положении на фронтах. Поодаль какой-то молодой человек расплачивался с официантом. Илья невольно задержал на нем взгляд. Теперь редко можно было встретить молодого человека в штатском. Но вот он вышел из-за стола и с трудом пошел к двери, поскрипывая еще совсем новыми протезами.

Надо было проторчать в унылом заведении целый час, но другого выхода не было. Он заказал кофе и свежий номер “Фолькишер беобахтер”.

Когда он вышел на улицу, был уже девятый час. Садясь в машину, Илья обратил внимание, что на одной из соседних улиц стоит уже знакомый ему “мерседес”, а рядом прохаживается веснушчатый парень, который торчал у телефонной будки. Илья поехал к дому Эльзы. Оставалось каких-нибудь полкилометра пути, как вдруг раздался сигнал тревоги. По небу забегали белые полосы прожекторов, загрели выстрелы зениток, раздались первые разрывы бомб. Илья оглянулся, “мерседес” стоял, а ехавшие в нем гестаповцы бежали к ближайшему бомбоубежищу.

Усмехнувшись, Илья поехал дальше, но подумал, что, как только прозвучит сигнал отбоя, гестаповцы бросятся искать его и первым делом, конечно, кинутся к нему домой, Илья забеспокоился. Вдруг они столкнутся с Довгером, когда тот придет за сообщением. Это было очень опасно. Надо предупредить Довгера. Илья развернул машину, поехал к дому.

Бомбы рвались в стороне, машина Ильи неслась по опустевшим улицам, патрульные, укрывшиеся в подъездах дома, отчаянно махали руками, чтобы он остановился, но Илья и не подумал этого сделать. Угроза, которая нависла над связником, заставила забыть об опасности. У дома он выскочил из машины и бросился в подъезд. Тайник был пуст. На сердце стало легче. Надо переждать бомбежку и ехать к Эльзе, решил Илья. Выйдя на улицу, он заметил, что в разрушенный прежними бомбежками дом напротив снова попала бомба. Стена угрожающе накренилась, достаточно было самого легкого сотрясения, чтобы она рухнула на улицу. У подъезда дома лежал раненый. Всмотревшись, Илья узнал Довгера. Он кинулся к нему. Стена, покачнувшись, рассыпалась на части. Пыль густой завесой закрыла развалины и бросившегося к ним Илью. Когда пыль рассеялась, в уцелевшем дверном проеме показался Илья. Прижавшись к косяку, он держал на руках Довгера. Он успел все-таки выхватить связника из-под посыпавшихся камней.

Илья, рассмотрев сквозь медленно оседавшую пыль свою машину, понес Довгера к ней, уложил на заднее сиденье и поехал к нему на квартиру. В опустевшем доме их встретила Марта Довгер, которая ждала мужа и из-за этого не пошла в бомбоубежище.

— Что с ним? — крикнула она и бросилась к мужу.

— Не беспокойтесь. По-моему, ничего серьезного нет. Дайте воды и бинт.

Марта побежала на кухню, принесла таз воды и бинт.

Илья промыл раны на голове Довгера. Как он и думал, раны оказались неглубокими, кости не были повреждены. Когда Илья делал перевязку, Довгер очнулся. Первым делом он достал из кармана пиджака донесение.

— Ох, и попал я в перепалку, Марта. Как только кончится бомбежка, передай это по радию.

Обернувшись к Илье, он взял его за руку.

— Никто не видел нас вместе?

— Нет, все попрятались в бомбоубежища.

— Нельзя, чтобы вас застали здесь мои соседи. Как только окончится налет, они выйдут на свет божий и обязательно зайдут к нам, раз нас не было в убежище. Вам лучше уйти. Вы еще в форме.

— Жаль, что нам так и не удастся поговорить, — сказал Илья, надевая плащ.

— Ничего, мы еще успеем наговориться и вспомним былое. Победа близка.

Светлов поехал к Эльзе. В пути его застал отбой.

Первым, кого встретил Илья в доме фон Микк, был Шмунд. Он бродил по пустому дому и что-то бормотал. Увидев Илью, сразу направился в его сторону.

— Беда, большая беда, все-таки разбомбили. Что теперь делать? — с отчаянием в голосе произнес Шмунд.

Илья ничего не понимал.

— Все-таки разбомбили, — опять повторил Шмунд.

— Что разбомбили?

— Сборочный цех. Сердце нашего завода. Не меньше как на два месяца остановится выпуск танков. Это убийственно.

— А нельзя восстановить раньше?

Шмунд пустился в пространные объяснения, почему сделать это раньше невозможно.

Илье предстояло выслушать скучные разъяснения с цифровыми выкладками. Вошла Эльза.

— Аким, перестань. Кому это интересно? Ты так сокрушаешься, словно разбомбили твой дом, или можно подумать, что ты был компаньоном Круппа.

Шмунд оборвал себя на полуслове и, виновато улыбаясь, опустился в кресло.

Возвратился домой Илья далеко за полночь.

Сон никак не приходил. Он думал, что сейчас в Москве тоже ночь, но сообщение наверняка дошло до адресата. Там уже знают о готовящейся покушении. Узнают и сделают все, чтобы предотвратить его. Многое теперь зависит от него, Ильи Светлова. Вот когда придется держать самый трудный в жизни экзамен...

XIV

После настойчивых уверений, что у него вопрос государственной важности, Гиммлер добился разрешения посетить Гитлера, который простудился и выехал на несколько дней на свою виллу “Сераль” в Верхтесгадене, на австрийской границе. Он всегда приезжал туда, когда болел или хотел удалиться от дел.

Гиммлер взял с собой Шелленберга. Гитлер мог поинтересоваться деталями операции. До Мюнхена два корифея фашистской разведки летели на самолете. На рассвете они тронулись в дальнейший путь на черном “мерседесе”.

Шоссе вилось по склону горы, покрытой тронутой багрянцем зеленью, сквозь которую виднелись красивые домики. Здесь, среди лесов и лугов, была вилла Гитлера. Был уже полдень, когда они доехали до места назначения.

Вилла была обнесена высоким забором, за которым близко друг от друга стояла охрана из специально подобранных рослых эсэсовцев.

В вестибюле Гиммлера и Шелленберга встречал Шауб — адъютант Гитлера. Тут же был и его терапевт Морелль. Он предупредил, чтобы не переутомляли Гитлера: он довольно серьезно простужен и нуждается в покое. Гитлер принял Гиммлера и Шелленберга в кабинете, одетый по-домашнему. Он сидел в глубоком кресле. Маленький столик был заставлен склянками и коробками с медикаментами.

Сутулая фигура фюрера казалась еще больше сгорбившейся, а бледное одутловатое лицо совсем заплывшим, его острый, угреватый нос, нелепо торчавший над коротко подстриженными усами, заострился, как у мертвеца. Видно, он действительно плохо чувствовал себя.

Кроме того, Гитлер был расстроен. Он только что выслушал доклад главного командующего сухопутными войсками Кейтеля. Русские продвигались по Белоруссии с поразительной быстротой. На Украине в нескольких местах форсирован Днепр, под угрозой оказался Киев. Войскам на Украинском фронте грозило окружение, а находящиеся в Крыму могли быть отрезанными. Не лучше шли дела и на других фронтах. В Италии вот-вот падет крепость Монте-Кассино, закрывавшая путь в Рим.

Увидев Гиммлера и Шелленберга, Гитлер оживился.

— Ну что, удастся одним ударом сокрушить трех китов? — обратился он к Гиммлеру.

— Да, мой фюрер. Есть точные сведения, встреча состоится в конце ноября в Тегеране.

Гитлер встал с места и в нервном возбуждении зашагал по кабинету. Глаза его лихорадочно заблестели.

— Это сейчас как нельзя кстати.

Он подошел к креслу и сел.

— Как вы думаете организовать операцию?

Гиммлер доложил в общих чертах. Держался он подчеркнуто свободно. Гитлер, казалось, не замечал этого.

Властолюбивый “Железный Генрих” занимал бесчисленное количество высоких должностей и был в фаворе у Гитлера, но не поэтому он так независимо вел себя в присутствии фюрера. Многие знали, что этот суеверный человек, проводивший свой досуг за гаданием на картах, труслив и нерешителен. Видимо, что-то личное крепко связывало его с Гитлером и придавало ему уверенность в неизменно хорошем отношении к нему фюрера.

Выслушав Гиммлера, Гитлер встал и быстро заходил по комнате. Гиммлер остался сидеть.

Шелленберг, вытянувшись, стоял. Только глаза бегали из стороны в сторону, следя за фюрером. Он старался заглянуть в синие выпученные глаза фюрера, но тот слишком быстро шагал по кабинету, заметно волоча правую ногу.

Фюрер напряженно думал. Это было время, когда у него самого поколебалась уверенность в победе. То, о чем доложил Гиммлер, давало возможность в такой трудный момент повлиять на ход войны. Надо только умело использовать все. Неожиданно Гитлер повернул в сторону Шелленберга и, взяв под руку растерявшегося “аса” мокрых дел, спросил:

— Подготовлены ли люди для этой операции?

— Да, мой фюрер. Сформирована группа боевых офицеров, которую пошлем в Иран. Там у нас сохранились нужные связи. Мы направили туда дельного офицера, он подготовит все для приема наших людей. — Шелленберг умолчал, что связи и офицер не его ведомства, а военной разведки. — Кроме того, в Иране уже есть группа парашютистов. В ее составе опытные разведчики, на которых вполне можно положиться. Мы подготовили их на случай, если почему-либо не сможем перебросить в Иран группу отсюда.

Гитлер был доволен. Он отпустил Шелленберга. Гиммлер остался. Им надо было обсудить тревожные сведения об очередном антифашистском заговоре.

XV

Осенние свинцовые тучи заволокли московское небо, словно над столицей собралась вся гарь войны. Город имел суровый военный облик. Над домами, причудливо раскрашенными зелеными и коричневыми разводами, с окнами, пестревшими бумажными полосками, подняли шары воздушного заграждения.

По Театральному проезду, лавируя среди грузовиков с военным снаряжением, автобусов с ранеными, тягачей, тащившими за собой орудия, спускалась “эмка”. На Манежной площади она свернула к Кремлю.

У здания Совнаркома из машины вышел Николай Федорович Авдеев.

В приемной на втором этаже, куда поднялся Авдеев, было пусто, рядом в кабинете шло совещание, там находился ответственный работник органов государственной безопасности генерал-майор Василий Иванович Панков. Он-то и нужен был Авдееву.

Дежурный, выслушав просьбу полковника, скрылся за тяжелой дубовой дверью и через несколько минут появился вместе с Панковым. Высокий, худой, немного сутулый генерал с тревогой посмотрел на своего помощника. Он знал, что тот не стал бы вызывать его с совещания, если бы не важное событие.

— Что стряслось, Николай Федорович? — спросил он и, показав в угол, где стояли у столика два кресла, сказал: — Пойдемте сядем.

Они уселись.

— Получены данные, что немцы готовят покушение на “Большую Тройку” во время тегеранской конференции, — доложил Николай Федорович.

Панков недавно пришел в органы госбезопасности с партийной работы. Первое время Авдеев настороженно присматривался к нему, но вскоре убедился, что Панков человек знающий и эрудированный, он быстро вошел в курс чекистской работы и заслужил доверие и уважение подчиненных. Панков сумел разобраться в их сильных и слабых сторонах, умел ценить опыт старых работников.

— Это сообщил Светлов? — спокойно спросил генерал.

— Да. Он редко пишет, но уж если придет весточку, то обязательно важную, — ответил Авдеев, передавая генералу донесение.

— Почему Светлов не сообщил нам раньше о засылке немцами Глушека в Иран? — спросил Панков.

— Он недавно писал, что готовится такая засылка и что все данные об агенте сообщит позже, но Довгер что-то забеспокоился, нам пришлось дать указание выходить в эфир реже, передавать только важные сообщения. В этой телеграмме о поляке он, кроме фамилии, ничего не смог сообщить. Я поручил нашим в Тегеране найти Глушека.

— Придется сейчас же после совещания доложить о заговоре. Вы не захватили с собой дела Светлова?

Авдеев вынул из портфеля папку и передал генералу.

— Надо освежить в памяти данные о нем. Там при докладе наверняка поинтересуются, что он собой представляет, — Панков вынул из дела фотографию Ильи в форме капитана абвера.

- Это последняя?
- Да, Василий Иванович. Но недавно он получил чин майора.
- Отец у него погиб, по-моему, а мать умерла; другие родственники у него есть?
- В Средней Азии живут два двоюродных брата отца, в Саратове есть родственники по линии матери.

Но Светлов никогда их не видел и не переписывался с ними.

- С какого года он в партии?
- Его приняли перед самым отъездом в Германию.
- Где сейчас настоящий Фридрих Шульц?
- Он с женой в Новосибирске. Работает на заводе.

Панков молча просмотрел дело и вернул его Авдееву.

— Трудно пришлось бы нам, если бы наше правительство согласилось на встречу “Большой Тройки” под Каиром или где-то поблизости от Багдада, как предлагал Рузвельт, — сказал Панков. — Там немцы запросто могли бы осуществить свой план. В Иране все-таки стоят союзные войска.

- Но откуда к немцам просочились сведения о месте созыва конференции?

Панков пожал плечами.

— Кто знает. Придется нам с вами выехать в Иран. В Тегеране надо будет встречаться со Светловым. Да и к месту событий следует быть ближе.

- Согласен.

— Давайте на этом пока и закончим, — сказал, поднимаясь, Панков. — Я доложу о полученных сведениях. Вечером встретимся, — он кивнул Авдееву и ушел на совещание.

XVI

Большая комната с трюмо, столиками, креслами напоминала вестибюль недорогой гостиницы, только письменный стол да огромный портрет шаха на стене за ним говорили, что это кабинет иранского чиновника.

В кабинет вошел полицейский полковник. Подошел к зеркалу, посмотрел на свою обрюзгшую физиономию. Нахмурившись, резко отвернулся и шагнул к окну. Лицо его моментально оживилось. По тротуару семенила кругобедрая девушка. Он проводил ее долгим взглядом и, посмотрев на впадины от каблук, оставшиеся на асфальте, улыбнулся.

- Как следы пробежавшего джейрана, — с наслаждением произнес он и сел за письменный стол.

В дверь заглянул высокий ажан с длинным костлявым лицом.

- Кто там? — спросил полковник.

— Русский офицер господин Смирнов, — испуганно доложил ажан, словно в приемную ворвался бежавший из зверинца тигр.

Несмотря на то что Смирнов бывал здесь уже много раз, ажан никак не мог привыкнуть к его появлениям. Еще недавно за знакомство с советскими людьми сажали в тюрьму. Немало повидал ажан людей, которых арестовывали только за то, что имели родственников в Советском Союзе. А теперь вдруг вот так, запросто, приходит в полицию советский офицер.

- Проси, — приказал полковник ажану и торопливо поднялся из-за стола.

- Здравствуйте, господин полковник, — приветствовал его Смирнов на персидском языке.

Олег Смирнов, смуглый худощавый брюнет с карими глазами походил скорее на обитателя знойных пустынь, чем на русского. Если бы не форма советского офицера, его нельзя было бы отличить от перса.

Каждый раз, пожимая руку Смирнова и чувствуя, что на ней не хватает пальцев, полковник испытывал уважение к этому молодому офицеру, уже побывавшему на фронте.

— Милости прошу, присаживайтесь, — несколько раз повторил он подчеркнуто почтительным тоном. — Чаю! — приказал полковник ажану, застывшему в дверях.

Смирнов сел на диван. Полковник Самии опустился в кресло рядом.

Вначале полковник по традиции подробно расспросил Смирнова о здоровье, о семье. Без такого вступления в Иране не начинается ни один деловой разговор. Выполнив долг приличия, Самии стал сетовать на сложность обстановки в стране: ведь на некоторых постах еще сохранились скрытые профашисты.

Снова появился ажан. Он принес маленькие стаканы с крепким чаем и вазочку с мелко наколотым сахаром. Поставив все это перед гостем, полицейский, осторожно ступая, точно боялся разбудить спящих, удалился. Смирнов воспользовался паузой в разговоре и сказал, что ему нужна книга учета эмигрантов.

Полковник поднял телефонную трубку, набрал номер и процедил сквозь зубы:

- Зайдите с книгой учета эмигрантов.

Не прошло минуты, как в кабинет вошел сутулый майор с красными слезящимися глазами, в руках у него была толстая конторская книга. Он поклонился и застыл на месте.

— Передайте господину капитану, — приказал Самии.

Майор с поклоном протянул книгу, держа ее на обеих ладонях, словно преподносил хлеб с солью. Он много лет руководил слежкой за советскими представителями в Иране. Правда, в глубине души майор никогда не испытывал к ним вражды и лично не встречался с ними. Следил, раз требовала служба.

Передав книгу Смирнову, майор ушел. Самии сел за свой стол и углубился в чтение бумаг.

Смирнов внимательно просматривал книгу. Когда он закончил и отдал ее полковнику, тот, улыбаясь, сказал:

— Наверное, ничего не нашли? Чувствую по тому, что не делали записей.

— Да, того, что меня интересует, в книге нет.

— Может, требуется наша помощь?

— Нет, спасибо, не хочется вас беспокоить, — сказал Смирнов и, попрощавшись, вышел.

Но только внешне Смирнов был спокоен. Тревога охватила его. Совершенно непредвиденное обстоятельство — в списках польских эмигрантов значилось два Глушека. Который из них немецкий агент? Как разобраться в этом за несколько дней до приезда генерала Панкова и полковника Авдеева?

Один Глушек, Анджей, инженер-строитель, одинокий, шестидесятилетний старик живет по хиабане Казвин в собственном доме. Другой Глушек, Владек, сорока лет, женатый, живет в противоположной части города, не работает.

Пришлось установить наблюдение за обоими. Выяснилось, что Анджей Глушек вел себя спокойно, почти нигде не бывал, целые дни проводил в строительной фирме. Туда к нему заходили знакомые, чаще других содержатель ночного притона Гусейн-хан.

Анджей произвел на Смирнова впечатление безобидного старого болтуна: был необычайно общителен на службе, не отпускал ни одного человека, заговорившего с ним, чтобы не рассказать какую-нибудь историю, якобы случившуюся с ним. Внешне Анджей выглядел неопрятно: костюм засален, шнурки туфель не завязаны.

Владек Глушек, наоборот, вел себя подозрительно. Каждое утро — объезжал на машине кафе, посещаемые американскими военнослужащими, и, найдя американского сержанта, долговязого великана, весь день не спускал с него глаз.

Долго ломал голову Смирнов над тем, почему Владек так упорно преследует сержанта. Конечно, какие-то политические мотивы, другого объяснения Смирнов не находил. Наверно, сержант привлек внимание немецкой разведки.

Смирнов решил понаблюдать за Владексом сам. Он долго ездил за ним следом. Однажды Владек увидел сержанта в кафе и стал ждать, когда он выйдет. Через час американец появился, ведя под руку высокую полную даму. Владек выскочил из машины, двинулся к ним и начал было что-то возбужденно говорить даме, но тут же отпрянул, получив от нее увесистую пощечину. Сержант юркнул в кафе. Дама схватила Владека за руку и потащила к машине. Втолкнула его туда, сама уселась за руль и погнала машину к дому Владека.

Смирнов усмехнулся. Он узнал жену Владека.

Когда Смирнов возвратился к себе, сотрудники, наблюдавшие за Анджеем Глушексом, доложили, что поляк рано утром, до работы, выезжал за город и, отъехав от Тегерана в сторону дачной местности Демавенд, свернул в лес и там провел сеанс связи по рации, которая укрыта у него в машине. Немецкий агент был установлен. Смирнов вздохнул свободнее.

Пассажирский самолет приближался к Баку. Здесь он должен был сделать остановку, а затем лететь дальше, в Тегеран.

Среди пассажиров были генерал Панков и полковник Авдеев. Они сидели молча. Вдруг Авдеев резко поднял голову и хотел что-то сказать о деле, которое занимало их обоих, но вспомнил, где находится, задал Панкову первый пришедший в голову вопрос:

— Интересно, какая скорость у нашего самолета?

— Наверно, километров двести, — ответил Панков.

— Ах, как нужно было бы поговорить, — прошептал Авдеев, оглядывая пассажиров.

— Скоро будем в Баку, — заметил Панков, и оба снова замолчали.

Авдеев иногда погирал рукой грудь: в последнее время что-то стало сдавать сердце.

Под крылом самолета показался Баку. Город амфитеатром спускался к морю и заканчивался на берегу зеленой полосой бульвара. В центре, как небольшой островок, затерявшийся в океане высоких строений, виднелся старый Баку, опоясанный крепостными стенами, с древними постройками и минаретами.

На аэродроме Панкова и Авдеева встретил сотрудник местного аппарата государственной безопасности и, проводив их в служебное помещение, вручил сообщение из Москвы, посланное им вдогонку. Это было

донесение из-под Ровно начальника партизанского отряда Д.Н.Медведева о подготовке террористического акта против “Большой Тройки”, о попытке немцев привлечь советского разведчика Николая Кузнецова, действовавшего в тылу немцев под видом обер-лейтенанта Пауля Зиберта, к участию в этом покушении и о том, что вербовавший Кузнецова штурмбаннфюрер СС фон Ортель внезапно исчез.

— Видимо, его вызвали в Берлин и перевели на казарменное положение, как и других участников заговора, — заметил Панков.

— Данные Светлова подтвердились. Не считаете ли вы нужным, Василий Иванович, перебросить в Тегеран для усиления охраны конференции один из полков, стоящих на севере Ирана?

— Наше руководство было против посылки войск в Тегеран, но теперь, я думаю, следовало бы пойти на это.

— И надо побольше командировать туда чекистов.

— Одна группа вылетает вслед за нами, — сказал Панков. — А кого можно сейчас использовать в Тегеране?

— Думаю, самым подходящим будет Олег Смирнов.

— Ну что же, пожалуй, он справится.

— В Смирнове мы не ошибемся. Он серьезный работник. Прекрасно говорит по-персидски, знает страну, имеет там обширные связи, а главное, внешне ничем не отличается от окружающих, ну чистый перс. Единственный недостаток — любит щегольнуть персидскими поговорками, вставляя их в русскую речь, — улыбнулся Авдеев.

— Независимо от того, что Глушек должен действовать только по указаниям Светлова, за ним надо установить наблюдение. Мало ли что могут придумать немцы. Но сделать нужно осторожно, чтобы не спугнуть Глушка и не повредить Светлову.

— Я телеграфировал об этом Смирнову. В двенадцать ноль-ноль мы будем на месте. Остановимся в гостинице “Надыра”, а вести все разговоры придется в одном из наших военных учреждений.

— Пассажиры, направляющихся в Тегеран, приглашаем в самолет, — объявили по радио.

Панков и Авдеев пошли к самолету. Через два часа под крыльями самолета показался Тегеран. Город, залитый солнцем, лежал в полукольце гор, среди которых возвышался снежный купол потухшего вулкана Демавенд. Небольшой современный центр с невысокими светлыми зданиями, широкими улицами, площадями, парками был окружен окраинами. Они казались сверху необитаемыми. Запутанная сеть глинобитных заборов, между которыми ютились приземистые мазанки. Кое-где эту унылую картину оживляли устремившиеся вверх стрелы минаретов.

— Наверно, жарко? — спросил Панков, не бывавший в Тегеране.

— Градусов тридцать, а вот отъехать несколько десятков километров к Демавенду, и можно ходить на лыжах. Многие, кому, конечно, по карману, развлекаются там, — сказал Авдеев.

На аэродроме Панкова и Авдеева встретил сотрудник советского посольства, и они поехали в город.

Панков с интересом рассматривал караван-сарай, домики, которые стояли за высокими дувалами, скрывавшими от постороннего взгляда жизнь их обитателей. Иногда в раскрытые калитки можно было увидеть неуклюжие, прижатые к земле, некрашенные хижины, будто слепленные неумелыми руками из глины, взятой тут же из-под ног. Промелькнули окраины Тегерана. Начался современный город. На ярких вывесках и рекламных щитах арабская вязь расхваливала достоинства различных товаров. По улице в полнейшем хаосе, стараясь обогнать друг друга, неслись вереницы старомодных автомобилей, дребезжавших автобусов. Тут же, издавая лающие звуки рожками с резиновыми грушами, пробирались фазтоны. В шумном потоке машин и дрожек¹, казалось в панике спешивших укрыться от палящего солнца, неторопливо вышагивали верблюды, хмуро поглядывая по сторонам. Изредка появлялись комфортабельные лимузины. Они, словно боясь запачкаться, осторожно лавировали в этой сумятице.

— Ну, вот и доехали, — указал Авдеев на густой парк, окружавший здание советского посольства.

Панков и Авдеев недолго пробыли в посольстве. Вскоре они въехали в одно из военных учреждений, в помещении которого им предстояло работать. Вызвали Смирнова.

— Жена передала вам письмо и посылку, — улыбнулся Панков. — Небось не терпится, читайте письмо. А мы с Николаем Федоровичем пока поговорим.

Они отошли к окну. Олег стал читать письмо. Радостная улыбка не сходила с его лица.

— Дома все благополучно? — спросил Авдеев.

— Спасибо, все хорошо, — улыбнулся Олег.

— Ну, давайте перейдем к делу, — предложил Панков. — Расскажите подробно, удалось ли вам установить немецкого агента?

— Исходя из ваших указаний, я попытался сделать это сам, не прибегая к посторонней помощи. Самый быстрый и удобный способ — обнаружить его по книге местной полиции. В ней учитываются эмигранты, проживающие в Тегеране. Я часто пользуюсь этой книгой. В полиции знают меня как представителя советских военных властей и дают книгу беспрепятственно. В ней указан род занятий каждого эмигранта, адрес и другие сведения.

---

¹ Так иранцы называют фазтоны.

Когда Смирнов сказал о том, что Глушеков в Тегеране два, Панков и Авдеев недоуменно переглянулись и нахмурились, но по мере того как Смирнов рассказывал, лица их прояснились. Когда же Олег рассказал о пощечине, которую получил Владек, они рассмеялись.

Для Панкова и Авдеева началась большая и напряженная работа. Надо было обезопасить конференцию от остатков немецкой агентуры, которые еще сохранились в Тегеране в глубоком подполье. Нельзя было исключать и того, что немцы помимо заговора, к которому был привлечен Светлов, готовили параллельно второй вариант. А Светлов все не приезжал в Тегеран, хотя срок встречи прошел. Панкова и Авдеева охватило беспокойство. Что с ним? Они ежедневно встречали самолеты, на которых он мог прилететь, но Светлова все не было.

XVII

На вокзале в Берне Илью и Анну ожидал “мерседес”. За рулем сидел Линденблатт, чиновник германского посольства в Берне, о котором говорил Шелленберг. В черном костюме из глянцевиной ткани, с волосами, смазанными бриллиантином, и с угодливой улыбкой на тщательно выбритом лице, Линденблатт казался гладеньким до блеска.

— Приветствую вас, герр и фрау Зульцер. Ваши документы в полном порядке. Правда, пришлось трудновато, знаете, когда такая спешка... Но дело есть дело.

Он вынул из кармана швейцарские паспорта и с заискивающей улыбкой передал их Илье.

— Визы на выезд в Иран поставлены. Желаю успеха, — и, перейдя на шепот: — Хайль Гитлер!

Линденблатт, майор немецкой разведки, подвизавшийся в Берне под видом чиновника германского посольства, занимал солидное положение на службе, был на хорошем счету, но держал себя с Ильей и Анной подобострастно. Кто знает, что это за птицы? О них беспокоился сам Шелленберг.

— Когда самолет? — спросил Илья.

— Через три часа. Я высажу вас неподалеку от центра города. Погуляйте, а затем — на аэродром. Билеты вам заказаны еще вчера.

— Надо ли заходить в фирму “Барони”, представителем которой я буду в Тегеране?

— Нет. Директор в курсе дела, а служащие не приучены проявлять любопытство. Ну вот, мы приехали, — Линденблатт остановил машину. — Есть еще вопросы? Да, чуть не забыл — деньги. Фирма переведет вам нужную сумму в Тегеран, а это на мелкие расходы.

И все с той же улыбкой Линденблатт передал Илье конверт.

— Надеюсь, город вы знаете?

— Да.

Илья и Анна вышли из машины.

“Последнее официальное лицо нацистской Германии, с которым мне пришлось столкнуться, — подумал Илья о Линденблатте. — Неужели я избавлен на долгое время от необходимости восхвалять фюрера, жать его приспешникам руки? Как я рад, что не услышу бесконечных маршей, барабанной дроби и тупых выкриков: “Хайль Гитлер!”

Каждый раз, когда Илья приезжал в Берн, ему казалось, что он заснул и перенесся на век назад. Анна, с изумлением поглядывая на старинные дома, башни, магазины с готическими надписями на вывесках, на фонтан посередине площади с фантастическими украшениями, заметила:

— Словно в сказке из времен Вильгельма Телля.

Вышли на Бундесплац. Здесь возвышалось внушительное здание швейцарского парламента и правительства. Анна, несколько лет не выезжавшая из Германии, с интересом глядела на витрины магазинов, поражаясь обилию продуктов и товаров, которых в Берлине она давно не видела.

— Вот что значит не участвовать в войне, — глубокомысленно заключила она.

Анна Штайнер, против ожиданий Ильи, оказалась довольно умной и сговорчивой, но чувствовалось, что при необходимости она не остановится перед тем, чтобы пустить пулю в лоб “муженька”. Илья и Анна договорились, что не будут вести никаких лишних разговоров между собой, чтобы предотвратить случайности и не обнаружить, что они немцы. Беседы с восхвалением нацизма исключались даже наедине.

Илья сразу понравился Анне. Своим тактом и корректностью он резко отличался от пошляков офицеров разведки, с которыми ей приходилось общаться. Но Анна была не из тех, кто дает волю своим чувствам; она приняла дружеский тон, который предложил Илья, но чувствовалось, что она постоянно настороже. Илья не раз замечал, что она разглядывает его исподтишка, старается в нем разобраться.

Со швейцарским паспортом в кармане Илья чувствовал себя почти счастливым. Ему хотелось побыть одному, поразмыслить о всех событиях, развернувшихся с такой головокружительной быстротой. Но как уйти от Анны?

— На аэродром еще не скоро, зайдём в кафе, — предложил он.

Он взял под руку нацистскую шпионку в образе ангела с рождественских открыток и помог ей преодолеть несколько ступенек перед входом в кафе.

Сели за столик. Анна заказала кофе, Илья рюмку коньяку. Развернув перед собой газеты, он задумался.

В Иране он наверняка встретится с советскими людьми. Какой будет эта встреча? Как оценят его работу? Может быть, сумеет побывать на Родине? От одной этой мысли сердце забилось сильнее. Скорей, скорее в Иран! Подальше от Германии. Он выпил коньяк, свернул газету и, взглянув на часы, встал.

— Нам пора.

Вот и аэродром. Последняя перед отлетом проверка паспортов. Пограничник долго рассматривал паспорт Анны.

— Господа Зульцер, вам придется задержаться. Кое-что в ваших паспортах нуждается в уточнении, — сказал он.

Это было как гром с ясного неба. Илья сдержался, чтобы не запротестовать. Так много поставлено на карту. И вот... Неужели сорвется так удачно начатая операция?

— Надолго вы нас задержите? Неужели до следующего рейса? — с улыбкой спросил Илья.

— Возможно. На аэродроме имеется гостиница, устраивайтесь в ней. Думаю, мы все выясним быстро.

День прошел в мучительных раздумьях. А вдруг немцы, добывая паспорта, не устранили опасности провала? Тогда швейцарцы могут арестовать его и Анну. В Москве потеряют возможность контролировать задуманное нацистами покушение. Шелленберг может отказаться от использования в Иране предложенных Илей кандидатур и придумает другой вариант. Илью охватило отчаяние. Он не находил себе места. Анна была спокойна и не понимала, почему ее спутник так волнуется.

— Шефы позаботятся. В крайнем случае вернемся в Берлин, — равнодушно сказала она, когда они вышли из гостиницы.

Илья чуть не разразился гневным восклицанием, но вовремя спохватился, понимая, что Анна в конце концов может заподозрить его.

— Нам поручено очень важное дело. Это, если хочешь знать, начало большой карьеры. Будет неприятно остаться в стороне, — сказал он.

Когда агент Линденблатта, наблюдавший за четой Зульцер, доложил ему, что они задержаны швейцарскими пограничниками, дипломата чуть не хватил удар. Линденблатт чувствовал, что Зульцеры едут с очень важной миссией, и понимал, какие последствия могут быть для него в случае провала с паспортами.

Он тут же связался со своим агентом, швейцарским чиновником Рихтгофеном, который добыл паспорта для Ильи и Анны.

Рихтгофен пришел на конспиративную квартиру. Это был шестидесятилетний старик с безжизненными глазами. Он напоминал египетскую мумию.

— Все, все знаю, — не дал он раскрыть рта Линденблатту. — Этот идиот Бюрле забыл поставить на паспорте Анны Зульцер защитный знак, ну, знаете, просто условную такую галочку в определенном месте, чтобы пограничники не сомневались в подлинности паспорта. Это делается для страховки. А в документах герра Зульцера все в порядке.

— Что вы растолковываете давно известные истины? Кто не знает, что такое защитный знак. Вы скажите, как выбраться из этого положения?

— Все будет в порядке. Поставим на паспорт Анны Зульцер условную отмену и вернем его пограничникам, — Рихтгофен помедлил немного и добавил: — Придется поизрасходоваться немного.

Рихтгофен по происхождению был немцем, слыл убежденным нацистом и любил в разговорах со своими шефами похвалиться, что работает на них по идейным соображениям, тем не менее он не упускал случая сорвать каждый раз солидный куш.

— Какие еще деньги? Я заплатил вам за два швейцарских паспорта столько, сколько стоит приличная обстановка для квартиры.

— Герр Линденблатт, люди так испортились, что без платы не хотят сделать шагу.

— Ошиблись вы, а не мы. Вы и расплачивайтесь.

— Да, это так. Но знаете, там могут тянуть несколько дней.

Линденблатт вынул бумажник и, отсчитав несколько банкнот, передал старику. Тот поспешил тщательно их запрятать, было видно, что вряд ли он расстанется с ними.

Об этом, наверное, подумал и тяжело вздохнувший Линденблатт.

Сообщив о непредвиденном задержании четы Зульцер, Линденблатт послал в Берлин обнадеживающую радиограмму. Ответ оттуда гласил, что если в ближайший же день Зульцеры не выедут из Швейцарии, Линденблатт поедет рядовым на Восточный фронт.

Линденблатт снова “нажал” на Рихтгофена. Тот пришел на квартиру Линденблатта совсем растерянным.

— Паспорта Зульцер и все документы, послужившие основанием для выдачи, забрал к себе шеф паспортного стола Фортон. Я бессилён сделать что-либо. Он неподкупен.

— Чем вызвана такая проверка? — испуганно спросил Линденблатт.

— Кажется, он что-то заподозрил. Ему всюду чудятся немецкие шпионы.

— Что он имеет против немцев?

— Его зятя расстреляли в Берлине, а беременную дочь послали в концлагерь.

Линденблатт, немного подумав, обрадованно вскочил с места:

— Это очень хорошо!

Рихтгофен смотрел на него непонимающими глазами.

— Все в порядке. Пока ничего не предпринимайте. Мы вернем Фортону дочь, а он выпустит за границу чету Зульцер. Идите. Когда будет нужно, я позову вас.

Через час Шелленберг получил радиограмму Линденблатта. Прочитав ее, он вызвал адъютанта.

— Немедленно выясните, в каком лагере содержится жена Цинмана. Помните, того, который имел на Фридрихштрассе большой ювелирный магазин. Пусть начальник лагеря позвонит мне по телефону.

Начальник лагеря позвонил Шелленбергу поздней ночью, когда тот уже дремал за письменным столом. Он доложил, что Эсфирь Цинман умерла в прошлом году, вскоре после родов.

— Как умерла?! — закричал Шелленберг.

Не дослушав пространных объяснений, он снова заревел:

— А ребенок?

— Сын тоже умер, — пролепетал перепуганный начальник лагеря.

— Завтра утром привезите мне дело Эсфирь Цинман.

Начальник лагеря хотел было объяснить, что он не успеет к утру добраться до Берлина, но Шелленберг бросил телефонную трубку. Сонливость с него как рукой сняло.

Утром начальник лагеря, неизвестно как добравшийся до Берлина, сидел в приемной. Внимательно просматривая дело Эсфирь Цинман, Шелленберг обнаружил письмо. Он сразу почувствовал, что в нем может быть выход. Брезгливо взяв в руки грязный конверт, достал сложенный вчетверо листок.

“Дорогие мама и папа! Очень плохо мне, дни мои сочтены, скоро увижусь с Альбертом. Вы, наверное, уже знаете, что его нет в живых. Думаю, мое письмо тогда дошло до вас. Ничего, кроме душевного покоя, я не испытывала бы в предчувствии скорой кончины, если бы не сынок. У меня родился сын, я назвала его в честь отца Альбертом. Не нахожу покоя, что будет с ним?

Мои дорогие! Как только получите это письмо, примите меры, чтобы взять Альберта из лагеря. Мне рассказывали, что был случай, когда одного ребенка здесь отдали родным. Может быть, Альберту повезет. Не оставляйте его. Обнимаю вас, мои родные, и целую. Ваша Эсфирь”.

— Почему письмо не было отправлено? — спросил Шелленберг.

— Герр бригаденфюрер, женщина, которой это письмо было передано Эсфирью Цинман для отправки, была арестована. Она поддерживала нелегальную связь с городом. Во время ареста письмо Эсфири Цинман обнаружили у нее. К тому времени Цинман и ее ребенок были уже мертвы.

— А где сейчас эта женщина?

— За нелегальную связь с городом расстреляна.

Шелленберг зло взглянул на начальника лагеря, но неожиданно его осенила какая-то мысль, и он сказал:

— Возвращайтесь в лагерь и подберите у заключенных евреев годовалого мальчишку, который может сойти за сына Эсфири Цинман. Завтра этот ребенок должен быть здесь.

Шелленберг вернул дело Эсфири начальнику лагеря, а ее письмо оставил у себя.

Шеф паспортного бюро Фортон только что вернулся с работы и, ожидая, когда подадут обед, просматривал газеты. Он никак не мог сосредоточиться на сообщениях с фронтов. Мысль о паспортах Зульцер не оставляла его. Документы, которые послужили основанием для выдачи паспортов, были в порядке, но скоропалительность, с которой паспорта были оформлены, вызвала подозрение. Завтра сообщу о своем мнении службе государственной безопасности, пусть разберутся, решил он.

Это его успокоило, и он взялся за газеты. Но прочесть их так и не смог. Служанка принесла письмо. Вскрыв его и прочтя первые строки, Фортон побледнел и, закрыв глаза, откинулся на спинку кресла. Через несколько минут, собравшись с силами, он прочитал все письмо. Это было предсмертное послание его дочери. “Говорить ли жене? — Это была первая мысль, которая пришла ему в голову. — Хорошо, что Элла в отъезде. Хотя она и подготовлена к тому, что Эсфири нет в живых, но письмо будет для нее тяжелым ударом”. Внимательно разглядывая конверт и письмо, он обратил внимание на то, что письмо полугодовой давности. Позвонил и вызвал служанку.

— Когда вы получили его? — спросил он.

— Только что. Письмо принес какой-то посыльный, во всяком случае не почтальон, — ответила служанка.

Фортон задумался. Что это могло означать? Где сейчас ребенок?

Раздался телефонный звонок, Фортон взял трубку.

— Господин Фортон, надеюсь, вы прочли письмо дочери. Можете получить внука при условии, что супруги Зульцер завтра выедут из Швейцарии, и никто впредь не будет их беспокоить по поводу паспортов. То, что мы доставим внука к вам, дело реальное, об этом свидетельствует письмо дочери, которое мы вам послали. Я позвоню через час узнать ваше решение, — говорящий повесил трубку.

Фортон был в смятении. Что делать? Зульцеры, конечно, немецкие агенты. Нарушить долг службы? Нет, ни за что. Сейчас же надо ехать в службу безопасности и все рассказать. Фортон взял за шляпу, но какая-то сила усадила его обратно в кресло. А что будет с ребенком? Эти изверги уничтожат его. Он инстинктивно взглянул на газеты. Немцев гонят из России, идут бои за Днепр, Гитлер не устоит. Спасет ли его какой-то Зульцер? Конечно, нет. Пусть он будет архиразведчиком, уламывал свою совесть Фортон. Лоб его покрылся испариной. Что скажет Элла? Она никогда мне этого не простит. Она и не переживет такого несчастья.

Долго раздумывал шеф паспортного бюро, комкая свою шляпу. Незаметно пролетел час.

Позвонил телефон. Тот же голос спросил:

— Какое вы приняли решение?

— Я согласен, — сказал Фортон и далеко отбросил шляпу, которая превратилась в бесформенный колпак.

— Через день после выезда Зульцера ребенок будет доставлен к вам на квартиру. Не пытайтесь узнать, кто его принес, — в трубке послышался сигнал отбоя.

В день, когда Зульцеры улетели, на квартиру Фортона снова позвонили по телефону.

Дрожащей рукой Фортон поднял телефонную трубку.

— Выгляните в окно. У магазина, против вашего дома, стоит детская коляска, заберите ее — в ней ваш внук.

Фортон бросился на улицу, внес коляску с ребенком в дом, разговаривая вслух:

— Как будет счастлива Элла! Как будет рада Элла!

Крошке не было и года, он спокойно разглядывал комнату. Фортон увидел на худенькой шейке ребенка цепочку. На ней был медальон Эсфири, который Фортон собственными руками повесил на шею дочери, когда она пошла в школу.

XVIII

Панков читал письмо из Москвы, когда Авдеев, обычно медлительный, широко распахнул дверь и быстро вошел в комнату. Генерал с тревогой посмотрел на него — он только что думал о Светлове — и встал из-за стола.

— Жив?!

— Все в порядке. Его задержали на швейцарской границе. Произошла ошибка при оформлении паспорта. Сейчас Светлов с женой, — улыбнулся Авдеев, — уже в пути. Завтра встречаем их.

На следующий день Панков и Авдеев, стараясь не выделяться из общей массы встречающих, увидели среди пассажиров приземлившегося самолета Светлова.

— Вот он! — прошептал Авдеев.

Светлов спускался по трапу, заботливо поддерживая Анну. Его серые глаза неприметно избежали встречающих; когда взгляд остановился на Авдееве, темные зрачки чуть расширились и дрогнули.

Не дожидаясь, когда они сойдут, Панков и Авдеев ушли с аэродрома.

Появление граждан нейтрального государства привлекло внимание офицера английской разведки, находившегося также на аэродроме. Капитан Холмс зашел в помещение порта и разыскал там лейтенанта Хамбера.

— Прибыла чета швейцарских граждан Зульцер. Он уже бывал в Иране. Что-то они мне не нравятся. Вот их паспорта, посмотрите, вы старожил здесь — может, знаете.

Хамбер взглянул на фото Ильи.

— А, это тот самый Зульцер, который жил здесь до вступления наших войск. Он представлял швейцарскую фирму и имел дела на севере — в Мазендеране и Иранском Азербайджане. Теперь приехал с женой, видно женился недавно.

— Им только и дела — жениться да заниматься коммерцией. Побыли бы в нашей шкуре, и не вспомнили бы о женитьбе, — проворчал Холмс.

— Никаких компрометирующих данных на Зульцера у нас нет. Мы обеспечили его тогда хорошим наблюдением. Помните иранца Али? — спросил Хамбер.

— Это того, что недавно устроили в португальское посольство?

— Да. Он работал у Зульцера слугой и сообщал нам о каждом его шаге. Кроме того, адвокат Сафари охарактеризовал Зульцера как человека, ненавидящего нацизм.

— Ну, аллах с ним, с этим Зульцером. Пойду возвращу паспорта. Неплохо бы Али снова направить к нему на службу, — сказал Холмс и вышел.

С аэродрома Илья и Анна поехали на квартиру, на которой жил Илья в первое свое пребывание в Иране.

— А если квартира занята, где мы остановимся? — спросила Анна.

— Я думаю, хозяин получил мою телеграмму из Берна. У него было несколько дней, и он успел освободить квартиру. Если в ней живут, то он подыскал для нас что-нибудь подходящее. В крайнем случае, остановимся пока в гостинице.

Беспокойство Анны оказалось напрасным, квартира была свободной.

Вечером они оба пошли к Глушке.

— Я очень беспокоился, когда вы не пришли на явку. Хорошо, что Берлин сообщил о задержке в пути, — встретил их Глушек.

В нем никто не узнал бы неряшливого старого болтуна. В отутюженном костюме, белоснежной сорочке, подтянутый.

Илья рассказал, что требуется сделать, не посвящая его в суть операции.

— Поместить гостей можно на постоялом дворе Гусейн-хана. Это преданный нам человек. Когда-то состоятельный, он разорился и очень нуждался, я помог ему материально. На наши деньги он открыл опиумокурильню и постоялый двор. Внешне это убогое помещение, но там можно создать известный комфорт.

— Но такие заведения обычно привлекают внимание полиции, — заметил Илья.

— О, насчет этого беспокоиться нечего. У Гусейн-хана прекрасные отношения с блюстителями порядка. Он не скупится.

Анна не вмешивалась в разговор, но внимательно рассматривала Глушена.

— Надо в ближайшие же дни снять три дома поблизости от русского, американского и английского посольств, такие, чтобы из них можно было наблюдать за этими посольствами. Надо найти изолированные дома.

— Я понимаю, что требуется. Сделать это нетрудно. Вы сами знаете, снять здесь дом не проблема.

— Надо делать это так, чтобы не выяснился наш интерес к посольству.

— Не беспокойтесь, все будет в порядке.

Илья знал, что вряд ли немецким парашютистам дадут добраться до Тегерана, а тем более воспользоваться снятыми домами, но все же дать такое задание Глушеку надо было, учитывая, что он связан по рации с Берлином и оттуда могли запросить его, как дела с подготовкой укрытия.

— Когда я могу подробно доложить, что сделано мною во исполнение заданий, полученных при отъезде из Берлина?

— Этим мы займемся после операции.

Разговор перешел на Берлин. У Анны и Глушека нашлись там общие знакомые.

Уходя, Илья договорился с Глушеком, что на следующий день он пойдет к нему и они поедут осмотреть укрытия для парашютистов у Гусейн-хана. Илья назначил время так, чтобы выкроить час на встречу со своими. Придумать другой предлог для отлучки из дома он не мог. Анна знала, что в Берлине ему запретили встречаться со своими старыми знакомыми и агентурой, за исключением Глушека и Махмуд-бека.

Прошло несколько дней после приезда Светлова. Панков и Авдеев дважды выезжали на запасные встречи, но Ильи не было. Им было понятно: мешала Анна. Наконец Светлов появился в условленном месте. Он сел в автомобиль. Авдеев познакомил его с Панковым, и сразу начался оживленный разговор. От этих людей, от их речи, то неторопливой, то быстрой, веселой, на Илью повеяло Родиной. Илье казалось — он не наговорится, так соскучился по родному языку. Он говорил о том, что пришлось ему пережить, как он тоскует по Родине — хотя бы глянуть на нее одним глазком. Разговор перешел на дела. Илья рассказал о встречах с Шелленбергом, о происшествии на швейцарской границе, о встрече с Глушеком, о Гусейн-хане. Илья охарактеризовал Глушека как опасного противника, дельного и собранного человека, который для отвода глаз маскируется под старого неопытного болтуна. Решили вести наблюдение за Глушеком и Гусейн-ханом. Нельзя было исключить того, что Глушек мог получить по рации непосредственно из Берлина какое-нибудь задание, направленное к проверке Светлова. Договорились, что Илья поедет на ирано-турецкую границу и встретится там с Махмуд-беком. В конце разговора Светлов спросил:

— Где сейчас Фридрих?

— Он и Ольга продолжают работать в Новосибирске. Дети у них большие, учатся в школе, — сказал Авдеев.

— Я рад за Фридриха, — улыбнулся Илья.

Расстался Светлов с Панковым и Авдеевым поздно ночью. У него было такое чувство, словно он побывал на Родине.

Утром Авдеев и Смирнов, оба в штатском, сидели в автомобиле поодаль от дома Гусейн-хана. Они решили сами понаблюдать за ним.

Тот вскоре появился на улице и направился в фирму, в которой работал Глушек. Пробыл там около часа, а затем пошел на базар.

Гусейн-хан был высокий, крепкого сложения человек лет сорока, с лицом, обезображенным оспой. Болезнь не пощадила даже бровей. Вместо них над глазами торчало несколько кустиков волос, а нос напоминал обрывок губки.

Перед входом на базар дорогу Авдееву и Смирнову преградила толпа зевак, смаковавших уличное происшествие. Какой-то парень, видимо безработный, схватил с подноса бродячего торговца кусок дыни. Это видел стоявший неподалеку долговязый ажан. Он направился к парню, но тот мигом юркнул в толпу.

— Раст, педер-сухте!¹ — закричал полицейский.

Его свисток залился тревожной трелью, но парень был уже далеко.

— За этот засиженный мухами кусок дыни несчастный мог попасть в тюрьму, — слышалось в толпе. — Да хранит беднягу аллах!

Не выпуская Гусейн-хана из вида, Авдеев и Смирнов, пробившись сквозь толпу, очутились перед большой полукруглой аркой со ступенями, уходящими вниз. Спустились и пошли по крытым улицам, наполовину уходящим в землю, с лавками по обеим сторонам. Лучи солнца, пробиваясь сквозь решетчатую застекленную крышу, пятнали яркими бликами пыльные дорожки. Гусейн-хан зашел в лавку, где продавали

¹ Стой, сын отца, сожженного в аду (перс.).

постельные принадлежности, долго торговался, наконец купил десять комплектов постельного белья и, уплатив деньги, написал на клочке бумаги адрес, куда доставить товар.

— Готовится к приему гостей. Начинает выполнять задание Глушека, — заметил Авдеев.

Гусейн-хан направился в другой конец базара, мимо витрин с серебряными вазами, тарелками, рюмками, мимо гор разрисованных кувшинов и мисок, зашел в магазин, в котором продавались одеяла. Пробыл он там долго, видимо торговался.

Вокруг Авдеева и Смирнова толпились бродячие торговцы. Они кричали и шумели, нараспев перечисляя достоинства товаров. Тут же бродили дервиши с талисманами: бумажками со стихами из корана, камешками с выбитыми на них словами, якобы имеющими скрытый смысл, мешочками с щепотками святой земли из Кербелы. К покупателям приставали нищие. Их было множество. Оборванные, безрукие, безногие, слепые, покрытые язвами, они стонали и плакали, показывали свои увечья и просили — кто чем может — помочь.

Один из нищих показался Авдееву наиболее жалким, и он полез в карман за деньгами, но его схватил за руку Смирнов.

— Что вы, Николай Федорович. Все нищие сейчас же набросятся на нас, как мухи на мед. Мы потеряем Гусейн-хана из вида.

Гусейн-хан вышел из магазина улыбающийся, видимо довольный выгодной покупкой. Пробираясь за ним, Авдеев и Смирнов прошли мимо бородачей в чалмах и широких, как у мулл, аба; бородачи молча и важно сидели, поджав ноги, на ковриках. Это были бродячие писцы, перед ними стояли низкие тумбочки с письменными принадлежностями. За несколько шай писцы сочиняли письма и заявления.

— Эти грамотеи напоминают, как говорят иранцы, наседок, которые воображают, что несут яйца с двумя желтками, — улыбаясь, сказал Смирнов.

Авдеев не принял шутки, он думал о другом.

— Олег, нам нужно посмотреть сегодня ночью заведение Гусейн-хана.

— Николай Федорович, туда придется пойти мне одному. В притоне такого пошиба иностранцев почти не бывает, а если кто и появляется, то привлекает всеобщее внимание. Светлые волосы и серые глаза сразу выдадут вас.

— Ну, хорошо. Я доведу тебя туда и буду ждать неподалеку.

Поздно ночью Смирнов вышел из машины в тихом переулке на окраине Тегерана.

— Ни пуха ни пера, — шепнул Авдеев.

Смирнов свернул за угол. Прямо перед ним через дорогу виднелась вывеска с намалеванным на ней самоваром и чайником. Смирнов толкнул дверь, она оказалась незапертой. На него повеяло сыростью, послышался отдаленный гул голосов. Он вошел. Узкий проход, напоминавший тоннель, привел в полукруглый зал; из зала несколько проемов без дверей, прикрытых дырявыми каламкарами¹, вели в смежные комнаты. Крепко пахло табаком и спиртом. Из комнат шел удушливо-пряный запах опиума. На прилавке шумел самовар. Гусейн-хан, облаченный в грязный фартук, громко разговаривал с каким-то посетителем.

— Не могу, не могу. Ты мне и так много должен. Опиум дорожает с каждым днем. Я скоро разорюсь, — говорил Гусейн-хан, отчаянно размахивая руками, ладони которых были подкрашены хной и казались поджаренными на сковороде.

Наркоман с изможденным лицом, выпучив глаза, кричал:

— Клянусь твоей головой, заплачу все на днях. Если обману, пусть моего отца выбросят из могилы!

Смирнов прошел мимо. Гусейн-хан и наркоман не обратили на него никакого внимания.

Чайная была полна народу. Люди группами сидели на полу, застеленном соломенными циновками. Оглядевшись, Смирнов подумал: “Ну и публика, у нее изо рта кровью пахнет”. Он заглянул в смежную комнату. На топчане, покрытом обрывком старого ковра, лежал худой, как скелет, мужчина, с землистым лицом и остекленевшими глазами. Неискушенный мог подумать, что он умер. На другом топчане согнувшись сидел похожий на мертвеца человек. Он держал в зубах длинную трубку с небольшим фарфоровым шаром на конце и тянул из нее дым.

Смирнов опустился на пол и заказал водку и закуску. Ему принесли кусок лаваша, головку лука и стакан водки. Отпив водки и пожевав лаваша, он повернулся к соседу, кряжистому малому с широким лицом, заросшим волосами. Волосы закрывали почти весь лоб, а густая борода тянулась от глаз до шеи.

— Как пройти во двор?

— Пойдем, я иду туда, — сказал тот и поднялся с пола.

В большом дворе стояла мазанка, обращенная к чайной, стена была без окон.

— А там что? — спросил Смирнов.

— Хозяину мало денег, которые он зарабатывает на водке и опиуме, — усмехнулся парень, — вот и приспособил эту лачугу под постоянный двор. Здесь у него останавливаются паломники, идущие через Тегеран в святые места, в Мекку, Кербелу. В одном дворе пьяницы и богомольцы, — рассмеялся парень.

Возвратившись в зал, Олег заплатил и покинул притон.

¹ Занавеси из хлопчатобумажной ткани с рисунками.

XIX

Светлов готовился к поездке к Махмуд-беку. Анна пыталась было увязаться за ним, но Илья отговорил ее, сославшись на то, что женщине ехать туда не совсем удобно.

С утра Светлов пошел в частный гараж, знакомый ему по прежнему пребыванию в Тегеране, и выбрал машину. В тот же день он выехал к Махмуд-беку.

Сразу после Тегерана дорога пошла унылой равниной — низкие кустарники, сухая трава, голые места. Вдали маячили серые громады гор. У Ильи и без того было тоскливо на душе, а еще этот мрачный пейзаж. Со слов Али, снова появившегося у него в доме, Илья узнал о замужестве Роушан. Так и должно было получиться, ведь он за два года не написал ей ни слова. Илья не винил Роушан. Ему было тяжело, что он не может встретить ее и объяснить все. Что подумает о нем Роушан, узнав об Анне?

Из рассказов Али он понял, что отец хотел выдать Роушан за богатого купца, но Роушан вышла за другого, за Габиба, который вызволил из рук пособников фашистов советского моряка Андрея Дымова. Винить себя Илья тоже не мог. Что он мог тогда сказать ей? Что он — советский разведчик? Или офицер абвера? Еще неизвестно, как посмотрела бы на это Роушан. Да и руководство абвера не согласилось бы на этот брак; Илья не имел права действовать самостоятельно. Вот теперь могло быть по-другому. Он не сомневался, что из Ирана поедет на Родину. Роушан поехала бы с ним. Но все кончено, и нечего ворошить старое.

И все же всю дорогу Роушан не выходила у него из головы. Только подъезжая к месту, он отвлекся от этих мыслей.

Впереди показалось несколько глинобитных хижин, теснившихся у мечети. Илья остановил машину. Владелец единственного здесь караван-сарая Ибрагим-ага был своеобразным полпредом Махмуд-бека. Он сразу узнал Самуэля Зульцера и засуетился. Он знал, что этот швейцарский коммерсант продает через Махмуд-бека много товаров, главным образом дешевые ткани, и что Махмуд-бек хорошо на этом зарабатывает и дорожит дружбой с ним. Поэтому Ибрагим-ага был особенно гостеприимен. Гость Махмуд-бека — его гость. Ибрагим-ага накрыл стол в углу комнаты, провонявшей табаком и перегаром бараньего сала, и стал рядом, смотря с удовлетворением на творение своих рук. Он пытался пуститься в разговор, интересуясь, где так долго отсутствовал агаи Самуэль, но тот отделялся односложными ответами.

Поодаль, на кошке, сидели посетители караван-сарая, кочевники в широченных шароварах, собранных у щиколотки, и выцветших куртках. Они пили крепкий чай из маленьких стаканчиков и с любопытством поглядывали на Светлова.

Наскоро поев, Светлов в сопровождении двух вооруженных шахсевенов верхом поехал в кочевье племени Махмуд-бека. Он успел порядком устать от непривычной езды, когда в окаймленной горами долине показались палатки кочевников. Смеркалось. Илья с трудом добрался до палатки Махмуд-бека. Она была, как и другие, из козьих шкур, но убрана внутри богаче.

Приезд агаи Самуэля был для Махмуд-бека неожиданным, он вскочил с подушек, разбросанных на ковре, глаза его радостно заблестели, и, забыв, что перед ним швейцарский коммерсант, он выкинул руку и крикнул во весь голос:

— Хайль Гитлер!

Светлов чуть не рассмеялся. Бек, которого он привык видеть в европейской одежде, был очень смешон в широких голубых шароварах и огромной чалме из цветных платков, обвязанных вокруг войлочной шапки. В палатке сидели седобородые шахсевены в просторных аба¹, старейшины племени. Светлов поздоровался с ними. Повинуясь знаку Махмуд-бека, бородачи вышли из палатки. Расходясь, они покачивали головами. Один из них заметил:

— Махмуд-бек неосторожен. Зачем он так открыто высказывает симпатии Гейдару, дела которого сейчас плохи?

Наци, чтобы польстить религиозным чувствам мусульман, распространяли слухи, что Гитлер принял магометанство, и называли его мусульманским именем Гейдар.

Оставшись наедине с беком, Илья рассказал о цели своего приезда.

— Махмуд-бек, на вашу долю выпала большая честь: Берлин доверил вам серьезное поручение. Есть ли у вас возможность подготовить где-нибудь поблизости площадку для приземления самолетов?

Он неожиданности Махмуд-бек оцепенел, но, справившись с собой, он засуетился и стал пространно объяснять, что совсем рядом имеется природная площадка, вполне годная для приземления нескольких самолетов. Ему сразу пришло в голову, что немцы готовят нападение на Иран. Вот когда наконец придет время расплаты с врагами, и он получит большую власть.

— Еще не совсем темно, пойдем посмотрим, — предложил он.

Площадка оказалась действительно очень удобной, одна сторона ее была окаймлена густым кустарником, за которым свободно можно было укрыться воинскому подразделению.

И на площадке они были только вдвоем.

— Махмуд-бек, надо подготовить десять комплектов одежды, которую носят в вашем племени. Прибывших гостей придется переодеть в нее и отправить в Тегеран. Надо обеспечить их машинами.

Махмуд-бек был несколько разочарован: это не военные действия.

¹ Накидка в виде длинного плаща без рукавов.

— Мы их отправим к Ибрагим-аге на лошадях, а он подготовит две машины, на которых они могут выехать в Тегеран.

— Когда они закончат свое дело в Тегеране, их надо будет переправить нелегально в Турцию.

— И это я обеспечу.

Махмуд-бек был очень заинтригован, но спросить о цели их приезда не решался. Он понимал, что, если Зульцер мог бы сказать, он давно бы сделал это. Светлов передал ему солидную сумму на расходы, связанные с приемом гостей из Берлина.

Перед тем как лечь спать, Илья сказал, что рано утром выедет в Тегеран. Никакие уговоры бека не поколебали его решения. Он сослался на занятость.

На рассвете Светлова разбудила трескотня винтовочных выстрелов. Раскрыв глаза, он увидел, как Махмуд-бек метался по палатке. Схватив винтовку и патронташ, бек выскочил наружу.

Кое-как одевшись, Илья хотел выбежать вслед за ним, но тут же присел. Пуля тоненько пропела над головой, пробив козышки шкуры. Огонь был сосредоточен на палатке вождя племени. Илья еле выполз из нее и укрылся в небольшом углублении.

Он осмотрелся: одни кочевники, лежа на земле, снимали палатки, другие отстреливались, укрывшись за мешками с овсом. Возле них носились, поджав хвосты, собаки, ржали стреноженные лошади. Пули свистели совсем рядом, не давая поднять голову.

“Вот еще не хватало погибнуть здесь от шальной пули”, — подумал Илья.

Вскоре стрельба начала стихать. Нападавшие поднимали с земли лошадей, из-за которых стреляли, и по одному уходили к горам. Соплеменники Махмуд-бека не могли их преследовать, — живых лошадей почти не осталось, — они лишь вели беспорядочную пальбу по удалявшемуся противнику.

Махмуд-бек подошел к Светлову. Слуги его уже хлопотали, поднимая палатку.

— Это дело рук Дауд-бека из соседнего шахсевенского племени. Он мстит мне за то, что я хвалю фюрера. Узнал, что у меня гость и что я занят, решил воспользоваться случаем. Я с ним расплачусь. Хвала аллаху, что отбились.

Бек стал подсчитывать убытки, сколько погибло лошадей и собак, и совсем забыл о раненых соплеменниках.

— Как же быть с заданием Берлина? Об укрытии здесь парашютистов не может быть и речи. О них тут же станет известно окружающим племенам, — сказал Светлов.

— Парашютисты будут сброшены, как ты говорил, ночью. Костры не привлекут постороннего внимания, это здесь обычное явление, их разводят люди, охраняющие лошадей и скот. А из моего племени слух о прибытии гостей распространиться не может. Вывезем гостей в Тегеран ночью, никто о них не будет знать.

— Хорошо, пусть все остается так, как наметили. О сегодняшнем инциденте я не буду сообщать в Берлин.

Махмуд-бек крепко пожал Илье руку. Светлов напомнил, что ему пора в путь.

— Дорога, на которой только что совершено ограбление, безопасна, — горько усмехнулся бек и дал указание седлать оставшихся в живых лошадей.

Анна с нетерпением ждала возвращения Ильи от Махмуд-бека. Она не беспокоилась за него, но ее охватывало какое-то смутное подозрение. Его корректность, выдержка по отношению к ней, все, чем он так отличался от ее сослуживцев и чем нравился ей, стало почему-то ассоциироваться с его странным возбуждением, которое он обнаружил при задержке на швейцарской границе. Не нравилось Анне и то, что он долго отсутствовал, когда ходил последний раз в притон. Что он там так долго делал? Неужели Вальтер — предатель? От этой мысли холодок прополз по позвоночнику. Но она отвергла ее. Хорошее отношение Вальтера заронило ей в душу чувства глубокой симпатии. Она пыталась найти оправдание всему подозрительному, что заметила, но объяснить его задержку в притоне ничем не могла. Не поделиться ли ей своими сомнениями с Берлином? Она покачала головой — это будет выглядеть несолидно, ведь достаточно веских и конкретных фактов у нее нет, полагаться же на одну интуицию нельзя. Анна решила присмотреться к Вальтеру, проверить его.

Она тепло встретила Вальтера, когда он вернулся от бека.

К приему “гостей” все было готово. Илья и Анна поехали к тайнику, где хранилась рация, укрытая Илей еще в первое его пребывание в Иране.

Из Тегерана он повел машину в сторону города Кума. Проехав километров двадцать, свернул в выжженную солнцем степь, на заброшенную, протоптанную когда-то караванами верблюдов дорогу. По ней ездили, наверно, еще в XVI–XVII веках, а может быть, и раньше. Вдоль проселка часто встречались руины гробниц и развалины караван-сараяв.

Одна из гробниц хорошо сохранилась. На невысоком ступенчатом постаменте покоилась четырехугольная усыпальница из обтесанных камней, с покатой крышей.

Через небольшой проем Илья и Анна вошли внутрь. Илья зажег карманный фонарь. Гробница, видимо, давно была пустой, ее разграбили, наверно, какие-нибудь пришельцы. Местные жители считали гробницы святынями и никогда не прикоснулись бы к ним, не взяли бы даже при большой нужде ни одного камня. На это и рассчитывали немцы, выбирая их местом для тайников. Илья, следуя указанию Миллера, укрыл здесь рацию. Он вынул камень из стены, за ним оказалось углубление, там и лежала тщательно упакованная рация.

Вместе с Анной они распаковали ее. Рация оказалась в полной исправности. Анна, используя привезенную из Тегерана батарею, передала в Берлин, что к приему “гостей” все готово, и сообщила точные координаты места, где можно было приземлиться. На следующий день Илья и Анна приняли радиogramму из Берлина: “Встречайте гостей в ночь с 24 на 25 ноября. О прибытии немедленно сообщите”.

Теперь Илье по инструкции надо было ехать к Махмуд-беку и ждать там “гостей”. Светлов сказал Анне, что пойдет в город — предупредить Глушека и посмотреть, все ли готово у Гусейн-хана к приему боевиков. Сомнения опять стали одолевать Анну. Она решила пойти в город. Только стала одеваться, как раздался стук в дверь и в комнату вошел мулла, в коричневой, широченной и длинной до пят аба, в белой чалме. На его лице поблескивали очки в золотой оправе.

— Да пошлет аллах благополучие этому дому.

— Вы ошиблись. Хозяин дома живет рядом, — сказала Анна, всматриваясь в лицо священнослужителя, что-то в нем ей показалось знакомым.

— Нет, Анна, я не ошибся. Не узнаешь? — спросил мулла по-немецки.

— Реслер, неужели это ты? Что за маскарад?

— Да, милая, конечно, я. Без этого маскарада мне опасно разгуливать по городу. Меня многие здесь знают, и, если я попадусь им на глаза, это не сулит мне ничего хорошего.

— Как ты нашел меня?

— Я хорошо знаком с твоим Вальтером и, когда узнал, что он вернулся в Иран, решил с ним повидаться. Я никак не могу наладить связи с Берлином. У меня сохранился шифр, но нет рации, и я не знаю берлинских координатов. Ведь до прихода русских я все делал через посольство. Хотя Вальтер и из другого ведомства, он должен помочь мне. Это ведь в наших общих интересах. Когда ты вышла за него замуж?

— Я не жена Вальтера, а просто радистка, прикомандированная к нему под видом жены. Он готовит очень серьезную операцию. Ты знаешь, Реслер, я почему-то не верю ему. — Она сама не заметила, как вырвалось у нее наблевшее.

Реслер удивленно посмотрел на нее:

— Что ты, он старый член партии. Какие у тебя основания?

— Оснований нет. Пока просто предчувствие.

Анна стала рассказывать. Реслер задумался. Ему вспомнился разговор с Вальтером в абвере. Он тогда предположил, что Вальтер приехал из Советского Союза, неожиданно после этого его, Реслера, отозвали из абвера. Может быть, к этому приложил свою руку Вальтер Шульц — он мог, у него такой влиятельный дядя. Как он раньше не догадался? Подозрения Анны показались Реслеру серьезными. Во всяком случае, Шульца следует проверить.

— Надо сообщить об этом в Берлин. Пусть его отведут от операции. Я сделаю вместо него все, что нужно.

— Но когда и как сообщить? Я обычно всегда с ним и работать на рации без него не могу.

— Сейчас же, немедленно, пока его нет, нужно передать шифровку.

Анна взяла лист бумаги. Реслер стал диктовать. В телеграмме от имени Анны сообщалось, что она серьезно подозревает Вальтера Шульца в предательстве и предлагает парашютистов направить не к Махмуд-беку, а к друзьям Реслера, с которым встретила в Тегеране. Она указывала координаты места, где “гости” из Берлина могут приземлиться. Реслер обеспечит их укрытие в Тегеране. Ответ Анна просила передать шифром, который известен Реслеру, по берлинской радиостанции в промежутках между обычными радиовещательными передачами на следующий день.

— Ну, я поеду, — сказала Анна, составив шифровку.

— Поезжай. Я найду потом узнать, все ли благополучно. Вальтеру и вида не показывай, что подозреваешь его. Потом мы с ним расправимся.

Идя к дому, Реслер то и дело отвечал на почтительные поклоны правоверных мусульман. Он настолько привык к этому, что принимал знаки внимания незнакомых людей как должное.

У особняка, утопавшего в зелени сада, обнесенного узорчатой решеткой, Реслер остановился и нажал кнопку электрического звонка.

— Дома агаи Баят? — спросил он слугу, войдя в вестибюль.

— Он у себя.

Баят — крупный тегеранский домовладелец, популярный общественный деятель, был когда-то депутатом меджлиса¹, убежденный противник англичан. На этой почве он сошелся с немцами. Баят был связан с Реслером задолго до вступления союзных войск в Иран. Реслер первое время скрывался у своего друга в Кердже под Тегераном, потом перебрался к Баяту. Тот поселил его у себя в доме. Там было безопасно. Слуг Баят подбирал из числа своих многочисленных бедных родственников, и на них можно было положиться вполне.

Переодевшись, Реслер пошел к Баяту.

Домовладелец поднялся ему навстречу. Баят был широкоплеч и высок и выглядел довольно бодро, несмотря на свои шестьдесят лет и пряди седых волос в черной шевелюре. Молодили его карие искристые глаза.

---

¹ Иранский парламент.

— Агаи Баят, очень важное и срочное дело. Могли ли бы вы укрыть несколько гостей из Берлина? — прямо спросил Реслер.

Баят ответил не сразу. Прошелся из угла в угол по кабинету и остановился перед Реслером.

— Я понимаю, что они придут с серьезной миссией. Для меня это связано с большим риском, но вы знаете, Реслер, чтобы насолить англичанам, вековым угнетателям моей страны, я готов на все. Гости можно укрыть на моей даче в Шимране. Для поездок в город вместительный “крайслер” будет в их полном распоряжении. Могу субсидировать эту операцию.

— Спасибо, агаи Баят, но думаю, нужды в деньгах гости испытывать не будут.

— А не связан ли их приезд с тем, что английское посольство ожидает какую-то важную персону из Англии? В посольстве идет подготовка к встрече.

— Возможно... Возможно, — заметил Реслер. Анна не посвятила его, в чем будет заключаться операция, которую должны провести гости из Берлина, но как только Баят заговорил о приезде важной персоны из Англии, он сразу понял, что ликвидация этой персоны, видимо, и есть цель операции. — Суть операции станет известна, только когда наши офицеры придут сюда, — сказал Реслер.

— Герр Реслер, чем еще я могу быть полезен?

— Прошу дать мне машину. Я хочу съездить в Кередж и осмотреть площадку, помните, я рассказывал вам, что облюбовал там место, вполне пригодное к приему самолетов.

— Пожалуйста, можете воспользоваться любой из двух машин. Но не поздно ли, может быть, лучше отложить на утро?

— Нет, медлить нельзя ни минуты.

Через несколько минут “крайслер” несся по кереджской дороге. Ночь была лунной и прохладной. Реслер с удовольствием высовывался в окно и подставлял голову встречному ветру. Немец был взволнован. Шутка ли, после долгого бездействия приобщиться к столь важному делу.

После вступления союзных войск в Иран Реслер, бывший в командировке на юге Ирана, не успел связаться со своими и перешел на нелегальное положение. Когда германские дипломаты были выдворены из Ирана, а германские подданные интернированы, Реслер вернулся в Тегеран, укрылся в Кередже. Он связался еще с несколькими разведчиками, оставшимися, как и он, нелегально в Иране.

Им удалось создать фашистскую организацию из иранцев “Миллионе Иран”¹. На первых порах эта организация сумела спровоцировать восстание некоторых племен против союзников, но вскоре была ликвидирована. Руководители организации и немцы, создавшие ее, были арестованы военными властями союзников, но Реслеру удалось укрыться у Баята.

Неожиданно перед Реслером вырос Кередж. Он свернул с шоссе и подъехал прямо к площадке. Она по-прежнему была вполне пригодна для приземления. До получения согласия Берлина Реслер не стал давать указание своим людям готовить площадку и вернуться в Тегеран.

Светлов в это время докладывал Панкову и Авдееву о радиограмме из Берлина.

— Террористов надо перехватить в пути, — сказал Панков, — допускать их приземление в расположение кочевников нельзя. Они могут уйти из-под нашего контроля, а перед самым началом конференции это очень опасно.

— Я прикажу, чтобы неподалеку от кочевья племени Махмуд-бека находилась на всякий случай наша часть, — сказал Авдеев.

— Правильно, надо организовать засаду, — согласился Панков. — А вам, Илья Афанасьевич, лучше, не теряя времени, выехать к Махмуд-беку. Вдруг немцам удастся проскочить.

Раздался телефонный звонок. Сотрудник, наблюдавший за Анной Штайнер, сообщил, что она поехала в сторону тайника с рацией.

— Я вывел рацию из строя, — усмехнулся Илья.

— Надо немедленно ехать к тайнику и арестовать Анну. Она может предупредить Берлин через того же Глушека, у которого есть рация. Немцы найдут другой способ перебросить сюда людей, и они окажутся вне нашего контроля. Едем! — приказал Панков, и все направились к машине.

Анна вела машину к тайнику с рацией и не замечала, что вместо того чтобы прибавлять скорость, сбавляет ее. Какое-то непонятное беспокойство охватывало ее. “А вдруг Вальтер по заданию Берлина ведет какую-нибудь игру?” — подумала она и, поймав себя на том, что придумывает небылицы, лишь бы оправдать Вальтера, зло нажала на акселератор.

Свернув с шоссе на проселок, Анна остановилась недалеко от гробницы. Вынула из укрытия рацию — она не работала. “Это он вывел ее из строя, чтобы я не могла связаться с Берлином без него”, — подумала Анна о Вальтере. Ей стало страшно. Теперь никаких сомнений в предательстве Вальтера у нее не было.

---

¹ Иранские националисты.

Она старалась взять себя в руки, но у нее ничего не получалось. Анна не знала, что ей делать. Сначала пришло в голову, что надо немедленно скрыться. Потом она подумала: надо во что бы то ни стало ликвидировать Вальтера и скрыться с помощью Реслера в Турцию. Там есть германское посольство, отсюда несложно будет возвратиться в Берлин. А сейчас надо мчаться к Глушеку и по его радию сообщить о предательстве Вальтера, предупредить, что он готовит для парашютистов западню.

Садясь в машину, Анна увидела, что на дороге, ведущей к тайнику, оказался бежевый лимузин. Было ясно, чей это автомобиль и что ожидает ее. Она решила уйти от преследователей. Лимузин помчался за ней. Вот-вот он нагонит ее. «Вальтер, наверно, с ними? Это он подсказал, где меня искать. Теперь не уйти. Сдаться? Нет. Я участница большого заговора, важная преступница. Меня, безусловно, расстреляют. Сидеть и в муках ждать смерти? Лучше сейчас сразу покончить со всем. В суматохе забыла взять пистолет. Что делать?»

Анна посмотрела по сторонам. Справа выступила серая бетонная стена. Поворот руля — и машина врежется на полном ходу в стену, какое-то мгновение, и конец... На следующий день в газетах промелькнул заметки, что в результате автомобильной катастрофы погибла швейцарская гражданка госпожа Анна Зульцер. Анна твердой рукой направила машину на стену, но в самый последний момент воли не хватило, она вывернула руль в сторону и, не рассчитав, врезалась в каменный парапет моста.

Когда подъехал лимузин, Анна Штайнер была уже мертва.

Не возвращаясь домой, Илья выехал к Махмуд-беку, как было условлено с генералом Панковым.

Вернувшись из Кереджа, Реслер провел в кресле остаток ночи. Он с нетерпением ждал начала берлинских радиопередач, надеясь услышать ответ на свое предложение.

Начались передачи. Реслер еле дождался перерыва, но ответа не было. До 10 часов утра он не отходил от приемника, но передачи, обращенной к нему, так и не услышал.

Он стал думать, что с Анной случилось несчастье и она не сумела передать шифровки. В это время слуга принес газеты. Реслер машинально раскрыл одну из них, и сразу его взор остановился на отделе хроники:

Автомобильная катастрофа

На шоссе, ведущем из Кума в Тегеран, вчера, 23 ноября, поздно вечером произошла страшная трагедия. Автомобиль, которым управляла швейцарская гражданка Анна Зульцер, на полном ходу врезался в парапет моста и разбился. Когда к месту катастрофы подъехали проезжавшие машины, среди обломков автомобиля пассажиры нашли изуродованный труп госпожи Зульцер. Судя по предварительным данным, госпожа Зульцер в автомобиле была одна. Ее муж, швейцарский коммерсант Самуэль Зульцер находится в деловой поездке. Ведется следствие.

«Шульц, конечно, Шульц. Это дело его рук. Он избавился от Анны. Она ему мешала». С этой мыслью Реслер вскочил с места. Надо немедленно подготовить все, чтобы провести операцию, если посланцы Берлина будут схвачены. Он со своими молодцами доберется до любого посольства. Он теперь знает, что требуется. Наскоро надев штатский костюм и натянув кепку, Реслер устремился к северной окраине Тегерана. Там подошел к невзрачной мазанке, затерявшейся в лабиринте улочек, и постучал в калитку. Его пустили в дом. Он очутился в большой комнате, заставленной карточными столами. Сизый табачный дым стелился по потолку. Это был игорный дом. Картежники, видимо, не уходили отсюда со вчерашнего вечера. Помятые физиономии, красные от бессонной ночи глаза, груды окурков красноречиво свидетельствовали об этом.

За одним из столов Реслер разыскал Ашума и отвел его в сторону. Реслер знал о связи Ашума с Югансоном и недавно установил с ним отношения, ссылаясь на его прежнего хозяина.

— Ашум, можешь ли ты подобрать человек десять, которые взялись бы отправить в рай одного туза — врага Германии, а может быть, и нескольких. За это хорошо заплатят.

— Арбаб, среди моих знакомых таких людей долго искать не придется.

— Потребуется проникнуть в одно иностранное посольство, которое хорошо охраняется. Здесь состоится, наверное, какая-то дипломатическая встреча.

— Хоть к шайтану в спальню. Это нас не остановит.

— Готовь людей, только не говори им, в чем дело, а я разработаю план.

Возвращаясь домой, Реслер решил, что прежде всего нужно ликвидировать Шульца.

XX

На советском аэродроме недалеко от турецко-иранской границы в небольшом деревянном доме собралась группа чекистов во главе с генералом Панковым и полковником Авдеевым. Около каждого на полу лежал парашют, а поблизости на аэродроме стоял готовый к взлету транспортный самолет. В домике было на редкость тихо, только попискивала рация.

— В воздухе “юнкерс-52” без опознавательных знаков, — бросил скороговоркой радист.

Все с напряжением стали прислушиваться к переговорам Панкова с командиром звена истребителей, поднявшегося навстречу “юнкерсу”. Командир сообщил, что в ответ на предложение приземлиться “юнкерс” пошел было за истребителями, на советскую территорию, а затем неожиданно повернул в сторону Турции.

Все ждали, что скажет Панков. Он приказал:

— Открывайте огонь.

В это время между “юнкерсом”, появившимся над Ираном, и вторым самолетом, который летел вслед за ним, но находился еще над Турцией, шли радиопереговоры. На первом самолете была группа немецких боевиков, на втором — руководитель операции полковник Гардт. Это по его указанию первый самолет пытался ускользнуть от советских истребителей.

— Наш первый самолет лег на обратный курс. Как быть нам? — спросил командир корабля Гардта.

Тот, помедлив несколько секунд, проворчал какое-то ругательство и приказал:

— Возвращайтесь на базу. Первый самолет пусть следует за нами.

Но выполнить этого “юнкерс” уже не смог. Советские истребители открыли огонь.

— Самолет загорелся и, падая на советскую территорию, взорвался, — доложили с головного истребителя.

И, словно подтверждая это, вдалеке раздался глухой гул.

— Передайте, что мы вылетаем к месту падения самолета. Пусть дает нам координаты, — приказал Панков радисту и, обернувшись к чекистам, скомандовал: — В самолет!

Записав координаты, Панков сказал радисту:

— Передайте начальнику отряда, чтобы выслал к месту падения самолета машины, в том числе и санитарную.

В самолете все сидели молча. Уже светало. Летчик подал знак. Первым прыгнул Панков. Идя за ним к дверце, Авдеев вспомнил о своем больном сердце, но махнул рукой и тоже прыгнул.

Приземлились благополучно.

Взрыв был настолько силен, что от “юнкерса”, который немцы использовали обычно для десантирования небольших групп, остались лишь обломки, разметанные в радиусе километра. Сравнительно целым оказался лишь мотор, он глубоко врезался в землю. Никаких документов, даже обрывков бумаги обнаружить не удалось, но по найденным парашютам, частям пистолетов, автоматов, миномета, стреляющего снарядами большой разрушительной силы, было очевидно, что на сбитом самолете летела ожидавшаяся группа боевиков.

Появились машины, посланные из отряда. На месте взрыва делать было нечего, и Панков дал команду уезжать.

Ночью группа чекистов отправилась арестовывать Анджея Глушека.

Многие в Тегеране удивлялись, почему он, будучи материально обеспеченным, не живет там, где все иностранцы, а уединился со слугой-иранцем в лачуге на окраине. Когда его спрашивали об этом, Глушек, ухмыляясь, отвечал, что бежал туда от городского шума.

Чекисты шли по переулкам между глухими глинобитными стенами. Казалось, что они идут по дну высохшего канала. Ожесточенный лай собак преследовал их с обеих сторон.

Подшли к дому Глушека, окружили его. Смирнов постучал в калитку. Никакого ответа. Пришлось постучать еще. Им ответил только громкий собачий лай. Наконец во дворе заскрипела дверь. Вышедший из дома зашлепал наспех надетыми туфлями. Звякнула щеколда, калитку открыл иранец с фонарем в руках. Поднимаясь с постели, он, видимо, впопыхах не нашел одежды и накинул на себя одеяло. Встречая гостей, иранец низко кланялся и гостеприимно разводил руками, словно предлагал в дар весь дом. От этих движений одеяло распахивалось, обнажая грузную фигуру в нижнем белье.

— Да буду я вашей жертвой. Не знаю, за что аллах так милостив к нам, послав столь приятных гостей, — рассыпался он в любезностях, бросая настороженные взгляды в темноту, где виднелась группа советских офицеров.

Неизвестно, сколько времени продолжал бы он изощряться в восточной учтивости, если бы Смирнов не отстранил его и не вошел в дом.

У кровати в белоснежном белье и шелковой пижаме стоял Глушек. Увидев советского офицера, он метнулся к тумбочке, но Смирнов схватил его за руку.

Глушек поник головой и бессильно опустился на кровать.

Когда Илья вернулся в Тегеран с ирано-турецкой границы, было решено арестовать Махмуд-бека. Панков и Авдеев вызвали Смирнова.

— Вам надо выехать в расположение племени Махмуд-бека, арестовать его и привезти в город Казвин, где расположен штаб наших войск. Там мы поговорим с ним. Махмуд-бека обязательно надо взять живым, — сказал Панков.

— Все понятно, товарищ генерал. Разрешите идти?

— Желаю удачи.

— Не исключено, что в Берлине есть второй вариант организации террористического акта, который они попытаются использовать в связи с провалом первого, — заметил Панков.

— Они могли бы использовать своих парашютистов, укрывшихся у кашкайцев. Но парашютисты поставлены англичанами в такое положение, что не могут двинуться дальше расположения племени, у которого нашли приют.

— Николай Федорович, на нас лежит большая ответственность. Надо до максимума усилить охрану конференции, личную охрану глав государств.

— Товарищ генерал, мы приняли все возможные меры на случай, если покушение попытаются осуществить какими-либо другими путями.

Смирнов вернулся из Иранского Азербайджана и доложил, что Махмуд-бек бежал, его настигли при попытке перейти границу в Турцию, он оказал сопротивление и был убит иранскими пограничниками.

— Вот неудача. Он мне был очень нужен, — сказал Панков и, подмигнув Авдееву, спросил: — А что сказали бы по этому поводу иранцы?

— Когда счастье отвернулось, от халвы ломаются зубы, товарищ генерал, — ответил Смирнов.

И все присутствующие, довольные, что завершено тяжелое и ответственное дело, рассмеялись.

XXI

Поздно вечером, полный самых радужных надежд, мечтая о том времени, когда он возвратится на Родину, Илья шел домой. Он хотел утром рассчитаться с хозяином, забрать кое-что и перейти на квартиру, которую ему приготовили товарищи. Швейцарский гражданин Самуэль Зульцер должен был бесследно исчезнуть.

Открыв дверь в квартиру и включив свет, Илья увидел стоявшего в углу муллу. Он сразу узнал Реслера и не успел вытащить пистолет, как в руках Реслера появился “парабеллум”. Освобождаясь от широченного аба, Реслер замешкался. Илья прыгнул к нему и сильнейшим ударом под ложечку сбил немца с ног, тот упал с открытым ртом. “Парабеллум” очутился на полу. Илья поднял пистолет, связал эсэсовца крепкой полосой полотна, из которого состояла чалма.

— Предатель, ты убил Анну, — выдохнул немец.

Илья заткнул ему рот полою аба и позвонил по телефону Авдееву.

Вскоре несколько человек в штатском вошли в комнату. С ними был Авдеев.

— Заберите его в машину, — приказал он.

— Но немец в одежде муллы, его могут увидеть на улице, не оберешься неприятностей, — заметил Илья.

— Заверните его в одеяло.

— И меня тоже, — попросил Илья.

Разбуженные шумом борьбы, хозяева дома наблюдали за машиной, стоявшей у дома.

Пронесли одно завернутое в одеяло тело.

— Агаи Самуэля убили. Не успела погибнуть Анна-ханум, как смерть унесла и его. О, аллах! Что делается на свете? — плаксиво прошептала хозяйка.

Вынесли второе тело.

— Кто же это такие? Полиция или грабители? Зачем они убили агаи Самуэля?

— Это известно только аллаху, — сказал хозяин дома, задерживая занавеску.

Илья рассказал Панкову и Авдееву все, что знал о Реслере.

— Николай Федорович, поручите товарищу Смирнову немедленно заняться Реслером. У него здесь должны быть сообщники. — И обращаясь уже к обоим, к Авдееву и Илье, сказал: — Рузвельту и Черчиллю сказали о заговоре немцев¹. Президент Рузвельт поселился в нашем посольстве, чтобы не разъезжать по городу. Конференция тоже будет проходить у нас, Черчилль может приходить без опаски — английское посольство размещено напротив нашего.

— Все это значительно облегчит нам работу, — заметил Авдеев.

Прошла неделя. Панков и Авдеев представили Светлова одному из руководящих работников советской разведки Петру Семеновичу Иванову, приехавшему в Тегеран в связи с конференцией.

¹ Возвратившись после тегеранской встречи в Вашингтон, президент Рузвельт сообщил на русском посольстве в Тегеране, а не в американском, потому что Сталину стало известно о ге 1943 г.)

Едва Светлов закончил краткий доклад о заговоре немцев, как Иванов встал и подошел к радиоприемнику.

— Сейчас должна передаваться декларация. Давайте послушаем, предложил он и включил приемник.

Раздался голос диктора:

“Декларация трех держав.

Мы, Президент Соединенных Штатов, премьер-министр Великобритании и Премьер Советского Союза, встречались в течение последних четырех дней в столице нашего союзника — Ирана и сформулировали и подтвердили нашу общую политику.

Мы выражаем нашу решимость в том, что наши страны будут работать совместно как во время войны, так и в последующее мирное время.

Что касается войны, представители наших военных штабов участвовали в наших переговорах за круглым столом, и мы согласовали наши планы уничтожения германских вооруженных сил. Мы пришли к полному соглашению относительно масштаба и сроков операций, которые будут предприняты с востока, запада и юга.

Взаимопонимание, достигнутое нами здесь, гарантирует нам победу...”

Молча прослушали Декларацию до конца. Иванов встал, улыбнулся.

— Ну, вот. Все обошлось благополучно. Планы немцев сорваны. “Эврика” состоялась! — сказал он и крепко пожал руку Илье Светлову.

Виктор Георгиевич Егоров
ЗАГОВОР ПРОТИВ ЭВРИКИ

Редактор **И.Стабникова**

Художественный редактор
Н.Юсфина

Технический редактор
Н.Коробкова

Корректор **Л.Жарковская**

Сдано в набор 6/ХП-67 г.
Подписано к печати 13/V-68 г.
Формат бум. 84×108¹/₃₂. Физ. печ.
л. 6,0. Усл. печ. л. 10,08. Уч.-изд.
л. 10,39. Изд. инд. ХД-122.
А05183. Тираж 200 000 экз. Цена
47 коп. в
пер. № 5. Бумага № 2.

Издательство “Советская Россия”.
Москва, проезд Сапунова. 13/15.

Книжная фабрика № 1
Росглавополиграфпрома Комитета
по печати при Совете Министров
РСФСР, г. Электросталь
Московской области, Школьная,
25. Заказ

№ 1006.